

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

43 2025
ЧАСТЬ III

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 43 (594) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Антонио Гауди* (1852–1926), испанский архитектор.

Антони Пласид Гильем Гауди и-Корнет (именно так звучит полное имя архитектора) — коренной каталонец. Он родился в 1852 году в маленьком испанском городке Реусе (по другой версии — в Риудомсе). Когда ему исполнилось шестнадцать, он вместе с семьей переехал в Барселону и начал подготовку к поступлению в Высшую архитектурную школу. И только спустя пять лет он, наконец, стал ее студентом.

Во время учебы молодой зодчий подрабатывал чертежником в мастерских известных испанских архитекторов Эмилио Сала и Франциско Вильяра, а также выполнял мелкие заказы: от проектирования витрин магазинов до создания эскизов газовых фонарей на нескольких городских площадях и улицах. Кстати, парочку причудливых светильников Гауди, украшенных змеями и крылатыми шлемами, можно увидеть на Королевской площади Барселоны и поныне.

Судьбоносным, как ни странно, оказался совсем небольшой проект — оформление витрины для магазина аксессуаров в Барселоне. С помощью обыкновенной проволоки Гауди создал из перчаток фигуры людей, экипажи с лошадьми и даже котиков. Все это настолько впечатлило известного каталонского предпринимателя Эусеби Гуэля, что он заказал у него проект усадьбы, а впоследствии еще целого ряда зданий, которые стали знаковыми памятниками Барселоны. Многочисленные коллаборации с Гуэлем сделали Антонио самым модным архитектором в Испании и открыли путь к более масштабным заказам, которые прославили его на весь мир.

При жизни к Гауди относились по-разному. Одни называли его гением и восхваляли его работы за красоту и сложность исполнения. Другие считали зодчего чудачковатым и даже сумасшедшим, а его творения — слишком экстравагантными и непрактичными. В 1910-х годах на смену модерну, к которому тяготел Гауди, пришел модернизм, ставивший во главу угла функциональность, лаконичность и отказ от использования приемов старых стилей. Популярность архитектора на этом фоне начала угасать.

В молодости Гауди выглядел как денди, носил дорогие костюмы, его стрижка и борода всегда были безупречны. Он был гурманом, постоянно посещал театр и оперу, а строительные участки объезжал в собственном экипаже. В зрелом возрасте архитектор перестал следить за своей внешностью, неопрятно одевался и питался очень скромно. На улице его иногда принимали за нищего.

Гауди полностью посвятил себя архитектуре и всю жизнь был один. Известно, что он оказывал знаки вни-

мания только одной женщине — Жозефе Моро, которая работала учительницей в рабочем кооперативе в Матаро; это было в 1884 году. Она не ответила взаимностью. После этого Гауди с головой ушел в католичество. Считается, что архитектор был замкнутым и неприятным в общении человеком, грубым и высокомерным. Однако те, кто был с ним близко знаком, утверждали, что Гауди был верным другом, дружелюбным, вежливым и обходительным.

К концу жизни из блестящего франта Гауди превратился в отшельника. Жил он предельно скромно и уединенно, а все время и силы посвящал последнему проекту и делу всей своей жизни — строительству собора Саграда Фамилия. На 73-м году жизнь Гауди трагически оборвалась из-за нелепой случайности: его сбил первый пущенный по новой ветке трамвай. Говорят, очевидцы не узнали в скромном старике, похожем на бедняка, гениального архитектора, извозчики отказались его везти в больницу, опасаясь, что им никто не заплатит. В конце концов архитектора все-таки доставили в больницу для нищих, где ему оказали примитивную медицинскую помощь. Лишь на следующий день его нашёл и опознал капеллан храма Саграда Фамилия Мосен Хиль Парес-и-Виласау. К тому времени состояние Гауди уже ухудшилось настолько, что даже лучшее лечение не могло ему помочь.

Существует легенда, что такси в Барселоне имеют преимущественно чёрную окраску (с добавлением жёлтого цвета — цвета траура и стыда) в память о Гауди, которого извозчики отказались везти в больницу.

Настоящее признание к зодчему пришло после его смерти. С угасанием популярности модернизма творчество Гауди начали переосмысливать. Оказалось, что за экстравагантным декором скрываются нестандартные и инновационные инженерные решения. Например, архитектор использовал наклонные колонны и опоры, которые более равномерно распределяли нагрузку и при этом создавали эффектный вид.

Сегодня работы Гауди признаны национальным достоянием Испании. Барселона прочно ассоциируется с его витиеватыми причудливыми зданиями, а его главная работа — собор Саграда Фамилия — по праву признана одним из главных символов столицы Каталонии.

С 1992 года ведётся кампания в поддержку причисления Гауди к лику святых. 14 апреля 2025 года Папа Римский Франциск присвоил Антонио Гауди статус досточтимого слуги Божьего, что является первым шагом на пути к канонизации.

В 2013 году день смерти Гауди (10 июня) был объявлен ежегодным Всемирным днем модерна.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Коновальцева А. А.

Домашний арест и заключение под стражу:
сравнительно-правовая характеристика..... 143

Коновальцева А. А.

Процессуальные сроки применения
домашнего ареста и заключения под стражу ... 146

Кругликова Е. А.

Отмена судебного приказа: срок, процедура,
правовые эффекты..... 149

Кульпина П. А.

Недостатки правового
обеспечения информационной
безопасности в банковской сфере
в Российской Федерации..... 151

Лещева Д. А.

Актуальные вопросы законодательного
регулирования приговора суда
в уголовном процессе..... 155

Лукоянова А. И.

Сравнительно-правовой анализ организации
региональных судов: зарубежный опыт
и перспективы для России..... 158

Майорова Т. А.

Проблемы правовой определенности
при регулировании цифровых форм
предпринимательства..... 159

Милибаев А. Р.

Генезис российского военно-уголовного
законодательства..... 163

Милибаев А. Р.

Преступления против военной службы:
современные проблемы квалификации 164

Митьковский Л. Н.

Проблемы административной
ответственности за правонарушения
в области предпринимательской
деятельности и деятельности
саморегулируемых организаций..... 166

Новикова Д. А.

Юридические риски при сопровождении
онлайн-проектов 170

Осипов Д. В.

Государственная служба
в правоохранительных органах 173

Путиенко Н. А.

Возможности установления первоначального
содержания сгоревших документов 175

Путренкова А. А.

Гражданско-правовая ответственность
медицинских организаций при оказании
медицинских услуг 176

Пуцына Е. И.

Психологические факторы, влияющие
на проявление особой жестокости
при совершении убийства 178

Семьянинова Н. В.

Понятие и значение криминалистической
характеристики изнасилований 181

Семьянинова Н. В.

Типовые следственные ситуации
при расследовании изнасилований 183

Смертина К. В.

Корпоративные обязанности акционера
(участника) 185

Татаурова В. В., Пономарева К. Е.

Мошенничество в сфере компьютерной
информации: проблемные вопросы теории
и практики 188

Толстякова А. Е.

Юридическая ответственность тренера 189

Хохлов В. В.

Общая характеристика процедуры
банкротства физического лица
в Российской Федерации..... 191

Хохлюк И. С.

Квалифицирующие и особо
квалифицирующие признаки разбоя 194

Цоктоева М. Л.

Понятие и виды оснований применения
условно-досрочного освобождения..... 196

Чернова А. С.

Применение искусственного интеллекта
в организации работы судов в РФ..... 198

Чернова А. С.

Управленческие компетенции и их роль
в организации работы судов в Российской
Федерации 202

Шабанова М. В.

Роль репродуктивного образования
в профилактике насилия и девиаций
у подростков 205

Шаблинская В. Ю., Лукиных Л. В.

Влияние результатов государственного
межевания на государственную регистрацию
прав и оборот недвижимости..... 207

Шевченко М. А.

Общая характеристика обеспечения системы
национальной безопасности РФ 210

Эфендиев А. А.

Особенности рассмотрения дел
об административных правонарушениях,
посягающих на права граждан 212

Яскунова Ю. М.

Наследование накопительной части пенсии
в России: проблема бессрочных выплат
и предложение изменений 214

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Домашний арест и заключение под стражу: сравнительно-правовая характеристика

Коновальцева Анастасия Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Коротыш Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье проводится сравнительно-правовой анализ двух наиболее строгих мер пресечения в российском уголовном процессе — домашнего ареста и заключения под стражу. Рассматриваются правовая природа этих мер, порядок их применения, статистические данные об их применении судами, а также основные проблемы, которые возникают в связи с ними на практике. Особое внимание уделяется сопоставлению указанных мер пресечения как альтернативных способов обеспечения надлежащего поведения обвиняемых и подозреваемых в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: меры пресечения, домашний арест, заключение под стражу, уголовный процесс, судебный контроль, права обвиняемого.

Проблема выбора меры пресечения в уголовном процессе остается весьма актуальной на протяжении многих лет. Особенно остро она проявляется, когда возникает вопрос о применении наиболее строгих мер — домашнего ареста и заключения под стражу. Данные меры процессуального принуждения, серьезно затрагивают конституционное право на свободу личности, что, безусловно, требует взвешенного и тщательно выверенного подхода к их применению. При этом нельзя забывать и о публичных интересах — необходимости обеспечить нормальный ход расследования и предотвратить возможное уклонение обвиняемого (подозреваемого) от предварительного расследования и суда.

История развития этих мер в российском процессе складывалась в разные годы по-разному. Так, заключение под стражу применяется уже много столетий и прочно укоренилось в правоприменительной практике, да и сознании правоприменителей. С домашним арестом гораздо все интереснее — подобная мера существовала в дореволюционном и раннем советском праве, однако же в УПК РСФСР 1960 года она уже не вошла, вернувшись, в итоге, на правовое поле лишь только с принятием действующего УПК РФ. Такой, достаточно длительный перерыв не мог не сказаться на отношении к этой мере — у правоприменителей просто не было времени выработать устойчивые подходы к ее применению.

Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, обе эти меры избираются только тогда, когда невозможно применение иной, более мягкой меры пресечения [1].

Казалось бы, законодатель четко определил их исключительный характер. Однако на практике всё выглядит много иначе. Статистика однозначно показывает, что суды удовлетворяют около 88–89 % ходатайств органов следствия и дознания о заключении под стражу [3]. При этом домашний арест избирается лишь в 3–4 % случаев от общего числа мер пресечения. Получается парадоксальная ситуация — альтернатива заключению под стражу существует формально, однако на практике применяется крайне редко.

Правда, есть и положительная динамика. Количество лиц, находящихся под домашним арестом, существенно увеличилось. Если в 2013 году под домашним арестом находилось около 5 тысяч человек, то в 2024 году домашний арест был применен в отношении 16 тысяч лиц [11, 12]. Это означает более чем трехкратный рост. Однако, несмотря на столь значительное увеличение абсолютных показателей, доля домашнего ареста в общей структуре мер пресечения остается пока незначительной, что не позволяет говорить о системном изменении подходов правоприменителей.

Касаясь правовой природы данных мер пресечения, нетрудно заметить существенные различия. Хотя обе они представляют собой формы изоляции от общества, но степень такой изоляции значительно отличается. Заключение под стражу предполагает помещение обвиняемого в СИЗО с полным контролем за его поведением и максимальным ограничением личной свободы [2]. Домашний арест позволяет находиться субъекту в привычной для

него обстановке, хотя и с серьезными ограничениями — запретом покидать жилище, общаться с определенными лицами, пользоваться средствами связи.

Законодатель предусмотрел и различные условия применения этих мер. Для заключения под стражу установлены жесткие требования, связанные с категорией преступления — оно применяется в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести с применением насилия либо с угрозой его применения, тяжкого или особо тяжкого преступления. Для домашнего ареста законодатель не установил жестких ограничений по категории преступления — эта мера может применяться в том числе и по преступлениям небольшой тяжести, что теоретически должно расширять возможности его применения. Однако судебная практика показывает обратное — суды охотнее применяют проверенную временем меру в виде заключения под стражу.

Интересный аспект связан с зачетом времени нахождения под этими мерами в срок лишения свободы. Законодательство устанавливает, что время домашнего ареста засчитывается в срок лишения свободы как два дня за один [6]. Такое соотношение выглядит логичным — домашний арест действительно менее строгая мера, чем содержание в следственном изоляторе (далее — СИЗО). Вместе с тем, это создает определенные сложности при определении совокупного срока, особенно когда меры применялись последовательно. Проблема заключается в том, что при последовательном применении домашнего ареста и содержания под стражей возникают трудности с вычислением предельного срока: например, если лицо находилось 4 месяца под домашним арестом (что засчитывается как 2 месяца лишения свободы), а затем 10 месяцев под стражей, то формальный зачетный срок составит 12 месяцев, хотя фактически прошло 14 месяцев ограничения свободы. Законодатель установил, что общий срок не должен превышать предельный срок содержания под стражей, однако на практике возникают сложности при исчислении этого совокупного срока. Особенно проблематичным является зачет времени, когда меры пресечения применялись последовательно до и после изменения законодательства в 2018 году, когда порядок зачета был изменен для заключения под стражу с соотношения один к одному на два к одному [12].

Как отмечается в научной литературе, действующее законодательство порождает ряд дополнительных проблем при зачете времени содержания лица под стражей в срок наказания, что требует единого подхода в судебной практике [13].

Исследователи справедливо указывают, домашний арест может обеспечивать определенную «экономия принуждения» [4]. Действительно, зачем помещать подозреваемого или обвиняемого в СИЗО, если можно ограничить его права в меньшей степени, при этом достигнув тех же целей? Однако здесь возникает проблема эффективности контроля. В СИЗО обеспечение режима содержания гарантировано самими условиями изоляции. При

домашнем аресте всё зависит от работы электронных средств контроля и добросовестности сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний (далее — ФСИН). На практике нередки случаи, когда обвиняемые нарушают установленные ограничения, что влечет замену домашнего ареста на заключение под стражу [7].

При избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста суд должен указать конкретные фактические обстоятельства, обосновывающие такое решение [5]. Причем это не могут быть данные, не проверенные в судебном заседании, в частности результаты оперативно-розыскной деятельности, представленные с нарушением требований УПК РФ. Однако статистические данные показывают, что суды удовлетворяют около 88–91 % ходатайств следствия о заключении под стражу, что свидетельствует о формальном подходе к рассмотрению таких ходатайств [10]. На практике суды нередко довольствуются общими формулировками, ссылаясь на тяжесть обвинения и возможность скрыться от органов следствия, что подтверждается высоким процентом удовлетворения ходатайств — 88 % в 2024 году [10]. Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, на первоначальных этапах производства тяжесть предъявленного обвинения и возможность назначения длительного срока лишения свободы могут служить основанием для заключения под стражу, однако в дальнейшем одни только эти обстоятельства не могут признаваться достаточными для продления срока действия меры пресечения [1]. Тем не менее, судебная практика показывает, что суды продолжают использовать эти основания и на более поздних этапах производства. Верховный Суд РФ неоднократно отменял подобные решения нижестоящих судов, указывая на недостаточную обоснованность применения заключения под стражу [14].

Такой подход вряд ли можно признать правильным, ведь он фактически лишает обвиняемого права на объективную оценку обстоятельств, обосновывающих применение столь строгой меры.

Выбор между домашним арестом и другими альтернативными судебными мерами пресечения — такими как залог, запрет определенных действий — представляет собой отдельную проблему. После введения в 2013 году запрета определенных действий как самостоятельной меры пресечения появилась еще одна возможность ограничить права обвиняемого (подозреваемого), не помещая его под стражу или домашний арест. Законодатель явно рассчитывал на то, что эта мера компенсирует недостаточную эффективность домашнего ареста и залога [8]. Однако при выборе между запретом определенных действий и домашним арестом суды чаще выбирают домашний арест, поскольку его применение кажется более простым с организационной точки зрения. При этом упускается возможность достичь целей применения меры пресечения при еще меньшем ограничении прав.

Нельзя не отметить и такой момент: выбор меры пресечения на практике часто определяется не столько об-

стоятельствами конкретного дела, сколько позицией следственного органа и сложившейся практикой конкретного суда. Это приводит к неоправданным различиям в подходах по схожим категориям дел. В одном суде за аналогичное преступление могут избрать домашний арест, в другом — заключение под стражу. Такая ситуация явно не способствует единообразию судебной практики и порождает обоснованные нарекания со стороны адвокатского сообщества и правозащитных организаций на необъективность при принятии решений.

Важно понимать, что проблема не сводится только к правовому регулированию. Даже при идеальных нормах закона их применение зависит от множества факторов — от загруженности судов до позиции конкретного судьи. К сожалению, приходится констатировать, что психология правоприменителя играет здесь едва ли не решающую роль. Судьям проще удовлетворить ходатайство следователя (с согласия руководителя следственного органа) или дознавателя (с согласия прокурора) о заключении под стражу.

Особого внимания заслуживает вопрос о соотношении публичных интересов и прав личности. Безусловно, государство заинтересовано в эффективном расследовании преступлений и неотвратимости наказания. Но достижение этих целей не должно происходить за счет необоснованного ограничения конституционных прав. Презумпция невиновности предполагает, что до вступления приговора в законную силу обвиняемый (подозреваемый) считается невиновным. Следовательно, применение к нему мер пресечения должно быть максимально обоснованным и соразмерным.

Анализ практики применения домашнего ареста и заключения под стражу показывает наличие ряда системных проблем. С одной стороны, законодательство предоставляет достаточные возможности для дифференцирован-

ного подхода к выбору меры пресечения. С другой стороны, эти возможности используются не в полной мере. Домашний арест, задуманный как реальная альтернатива заключению под стражу, остается малоприменимой мерой. Это не может не вызывать озабоченности, особенно с учетом того, что Россия неоднократно подвергалась критике в Европейском Суде по правам человека за чрезмерное использование заключения под стражу.

Таким образом, сравнительный анализ домашнего ареста и заключения под стражу выявляет серьезный разрыв между правовым регулированием и практикой применения. Несмотря на законодательное закрепление домашнего ареста как альтернативы заключению под стражу, на практике эта мера применяется редко. При этом действующее законодательство предоставляет достаточные возможности для дифференцированного подхода к выбору меры пресечения. Необходимы изменения прежде всего в правоприменительной практике, в подходах судов к оценке обоснованности применения той или иной меры, а также совершенствование организационных и технических аспектов исполнения домашнего ареста.

Ключевой проблемой остается не законодательное регулирование, а правоприменительная практика. Необходимо изменение подхода судов к оценке ходатайств о заключении под стражу — от формального их удовлетворения к реальной проверке обоснованности применения именно этой, наиболее строгой меры. Домашний арест должен рассматриваться не как формальная альтернатива заключению под стражу, а как приоритетная мера для случаев, когда **назначение** уголовного судопроизводства может быть достигнуто без помещения лица в СИЗО. Только при таком подходе возможно соблюдение баланса между публичными интересами государства и конституционными правами личности.

Литература:

1. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 27.05.2025) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 05.10.2025).
2. Ильин Д. В. Заключение под стражу и домашний арест: теоретико-правовой анализ применения // Пробелы в российском законодательстве. 2021. № 4. С. 308–317.
3. Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2020–2024 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://stat.xn—7sbqk8achja.xn—p1ai> (дата обращения: 05.10.2025).
4. Марковичева Е. В. Трансформация домашнего ареста как меры пресечения в российском уголовном процессе // Правосудие. 2023. Т. 5. № 3. С. 140–153.
5. Ермолаев К. А. Понятие и юридические свойства меры пресечения в виде заключения под стражу // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. Т. 16. № 1. С. 45–52.
6. Костенко Д. С. Запрет определенных действий в системе мер пресечения: дис.... канд. юрид. наук. СПб., 2025. 198 с. [Электронный ресурс]. URL: https://disser.spbu.ru/files/2025/disser_kostenko.pdf (дата обращения: 05.10.2025).
7. Лавдаренко Л. И., Плеснева Л. П., Воткин В. А. Меры пресечения: проблемы правового регулирования и правоприменительной практики // Пролог: журнал о праве. 2024. № 3. С. 92–100.
8. Андроник Н. А. Меры пресечения, избираемые судом: дис.... канд. юрид. наук. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2022. 245 с. С. 127–134. [Электронный ресурс]. URL: https://www.usla.ru/science/dissovet/file/base/7/569/dissert_dl.pdf?ysclid=mgewch5z1t387412242 (дата обращения: 05.10.25)

9. Российские суды удовлетворяют почти все ходатайства следователей о продлении содержания под стражей // Федеральная палата адвокатов РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://fparf.ru/news/media/rossiyskie-sudy-udovletvoryayut-pochti-vse-khodataystva-sledovateley-o-prodlenii-soderzhaniya-pod/> (дата обращения: 05.10.2025).
10. Число домашних арестов резко выросло // Российская газета. 2019. 21 января. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2019/01/21/chislo-domashnih-arestov-rezko-vyroslo.html> (дата обращения: 05.10.2025).
11. Российские суды удовлетворили 88 % ходатайств об арестах в 2024 году // Ведомости. 2025. 20 февраля. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2025/02/20/1093471-sudi-udovletvorili-hodataistv> (дата обращения: 08.10.2025).
12. Желева О. В., Ткач А. С. Некоторые проблемы исчисления и зачета срока запрета определенных действий в срок домашнего ареста, заключения под стражу и лишения свободы // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 45. С. 50–65.
13. Осипова Е. В., Чернявский Д. О. Исчисление срока лишения свободы при зачете времени содержания лица под стражей в срок наказания // Вестник Кузбасского института ФСИН России. 2021. № 2 (47). С. 84–91.
14. ВС указал, что тяжесть обвинения и опасения следствия — недостаточные основания для помещения под стражу // Адвокатская газета. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-ukazal-cto-tyazhest-obvineniya-i-opaseniya-sledstviya-nedostatochnye-osnovaniya-dlya-pomeshcheniya-pod-strazhu/> (дата обращения: 08.10.2025).

Процессуальные сроки применения домашнего ареста и заключения под стражу

Коновальцева Анастасия Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Коротыш Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент

Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье анализируются процессуальные сроки применения домашнего ареста и заключения под стражу в российском уголовном процессе. Рассматриваются правила исчисления сроков этих мер пресечения, порядок их продления, а также проблемы зачета времени нахождения под различными мерами принуждения в срок наказания. Особое внимание уделяется судебной практике и проблемам правоприменения, возникающим при последовательном применении домашнего ареста и содержания под стражей.

Ключевые слова: сроки содержания под стражей, домашний арест, продление сроков, исчисление сроков, зачет времени, меры пресечения, уголовный процесс.

Вопрос о процессуальных сроках применения домашнего ареста и заключения под стражу остается весьма актуальной на протяжении многих лет. Установление временных границ ограничения свободы личности до вступления приговора в законную силу представляет собой одну из наиболее сложных и многогранных проблем уголовно-процессуального права. При этом нельзя забывать и о необходимости обеспечить нормальный ход расследования — именно в этом заключается сложность поиска компромисса между публичными интересами и правами лиц, чья свобода ограничивается применением данных мер пресечения.

Согласно статье 109 УПК РФ, содержание под стражей при расследовании преступлений не может превышать двух месяцев [1]. Это базовый срок, который может быть продлен в зависимости от тяжести преступления и сложности дела. Законодатель установил четкую градацию: до шести месяцев срок продлевается судьей районного суда, до двенадцати месяцев — по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях при особой сложности дела, до восемнадцати месяцев — в исключительных случаях по особо тяжким преступлениям [1].

Для домашнего ареста статья 107 УПК РФ предусматривает первоначальный срок в два месяца [1]. Дальнейшее продление осуществляется по правилам статьи 109 УПК РФ, то есть совокупный срок домашнего ареста и содержания под стражей не должен превышать предельный срок содержания под стражей. Казалось бы, законодатель создал четко структурированную систему. Однако правоприменительная практика выявляет иную картину.

Ключевой проблемой является вопрос о зачете времени пребывания под этими мерами в срок наказания. Часть 3.4 статьи 72 УК РФ устанавливает, что время домашнего ареста засчитывается в срок лишения свободы из расчета два дня за один день [3]. Такое соотношение было введено Федеральным законом от 03.07.2018 № 186-ФЗ [12] и вызвало немало обсуждений. До этого момента зачет производился один к одному, что, безусловно, было более выгодно для обвиняемых и приводило к другим расчетам.

Проблема усугубляется при последовательном применении обеих мер. Представим ситуацию: лицо находилось четыре месяца под домашним арестом, затем мера пресе-

чения была изменена на заключение под стражу на десять месяцев. Формально зачетный срок составит двенадцать месяцев — два месяца за домашний арест плюс десять месяцев содержания под стражей. Однако фактически прошло четырнадцать месяцев ограничения свободы [7]. Законодатель установил, что общий срок не должен превышать предельный срок содержания под стражей, но как правильно исчислять этот совокупный срок — вопрос остается дискуссионным и порождает множество затруднений.

Разработчики нормативных актов не вполне предусмотрели эту сложность. Верховный Суд РФ вынужден был издать дополнительные разъяснения, уточняя, что для лиц, совершивших преступления до 14 июля 2018 года, время домашнего ареста должно засчитываться один день за один день, даже если домашний арест продолжался после означенной даты [8]. Однако даже эти разъяснения не решили полностью возникшие затруднения.

Практика показывает, что судебные ошибки при зачете сроков не являются редкостью. Нередко суды неправильно применяют правила зачета, что приводит к незаконному содержанию лиц под стражей сверх установленного срока [9]. Президиум Верховного Суда РФ неоднократно отменял судебные решения именно по мотиву неправильного исчисления сроков и зачета времени содержания под различными мерами пресечения [9].

Переходя к вопросу о порядке продления сроков, необходимо отметить его процессуальную сложность. Ходатайство о продлении срока содержания под стражей должно быть представлено в суд не позднее чем за семь суток до истечения предыдущего срока [1]. В ходатайстве следователь обязан изложить сведения о следственных и процессуальных действиях, произведенных в период после избрания меры пресечения, а также обосновать необходимость дальнейшего продления.

Судья рассматривает ходатайство не позднее чем через пять суток со дня его получения [1]. При этом оценивается не только обоснованность ходатайства, но и правовая и фактическая сложность дела, общая продолжительность досудебного производства, эффективность действий следственных органов [1]. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что невозможность закончить предварительное расследование в установленный срок сама по себе не является основанием для продления срока содержания под стражей [2]. Должны присутствовать конкретные обстоятельства, обосновывающие необходимость сохранения меры пресечения.

Статистика свидетельствует о том, что суды удовлетворяют около 88–91 % ходатайств о продлении срока содержания под стражей [10]. Такой высокий процент удовлетворения наводит на размышления о формальном подходе судов к проверке обоснованности ходатайств. Между тем аналитики отмечают, что за последние годы наблюдается некоторое снижение числа содержащихся под стражей лиц, что укладывается в общую тенденцию гуманизации уголовного законодательства [11]. В 2021

году под стражу было заключено 87 905 лиц, в 2023 году — 86 954, а по данным на 2024 год в суды поступило 97 тысяч ходатайств о заключении под стражу [11, 13].

Примечательно, что продление срока домашнего ареста осуществляется по тем же правилам, что и продление срока содержания под стражей [2]. При этом условия, связанные с категорией преступления, которая установлена для заключения под стражу, на домашний арест не распространяется. Это создает более широкие возможности для применения домашнего ареста, однако на практике эти возможности используются недостаточно активно.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о продлении срока содержания под стражей для ознакомления с материалами уголовного дела. Если после окончания предварительного следствия тридцати суток оказалось недостаточно для ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами дела, следователь вправе возбудить ходатайство о продлении срока содержания под стражей [1]. Данная норма неоднократно становилась предметом критики, поскольку фактически позволяет содержать лицо под стражей неопределенно долгое время при наличии объемных материалов дела.

При рассмотрении данного вопроса необходимо обратить внимание на позицию национальных и международных органов защиты прав. Конституционный Суд РФ указывал на необходимость соблюдения разумности сроков содержания под стражей [5]. Практика Европейского Суда по правам человека также подчеркивает, что реализация права лица на судебное разбирательство в течение разумного срока определяется существенностью и достаточностью оснований ареста, проявлением национальными властями должного усердия на предварительном расследовании [1].

Определенные проблемы возникают и с продлением сроков домашнего ареста в судебных стадиях. УПК РФ не содержит специальных норм о сроках домашнего ареста на стадии судебного разбирательства [2]. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что в этом случае следует применять положения части 2 статьи 255 УПК РФ, которая устанавливает шестимесячный срок со дня поступления дела в суд [2]. При невозможности закончить судебное разбирательство в этот срок он может быть продлен.

Практика применения норм статьи 108 УПК РФ показывает, что судьи при продлении сроков содержания под стражей не всегда должным образом проверяют наличие предусмотренных статьей 97 УПК РФ оснований [6]. Нередко решения о продлении содержат общие формулировки о тяжести обвинения и возможности скрыться, без указания конкретных фактических обстоятельств. Между тем Пленум Верховного Суда РФ неоднократно подчеркивал, что тяжесть обвинения может служить основанием для продления лишь на первоначальных этапах производства [2].

Такой подход вряд ли можно признать надлежащим, ведь он фактически лишает обвиняемого права на объективную оценку обстоятельств, обосновывающих применение столь строгой меры.

Возвращаясь к вопросу продления сроков содержания под стражей на стадии предварительного расследования, следует отметить, что при отказе в удовлетворении ходатайства о продлении срока содержания под стражей судья вправе по собственной инициативе избрать в отношении обвиняемого меру пресечения в виде домашнего ареста [1]. Однако эта возможность используется крайне редко. Судьи предпочитают либо удовлетворить ходатайство следствия, либо освободить обвиняемого, минуя промежуточный вариант в виде домашнего ареста.

Не лишена противоречий и практика обжалования постановлений о продлении сроков содержания под стражей. Апелляционные жалобы на такие постановления должны быть рассмотрены в течение трех суток [1]. Однако статистика показывает, что обжалуются лишь около 23 % постановлений о продлении сроков [10]. Это может свидетельствовать как о качестве принимаемых судами решений, так и о правовом нигилизме участников процесса.

Отдельное значение имеет ситуация с продлением сроков при направлении дела прокурору. По ходатайству следователя или дознавателя срок домашнего ареста или содержания под стражей может быть продлен для обеспечения принятия прокурором решений по поступившему делу [1]. Продолжительность определяется с учетом сроков, предусмотренных для проверки прокурором материалов дела. В случае возвращения дела следователю с требованием устранения недостатков возможно дальнейшее продление срока для обеспечения принятия решений вышестоящим прокурором и судом [1].

Проблематичным остается вопрос о продлении сроков при возвращении судом дела прокурору. Некоторые суды полагали, что нормы об ограничении предельного срока в таких случаях не применяются, поскольку они действуют только до направления дела в суд [5]. Однако Кон-

ституционный Суд РФ указал на недопустимость бесконечного продления сроков содержания под стражей, подчеркнув необходимость соблюдения принципов справедливости и разумности срока судопроизводства [6].

Таким образом, правовое регулирование процессуальных сроков применения домашнего ареста и заключения под стражу характеризуется определенной сложностью и неоднозначностью. Законодатель установил достаточно детальную систему сроков и порядка их продления, однако правоприменительная практика выявляет немало проблем. Наиболее серьезные трудности связаны с исчислением совокупных сроков при последовательном применении различных мер пресечения, зачетом времени нахождения под домашним арестом в срок наказания, обоснованностью продления сроков содержания под стражей.

Высокий процент удовлетворения судами ходатайств о продлении сроков свидетельствует о необходимости более критического подхода к оценке таких ходатайств. Суды должны не формально проверять наличие оснований для продления, а реально оценивать необходимость дальнейшего ограничения свободы лица. Домашний арест должен чаще рассматриваться как альтернатива продлению срока содержания под стражей, особенно на более поздних этапах производства по делу.

Совершенствование законодательства в этой сфере должно идти по пути большей определенности правил исчисления совокупных сроков, установления более четких критериев для продления сроков содержания под стражей, расширения возможностей замены содержания под стражей на домашний арест. Только при таком подходе возможно обеспечение баланса между необходимостью эффективного расследования преступлений и защитой конституционных прав граждан на свободу и личную неприкосновенность.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 13.10.2025).
2. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 27.05.2025) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 13.10.2025).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 13.10.2025).
4. Долотов Р. Д. Условно-досрочное освобождение от наказания и домашний арест: проблемы взаимозачета // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 2. С. 45–54.
5. Особенности исчисления сроков содержания под стражей // КиберЛенинка. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ischisleniya-srokov-soderzhaniya-pod-strazhey> (дата обращения: 13.10.2025).
6. Разумные сроки уголовного судопроизводства при продлении сроков содержания под стражей // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://vestnikkui.ru/ru/nauka/article/70406/view> (дата обращения: 13.10.2025).
7. Желева О. В., Ткач А. С. Некоторые проблемы исчисления и зачета срока запрета определенных действий в срок домашнего ареста, заключения под стражу и лишения свободы // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 45. С. 50–65.
8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 13.10.2025).

9. Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению положений статьи 72 УК РФ (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 31.07.2019) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 13.10.2025).
10. Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2020–2024 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 13.10.2025).
11. Продление срока содержания под стражей: рекомендации правоприменителям // Уголовный процесс. 2024. № 9. [Электронный ресурс]. URL: <https://e.ugpr.ru/1100504> (дата обращения: 13.10.2025).
12. Федеральный закон от 03.07.2018 № 186-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 13.10.2025).
13. Российские суды удовлетворили 88 % ходатайств об арестах в 2024 году // Ведомости. 2025. 20 февраля. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2025/02/20/1093471-sudi-udovletvorili-hodataistv> (дата обращения: 20.10.2025).

Отмена судебного приказа: срок, процедура, правовые эффекты

Кругликова Елена Александровна, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

Рассматривается отмена судебного приказа как инструмент поддержания баланса между скоростью упрощённого взыскания и правом на состязательное разбирательство. Поэтапно проанализированы момент начала десятидневного срока для возражений, порядок подачи и восстановление пропущенного срока, а также различия регулирования в судах общей юрисдикции и арбитражных судах. Особое внимание уделено исключительной возможности обжалования определения об отмене судебного приказа, сформированной правовой позицией Конституционного Суда, и практическим последствиям для исполнительного производства. Описаны прикладные алгоритмы действий для сторон и роль электронных каналов подачи при соблюдении процессуальной формы. Сформулированы ключевые риски и способы их профилактики.

Ключевые слова: судебный приказ, отмена судебного приказа, десятидневный срок, возражения должника, восстановление процессуального срока, арбитражное приказное производство, исполнительное производство, обжалование определения об отмене.

Судебный приказ предназначен для взыскания по формально бесспорным требованиям: заявление рассматривается без вызова сторон, а вынесенный акт сразу имеет силу исполнительного документа. Механизм устойчиво работает там, где отсутствует спор о праве; равновесие обеспечивается безусловной отменой приказа при поступлении своевременных возражений должника. Норма носит императивный характер: возражения получены в срок — приказ подлежит отмене, взыскателю разъясняется право на исковое обращение [1].

Опорной точкой является не дата вынесения приказа, а момент фактического получения его копии должником: с этой даты исчисляется десятидневный срок для подачи возражений. Правоприменение закрепило ориентиры для «почтовых» ситуаций: при неполучении корреспонденции и её хранении в отделении отсчёт начинается с истечения срока хранения; содержание возражения может быть минимальным — достаточно сформулировать несогласие без мотивировки. Такие правила повышают предсказуемость действий адресата и уменьшают риск формальных ошибок при фиксации момента получения [10].

В арбитражных судах схема симметрична. Копия приказа направляется в установленный процессуальный срок; у должника — десять дней на возражение; поступление в пре-

делах этого срока влечёт безусловную отмену. При пропуске срока возражение возвращается, если не подтверждена невозможность подать его своевременно по независящим от должника причинам. Технологическая оснащённость арбитражного процесса (электронные формы, оперативное размещение актов) повышает предсказуемость процедуры, но не подменяет требования к форме и срокам [2].

При пропуске десятидневного срока действует общий механизм восстановления процессуальных сроков. Оценивается уважительность причин: болезнь, документально подтверждённое отсутствие, сбой доставки, смена адреса при надлежащем уведомлении. При удовлетворении ходатайства суд принимает возражение и отменяет приказ, переводя спор в состязательную плоскость. По сути это не льгота, а способ восстановить равновесие, когда адресат объективно не мог уложиться в срок и вопрос требует исследования доказательств в исковом порядке [4].

Длительное время определение об отмене приказа считалось необжалуемым, поскольку право взыскателя на иск сохраняется. Правовая позиция Конституционного Суда скорректировала баланс в единственной исключительной конфигурации: если отмена вызвана принятием судом просроченных возражений при отсутствии уважительных причин, взыскатель вправе обжаловать опреде-

ление об отмене. Тем самым устраняется риск подмены проверки вопроса о сроке формальным актом отмены; вместе с тем апелляционный фильтр остаётся точечным и не превращает каждую отмену в предмет повторного пересмотра [5].

Правоприменительная практика закрепила точечный механизм апелляционного контроля: в профессиональных обзорах и правовых лентах прямо указано, что определение об отмене судебного приказа подлежит обжалованию, когда суд принял просроченные возражения без убедительных причин. Для взыскателя это — процессуальный инструмент оперативно исправить ошибку в части срока путём подачи частной жалобы на само определение, не дожидаясь исхода будущего иска; для должника — сигнал, что простая ссылка на пропуск без уважительных оснований не создаёт «защиту задним числом», если суд необоснованно признал такие возражения допустимыми [9].

Последствия отмены для исполнительного производства разворачиваются автоматически: приказ утрачивает силу исполнительного документа, основание для принудительного исполнения отпадает, производство подлежит прекращению по мотиву отмены судебного акта, а все действующие ограничения (аресты на счета и имущество, запреты регистрационных действий, ограничение выезда и др.) подлежат снятию. Практически это требует от должника немедленно направить судебному приставу копию определения об отмене, получить постановление о прекращении производства и проконтролировать отражение статуса в Банке данных ФССП, а также фактическую отмену мер в банках, реестрах и смежных органах. При удержанных денежных средствах не перечисленные взыскателю суммы возвращаются по постановлению пристава; перечисленные — подлежат возврату взыскателем, при споре вопрос решается в исковом порядке; исполнительский сбор отменяется с возвратом ранее удержанного в пределах фактических удержаний. Такой алгоритм минимизирует технические задержки и дополнительные издержки на стороне должника [3].

Особого режима требует «цифровая дисциплина»: электронные каналы выступают лишь средством доставки процессуальных документов, а не самостоятельным юридическим механизмом их разрешения. Значимым фактом является не нажатие кнопки в интерфейсе, а поступление в суд корректно оформленного возражения, идентифицированного и зарегистрированного в информационной системе суда; черновики в личном кабинете, уведомления о начале заполнения формы или ошибки загрузки правового значения не имеют. При подаче через официальные электронные сервисы требуется соблюдение установленных форматов и порядка аутентификации (включая электронную подпись — если она предусмотрена), прикрепление читаемых файлов и получение подтверждающего номера/квитанции о приёме. Юридически релевантным считается момент регистрации документа судом, поэтому автоматические письма «документ отправлен»

следует расценивать лишь как технические оповещения. Сбои интерфейса, перегрузка портала или задержки синхронизации не продлевают срок сами по себе; потребуются доказательства, подтверждающие объективную невозможность своевременной подачи. Практический вывод прост: ориентироваться на требования процессуальной формы и подтверждённый факт поступления, при необходимости дублировать отправку альтернативным допустимым способом и сохранять все квитанции, идентификаторы и отметки о приёме [7].

Памятки на официальных ресурсах выполняют прикладную функцию. В них по шагам описаны действия: зафиксировать дату получения, подать возражение в десятидневный срок, при пропуске приложить ходатайство о восстановлении и доказательства уважительности причин. Простая последовательность снижает риск спорных эпизодов, когда срок утрачивается из-за бытовых обстоятельств — утерянного уведомления или неверного понимания режима работы отделения связи [6].

Практические конфигурации разнообразны. При внесении приказа в отношении нескольких солидарных должников достаточно возражений одного: предположение «беспорности» исполнения исчезает для всех, поскольку спор проявился хотя бы у одного адресата. Аналогично, при споре о своевременности возражений вопрос о дате получения копии разрешается доказательствами доставки, а не предположениями. Эти ориентиры систематизированы в профильных правовых источниках, что упрощает прогнозирование исхода на ранней стадии [8].

В завершение важно удерживать внутреннюю логику института в непрерывной последовательности. Приказное производство предназначено для случаев, когда спор о праве отсутствует и достаточно формальной проверки требования; своевременное возражение свидетельствует об утрате беспорности и переводит дело в состязательный порядок с исследованием доказательств. Исключительная возможность обжалования определения об отмене выполняет предохранительную функцию на случай процессуальной ошибки: при необоснованном принятии просроченных возражений у взыскателя сохраняется механизм немедленного восстановления баланса без ожидания исхода будущего иска [5].

Техническая сторона сводится к двум опорным действиям, определяющим дальнейшую траекторию. Во-первых, требуется надёжно зафиксировать момент получения корреспонденции, поскольку десятидневный срок исчисляется именно с этой даты, и любой пробел в доказательствах доставки порождает спор о допустимости возражений. Во-вторых, необходимо соблюсти форму и канал подачи: краткое по содержанию, но корректно оформленное возражение, направленное надлежащим способом, влечёт безусловную отмену приказа; все иные вопросы переносятся в исковую плоскость. При соблюдении этих двух дисциплин институт функционирует по замыслу: обеспечивает скорость там, где спора нет, и гарантирует полноценное разбирательство там, где спор возник.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 19.10.2025).
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 19.10.2025).
3. Об исполнительном производстве: федер. закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 31.07.2025). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71450/ (дата обращения: 19.10.2025).
4. О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 № 62 (ред. от 05.04.2022). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209705/ (дата обращения: 19.10.2025).
5. По делу о проверке конституционности статьи 129, части первой статьи 331, пункта 3 части первой статьи 379.1, части первой статьи 379.2 и пункта 6 части первой статьи 390 ГПК РФ в связи с жалобой гражданки Н. П. Хо-мутининой: постановление Конституционного Суда РФ от 20.11.2023 № 53-П. Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311220001> (дата обращения: 19.10.2025).
6. Как оспорить судебный приказ. Раздел «Помощь», портал «Госуслуги» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.gosuslugi.ru/help/faq/bailiff/10228> (дата обращения: 19.10.2025).
7. Федеральная палата адвокатов РФ. Можно ли отменить судебный приказ через «Госуслуги»? 11.04.2024 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://fpa.ru/info/mozhno-li-otmenit-sudebnyj-prikaz-cherez-gosuslugi/> (дата обращения: 19.10.2025).
8. Отмена судебного приказа (ГПК): подборка материалов. СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/otmena_sudebnogo_prikaza_gpk/ (дата обращения: 19.10.2025).
9. Взыскатель вправе оспорить определение об отмене судебного приказа, если отмена произошла из-за несвоевременных возражений должника. Лента правовых новостей «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. 2023. Режим доступа: URL: <https://www.consultant.ru/legalnews/23861/> (дата обращения: 19.10.2025).
10. Требования, заявляемые в порядке приказного производства (пп. 31–32 о сроках и порядке). Спецраздел к Постановлению Пленума ВС РФ № 62 на сайте СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209705/3b86997f132fafef484876633bf6ba91b4f7a672/ (дата обращения: 19.10.2025).

Недостатки правового обеспечения информационной безопасности в банковской сфере в Российской Федерации

Кульпина Полина Алексеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Бугорский Владимир Павлович, кандидат юридических наук, доцент

Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

В статье автор рассматривает основные недостатки действующей правовой базы Российской Федерации в области информационной безопасности банковской сферы, их практические последствия, а также предлагает конкретные направления совершенствования законодательства.

Ключевые слова: информация, банковский сектор, нормативно-правовая база, безопасность.

Банковская сфера занимает особое место в Российской Федерации, выполняя важнейшие функции для ста-
бильного развития экономики государства, в том числе,

обладает особым конституционно-правовым статусом, закреплённым статьёй 75 Конституции РФ. Предоставляя широкий спектр финансовых услуг, обеспечивая доступ

к финансовым ресурсам как физическим, так и юридическим лицам банковский сектор в последние годы стал объектом масштабного внедрения информационных технологий.

Актуальность темы определяется активным ростом внедрения технологических процессов в банковскую деятельность, которая, в свою очередь, всё же в большей степени подвергается вмешательствам третьих лиц в рамках преступных посягательств. Правовые проблемы информационной безопасности банковского сектора привлекают особое внимание, поскольку в настоящее время законодательное регулирование находится на недостаточном уровне и быстрый темп цифровизации безусловно требует должного правового реагирования, что поможет обеспечить защищенность банковской сферы от негативного воздействия и неправомерного поведения недобросовестных субъектов общественных отношений.

Несмотря на наличие обширной нормативной базы, правовое обеспечение информационной безопасности в банковской сфере сталкивается с рядом системных проблем.

Одним из главных недостатков является высокая степень фрагментации нормативной базы: ответственность и требования распределены между федеральными законами, например: Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»; Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных»; Федеральный закон № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»; Федеральный закон № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры РФ» и отраслевыми актами Банка России, приказами органов исполнительной власти (ФСТЭК, РКН), а также внутренними стандартами кредитных организаций. Эта многослойность создает коллизию норм и повышает издержки на соблюдение требований, поскольку банки вынуждены одновременно ориентироваться на разные по содержанию и уровню детализации акты.

Автором изучены аналитические отчёты «Финансовый сектор: утечки конфиденциальной информации. Мир —

Россия, 2021–2023 гг., 2024 г. [9, 10]», подготовленные экспертно-аналитическим центром (ЭАЦ) группы компаний InfoWatch.

В Российской Федерации зафиксировано 64 факта утечек персональных данных в 2023 году, данный показатель превысил показатели аналогичного периода предыдущего года в 3,2 раза. За 2024 г. экспертно-аналитический центр InfoWatch зарегистрировал 25 случаев утечек конфиденциальной информации в организациях отрасли «Банки и финансовые услуги».

«Из российских финансовых организаций в 2023 г. утекло более 170 млн. записей ПДн (без учёта платёжных данных). Эта цифра больше, чем население России. По сравнению с 2022 г. скомпрометировано в три с лишним раза больше ПДн, а по сравнению с 2021 г. — больше почти в 57 раз [10]». В 2024 г. из российских финансовых организаций утекло более 68 млн записей. (рис. 1).

Следует заметить, что количество утечек, изложенное выше представлено без учёта платёжных данных. Исходя из статистики, можно сделать вывод о том, что складывается негативная, нестабильная динамика, требующая рассмотренная причин и путей решения.

В этом контексте, стоит отметить, что регулятор, в частности Банк России уже выпускает методические рекомендации (например, Методические рекомендации № 2-МР от 22 января 2025 года о тестировании на проникновение и анализе уязвимостей [7]) для организаций финансового рынка, но их юридический вес и обязательность исполнения пока не всегда чётко закреплены в законе.

Согласно опросу, проведенному BISA в декабре 2023 года среди специалистов направлений ИБ и СБ из крупных частных финансовых организаций, за прошедший год наибольшим риском финансовые организации назвали внутренние угрозы утечки данных по вине сотрудников (67 %). В меньшей степени серьезными, но также довольно высокими финорганизации назвали риски роста фишинговых (50 %) и DDoS-атак (50 %) [8].

Так, авторы Бойченко О. В. и Польская С. И. считают, что «к числу наиболее серьезных угроз кибербезопасности банков относятся атаки вредоносных программ

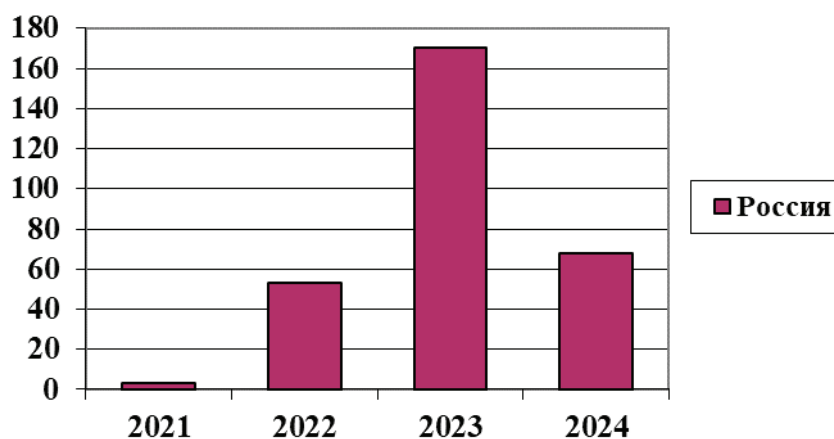

Рис. 1

и программ-вымогателей, фишинг, социальная инженерия, удаленная работа, незашифрованные данные, Интернет вещей, вирусы для смартфонов, облачные атаки, а также атаки на цепочки поставок. Организации, стремящиеся обеспечить действенную систему защищенности пользовательских и коммерческих данных, имеющих признаки конфиденциальности, внедряют в состав автоматизированных банковских систем инновационные способы противодействия существующим угрозам. Однако, при этом мошенники начинают использовать новые уловки, чтобы обвести систему вокруг пальца» [1, с. 25]. Поэтому финансовые организации вынуждены искать новые способы противодействия современным киберугрозам.

Дудин М. Н. отмечает «важным является факт отсутствия специальных программ развития секьюрити-инфраструктуры для банков, финансируемых за счет государственных источников (внебюджетные фонды, целевые бюджеты крупнейших участников рынка кибербезопасности государственной формы собственности). Это делает банковскую систему более уязвимой, так как большинство банков не могут себе позволить такие расходы ввиду длительности их окупаемости и неявного коммерческого эффекта» [2, с. 52–71].

Ещё одним из существенных недостатков правового обеспечения информационной безопасности в банковской сфере Российской Федерации является недостаточная регламентация ответственности.

Механизмы юридической ответственности за утечку данных или неисполнение требований информационной безопасности недостаточно проработаны. В некоторых случаях невозможно определить виновное лицо, особенно в случае атак на инфраструктуру, расположенную за рубежом (например, в облачных сервисах).

Юридическая ответственность за нарушения информационной безопасности в банковской системе Российской Федерации регулируется рядом нормативно-правовых актов.

В частности, Федеральный закон № 152-ФЗ от 27 июля 2006 года «О персональных данных» устанавливает требования к защите и обработке персональных данных клиентов банков, что является ключевым элементом информационной безопасности [11].

Общие правила и требования к защите информации регулирует Федеральный закон № 149-ФЗ от 27 июля 2006 года «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [12].

В Уголовном кодексе РФ (статьи 272–274) предусмотрена уголовная ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации, создание и распространение вредоносных программ, а также нарушение правил эксплуатации компьютерных систем, что применимо к банковской сфере [13].

В то же время Кодекс об административных правонарушениях предусматривает административную ответственность за нарушение требований в сфере информационной безопасности [14].

Центральный банк России выпускает нормативные акты и рекомендации для банков по обеспечению информационной безопасности, но их юридическая сила зачастую ограничена и не всегда сопровождается прямыми санкциями.

Однако, несмотря на законодательную базу, практика показывает наличие значительных проблем.

1. Проблема разграничения ответственности. Законодательно недостаточно четко разграничена ответственность между банком, его сотрудниками и подрядчиками за нарушения в области информационной безопасности. Это усложняет процесс привлечения к ответственности и возмещения ущерба в случае инцидентов [4, с. 45–51]. Например, статья 152-ФЗ обязывает банк обеспечивать защиту персональных данных, но конкретные меры и ответственность исполнителей не всегда однозначны (Федеральный закон № 152-ФЗ).

2. Недостаточная регламентация новых угроз. Современные киберугрозы, включая атаки с использованием искусственного интеллекта и сложных вредоносных комплексов, в действующем законодательстве прописаны недостаточно подробно. Шугунов Т. Л. отмечает, что правовая база отстаёт от темпов развития технологий и киберпреступности, что снижает эффективность защиты банковских систем [6, с. 250–253].

3. Проблемы с применением законодательства. Правовое применение осложняется отсутствием судебной практики по делам, связанным с новыми типами нарушений в банковской сфере. Неопределённость норм и недостаток методических рекомендаций создают пробелы, которые затрудняют работу правоохранителей и судов.

Следующим недостатком следует отметить недостаточность требований к тестированию и отчётности. Несмотря на разработку Банком России Методических рекомендаций № 2-МР от 22 января 2025 г. «По проведению тестирования на проникновение и анализа уязвимостей информационной безопасности объектов информационной инфраструктуры организаций финансового рынка» которым введены требования к тестированию (пентестам) [5], отсутствует унифицированная методика их проведения.

Сидоров И. В. считает, что «не предусмотрена обязательная публичная отчётность об уровне защищённости банковской инфраструктуры» [4, с. 37–44]. Исходя из прогноза развития рынка кибербезопасности в Российской Федерации на 2024–2028 годы разработка единого регламента аудита повысила бы прозрачность и доверие клиентов [8].

Также, низкий уровень кадровой обеспеченности и отсутствие сертифицированных специалистов по ИБ осложняют реализацию даже прогрессивных норм. Смирнов К. В. поясняет «в зависимости от размера компании исправление технических ошибок и угроз может быть невероятно сложным и бюрократическим, требующим межведомственной документации и внедрения. ИТ-отделы и разработчики часто не обладают исчерпывающими знаниями обо всех используемых библиотеках, компонентах

и инструментах. Кроме того, мы ограничены строгими графиками развертывания, чтобы свести к минимуму сбои и простой приложений» [4, с. 50–51.]. Рекомендуется внедрить систему обязательной сертификации и повышения квалификации для ответственных лиц в банках на законодательном уровне.

Исходя из выявленных проблем, можно предложить следующие меры:

1. Унификация правил и создание отраслевого кодекса или стандарта с юридической силой. Объединить требования из разных норм (законы, положения Банка России, акты ФСТЭК и РКН) в единый нормативный акт отраслевого уровня, закрепив юридическую ответственность за нарушения информационной безопасности;

2. Усиление требований к тестированию и аудитам безопасности. Установить минимальные частоты проведения пентестов, внешних аудитов и оценки уязвимостей,

требования к независимости аудиторов. Возможно, включить обязательные публичные отчёты об итогах аудитов;

3. Развитие кадровых стандартов и институциональных возможностей. Законодательно закрепить требования к квалификации специалистов по ИБ в банках и аудиторам, предусмотреть аккредитационные и сертификационные программы, стимулировать сотрудничество банков и высших учебных заведений по профессиональной подготовке. Регуляторы должны быть оснащены экспертами и инструментами для анализа, аудита и надзора;

4. Повышение прозрачности и отчетности перед обществом. Создать правовую основу для отраслевого (но анонимизированного) стандартного отчёта по ИБ-инцидентам, потерям, усилиям, направленным на защиту, чтобы повысить доверие и вовлечённость клиентов и общественности.

Литература:

1. Бойченко О. В., Польская С. И. Аналитика проблем кибербезопасности критической информационной инфраструктуры банков // Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции. 2023. № 3 С. 25.
2. Дудин М. Н. Вызовы и угрозы цифровой экономики для устойчивости национальной банковской системы / М. Н. Дудин, С. В. Шкодинский // Финансы: теория и практика. 2022. Т. 26, № 6. С. 52–71.
3. Северин В. А. Правовые аспекты обеспечения информационной безопасности цифровой экономики // Правовые аспекты обеспечения информационной безопасности цифровой экономики. 2023. Т. 16. № 8. С. 45–51.
4. Сидоров, И. В. Кибербезопасность в российских банках: угрозы и реакция на них // Uralsib Business Trends. 2023. № 2. С. 37–44.
5. Смирнов, К. П. Проблемы кибербезопасности, которые нельзя игнорировать в 2022 году // Russian Journal of Management. 2022. Т. 10, № 4. С. 45–55.
6. Шугунов Т. Л., Жуков А. З., Хочуева Ф. А. Проблемы обеспечения киберустойчивости банковской системы Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 6. С. 250–253.
7. Банк России. Методические рекомендации № 2-МР от 22 января 2025 г. «По проведению тестирования на проникновение и анализа уязвимостей информационной безопасности объектов информационной инфраструктуры организаций финансового рынка».
8. Центр стратегических разработок (ЦСР). Прогноз развития рынка кибербезопасности в Российской Федерации на 2024–2028 годы. М.: ЦСР, 2024. 56 с.
9. Аналитический отчёт «Россия: утечки информации ограниченного доступа 2023–2024» Официальный сайт ГК InfoWatch // URL: <https://www.infowatch.ru/sites/default/files/analytics/files/rossiya-utechki-informatsii-ogranichenno-dostupa-2023-2024.pdf> (Дата обращения: 25.08.2025).
10. Аналитический отчёт «Финансовый сектор: утечки конфиденциальной информации. Мир — Россия, 2021–2023». Официальный сайт ГК InfoWatch // URL: <https://www.infowatch.ru/analytics/analitika/utechki-informatsii-v-finansovom-sektore-za-tri-goda-mir-rossiya> (Дата обращения 13.05.2024).
11. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных» // СЗ РФ. 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3451.
12. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3448.
13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
14. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 1.

Актуальные вопросы законодательного регулирования приговора суда в уголовном процессе

Лещева Диана Александровна, студент

Научный руководитель: Денисович Вероника Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

Статья посвящена актуальным вопросам законодательного регулирования приговора суда в уголовном процессе Российской Федерации, с акцентом на изменения в УПК РФ, в частности, дифференциацию преюдициальной силы приговоров, вынесенных в общем и особом порядке. Анализируется практика применения сокращенных процедур судопроизводства. Автор рассматривает требования к приговору, закрепленные в ст. 297 УПК РФ: законность, обоснованность, справедливость и мотивированность, подчеркивая их взаимосвязь и значение для защиты прав участников процесса. Особое внимание уделяется противоречиям в законодательных формулировках (напр., п. 28 ст. 5 УПК РФ), которые нивелируют уникальность приговора как итогового акта судебной власти. Обсуждается роль справедливости приговора как нравственно-правовой категории, а также необходимость мотивированности судебных решений для обеспечения их убедительности и соответствия принципам уголовного процесса. Делается вывод о ключевой роли приговора в реализации функции правосудия и необходимости четкого законодательного закрепления его особенностей, исключающего смешение с иными судебными решениями.

Ключевые слова: приговор суда, уголовный процесс, законодательное регулирование, УПК РФ, преюдициальная сила, законность приговора, обоснованность приговора, справедливость приговора, мотивированность приговора.

Приговор суда — постановленное именем Российской Федерации решение суда по уголовному делу о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении от наказания. Вопросы, связанные с понятием приговора, его содержанием и значением, всегда находятся в центре внимания ученых и практиков. Необходимо отметить, что в последнее время проблематика приговора актуализировалась дополнениями и изменениями, внесенными в УПК РФ.

Из числа относительно новых положений закона следует указать то, что законодатель внес дополнения в ст. 90 УПК РФ, в результате которых стали выделяться приговоры, постановленные в общем порядке судебного разбирательства, как обладающие преюдициальной силой, и приговоры, постановленные в особом порядке судебного разбирательства (ст. 226.9, 316 или 317.7 УПК РФ), на которые преюдиция не распространяется [2].

Так, в приговоре Солнечного районного суда Хабаровского края от 27 февраля 2019 г. по делу № 1–43/2019 отмечено: «...подсудимый В. добровольно и после консультации с защитником поддержал ранее заявленное ходатайство о рассмотрении в особом порядке дела, дознание по которому проводилось в сокращенной форме. Осознает характер и последствия такого ходатайства.

Государственный обвинитель, защитник подсудимого, возражений о рассмотрении в особом порядке дела, дознание по которому проводилось в сокращенной форме, не имели. Обвинение, предъявленное В. подтверждается доказательствами, указанными в обвинительном постановлении.

Обстоятельств, препятствующих постановлению законного, обоснованного и справедливого приговора, либо свидетельствующих о наличии достаточных оснований полагать самооговор подсудимого по делу не установлено.

Исходя из вышеуказанных обстоятельств, суд считает возможным принять решение в особом порядке. При определении вида и меры наказания суд учитывает характер и степень общественной опасности совершенного подсудимым преступления, личность подсудимого, смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства, влияние назначенного наказания на исправление осужденного.

Обстоятельством, смягчающим наказание В, в соответствии со ст.61 УК РФ, судом признается: явка с повинной (объяснение, отобранное до возбуждения уголовного дела); признание вины и раскаяние в совершении преступления, о чем свидетельствует согласие подсудимого на производство дознания в сокращенной форме, заявленное подсудимым ходатайство о рассмотрении дела в особом порядке; способствование расследованию совершенного им преступления; наличие на иждивении н/летнего ребенка.

Обстоятельством, отягчающим наказание В, в соответствии со ст.63 УК РФ, судом признается рецидив преступлений.

С учетом изложенного, учитывая данные о личности В, который по месту жительства характеризуется посредственно, в целях восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений, суд приходит к выводу, что наказание в виде обязательных работ с лишением права заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами на определенный срок в данном случае обеспечит достижение целей наказания. Вещественные доказательства: компакт-диск DVD+RV с видеозаписью процедуры освидетельствования В ДД. ММ.ГТГГ — хранить при деле.

Руководствуясь ст. 226.9; 316 УПК РФ, суд приговорил В. признать виновным в совершении преступления, предусмотренного ст.264.1 УК РФ, назначить наказание в виде

обязательных работ сроком на 460 (четыре-ста шесть-десят) часов с лишением права заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами на срок 3 (три) года» [3].

В свою очередь, на основании нормы п. 28 ст. 5 УПК РФ «приговор — решение о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении его от наказания, вынесенное судом первой или апелляционной инстанции». В данном определении акцент делается на то, кем постановляется приговор и в чем состоит его суть как решения. Этой детализацией подчеркивается, что именно приговор отвечает на основной вопрос уголовного судопроизводства: о невиновности или виновности подсудимого. Словом, из всех определений понятий видов судебного решения таким указанием конкретизируется лишь понятие приговора.

В целом положения п. 28 ст. 5 УПК РФ и нормы главы 39 УПК РФ позволяют расценивать приговор как особый акт в ряду иных судебных решений. Но в остальных нормативных положениях УПК РФ особенность приговора выделяется непоследовательно и, более того, затушевывается. Это видится не только в приведенной выше ст. 401.6 УПК РФ, но и в п. 53.2 ст. 5 УПК РФ, где определяется, что итоговое судебное решение — приговор, иное решение суда, вынесенное в ходе судебного разбирательства, которым уголовное дело разрешается по существу.

Однако приговор не постановляется в ходе судебного разбирательства, он является итоговым процессуальным актом, конечным результатом, в целом формируемым судебным разбирательством. Иные итоговые решения как разрешающее уголовное дело (постановление о прекращении уголовного дела) могут постановляться и на других стадиях, например, в стадии назначения судебного заседания или кассационного производства [4, с. 90].

Особенность приговора следовало бы подчеркнуть указанием в положениях п. 28 ст. 5 УПК РФ на то, что он постановляется судом именно в результате проведенного судебного разбирательства. Такое уточнение представляется важным, поскольку оно показывает, что фактическая и правовая основы приговора формируются посредством процессуальной деятельности суда и сторон уголовного дела при соблюдении всех принципов правосудия, а также вытекающих из этих принципов общих условий (глава 35 УПК РФ). Но с законодательным установлением различающихся порядков судебного разбирательства приговоры также стали различаться по способу своего формирования соответственно, как приговоры, постановленные в результате общего порядка судебного разбирательства, и приговоры, постановленные в результате особого (сокращенного) судебного разбирательства.

В настоящее время, согласно ст. 297 УПК РФ, законодатель устанавливает требования, предъявляемые к приговору: «Приговор признается законным, обоснованным и справедливым, если он постановлен в соответствии с требованиями настоящего Кодекса и основан на правильном применении уголовного закона» [1].

Принцип законности, являясь наиболее общим и универсальным правовым требованием, проявляется во взаимосвязи с другими уголовно-процессуальными принципами и непосредственно заключается в обязанности всех субъектов уголовного судопроизводства соблюдать нормы процессуального права.

Соответственно применительно к приговору принцип законности предполагает:

— правильное применение уголовного закона, то есть соответствие квалификации преступления его установленным обстоятельствам, определение вида и размера наказания в соответствии с санкцией конкретных норм уголовного кодекса и т. п.;

— безусловное выполнение процессуальных процедур разбирательства дела на всех этапах судебного заседания и постановления приговора (что в определенной мере связано и с удостоверением законности предварительного расследования по делу);

— правильное применение норм иных отраслей права (гражданского, трудового, административного, налогового и других), необходимых для разрешения в приговоре предусмотренных вопросов;

— исследование только допустимых доказательств, дающих основания делать категорические суждения;

— соответствие формы и содержания приговора действующему законодательству [6];

— постановление приговора законным составом суда.

Обоснованность приговора. Это требование в источниках юридической литературы объясняется по-разному. Например, Б. Т. Безлепкина отмечает: «Приговор признается обоснованным, если он постановлен на основании всестороннего и объективного исследования в судебном заседании представленных ему доказательств. Изложенные в приговоре обстоятельства дела и вытекающие из них выводы должны соответствовать действительности, то есть быть истинными» [5, с. 377].

Справедливость приговора. Справедливость является третьим процессуальным требованием, предъявляемым ст. 297 УПК РФ к приговору суда. Следует отметить, что в УПК РСФСР такое требование отсутствовало.

В науке уголовного процесса справедливость приговора понимается как в широком, так и в узком смысле. Причем подход, соответствующий последнему, то есть узкому смыслу, является более распространенным и заключается в понимании справедливости применительно к назначенному судом наказанию [6, с. 229-230; 5, с. 377].

При оценке справедливости приговора в широком понимании к его уголовно-правовой оценке добавляются еще и требования социально-нравственного характера, предполагающие оценку отношения к человеку и совершенному им деянию.

Таким образом, справедливость приговора сводится не только к законности и объективности приговора, но и выступает как их нравственная оценка в глазах общества, отражение социальной справедливости. Р. Искендеров писал о том, что «выделение справедливости как требо-

вания, предъявляемого к приговору, имеет не только правовое значение, но и глубоко нравственное, моральное. Принятые в приговоре решения должны соответствовать представлениям советских людей о справедливости, моральным и правовым воззрениям советского общества» [7, с. 15]. В. Г. Глебов и Е. А. Зайцева солидарны с ним: «Приговор суда должен соответствовать... высоким нравственным принципам» [10, с. 65].

Представляется, что законный, объективный и мотивированный приговор может и не соответствовать требованию справедливости с учетом того, что на момент применения действующие нормы уголовного закона могут не соответствовать социальным запросам и нравственно-правовым воззрениям общества. Справедливый приговор — тот, который это обстоятельство учитывает. Сказанное нередко используется в качестве аргумента о необходимости и расширении суда присяжных, который оценивает обстоятельства уголовного дела с социально-нравственных позиций, являясь своеобразным критерием справедливости по отношению к закону в конкретном случае.

Мотивированность приговора. Ссылка на то, что «приговор должен быть мотивирован» прямо указана только в ст. 301 УПК РСФСР. В УПК РФ такой ссылки нет. Однако во многих источниках написано, что данный принцип приговора подразумевается и что его надо рассматривать так же, как и законность, обоснованность и справедливость. Как отмечает С. Г. Мирецкий: «Мотивированность приговора — это обоснование в нем всех выводов и ре-

шений, принятых судом. Она тесно связана с обоснованностью приговора по существу: немотивированный приговор всегда порождает сомнения в его обоснованности; с другой стороны, ложные выводы суда о фактических обстоятельствах дела неизбежно связаны с порочностью или недостаточностью приведенных в обоснование таких выводов мотивов» [9, с. 5].

С ним солидарен А. С. Кобликов, понимающий под мотивированностью приговора приведение «обоснования выводов, к которым пришел по делу суд» [8, с. 8].

Представляется, что немотивированный приговор априори не может быть законным и обоснованным, поэтому требование мотивировки обязывает судей принимать аргументированные решения, обеспечивая тем самым убедительность полученных судом выводов.

Таким образом, приговор — это акт государственной судебной власти, в котором наиболее полно реализуется процессуальная функция суда — функция разрешения уголовного дела по существу. Специфическая особенность, отличающая приговор от других актов правоприменения, заключается в том, что он выносится только судом, в установленном законом процессуальном порядке и включает в себя решение основных вопросов уголовного дела. Приговором завершается рассмотрение дела в суде первой инстанции, при этом, на лицо возлагается уголовная ответственность либо исключается возможность его привлечения к уголовной ответственности за конкретное преступление.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
2. Федеральный закон от 29.06.2015 № 191-ФЗ «О внесении изменения в статью 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2015. — № 27. — Ст. 3982.
3. Приговор Солнечного районного суда Хабаровского края от 27 февраля 2019 г. по делу № 1-43/2019 // СПС «Консультант плюс».
4. Аширбекова М. Т. Соотношение уголовно-процессуальных функций с этапами правоприменения и назначением уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 4. С. 90–96.
5. Безлепкина Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 13-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2015. — 656 с.
6. Гриненко А. В. Уголовный процесс: учебник. — М.: Юрайт, 2012. — 415 с.
7. Искендеров Р. Справедливость — важное требование к приговору // Сов. юстиция. — 1988. — № 7. — 25 с.
8. Кобликов А. С. Судебный приговор. — М.: Юрид. лит., 1966. — 133 с.
9. Мирецкий С. Г. Приговор суда / отв.ред. А. М. Шапкин. — М.: Юрид. лит., 1989. — 109 с.
10. Уголовный процесс: учебник. В 3 ч. Ч. 3. Судебное производство по уголовным делам. 4-е изд., перераб. и доп. / под ред. В. Г. Глебова, Е. А. Зайцевой. — Волгоград: ВА МВД России, 2013. — 294 с.

Сравнительно-правовой анализ организации регионарных судов: зарубежный опыт и перспективы для России

Лукоянова Анастасия Игоревна, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

В статье проводится сравнительно-правовой анализ организации и функционирования региональных судов в странах с различными правовыми системами: англосаксонской (США, Англия, Япония) и романо-германской (Германия, Франция, Швейцария). Исследуются их полномочия, структура, специализация и ключевые проблемы. На основе выявленных тенденций автор формулирует рекомендации по возможной адаптации позитивного зарубежного опыта для совершенствования деятельности региональных судов в Российской Федерации, с учетом национальной специфики и текущих вызовов судебной реформы.

Ключевые слова: региональные суды, сравнительное правоведение, судебная система, судебная реформа, специализация судов, независимость судей, зарубежный опыт, США, Германия, Франция.

Региональные суды, занимая промежуточное положение между судами первой инстанции и верховными судебными органами, играют системообразующую роль в обеспечении доступности, качества и единообразия правосудия. Их эффективная организация является ключевым фактором укрепления правопорядка и доверия граждан к судебной власти. В условиях судебной реформы в России анализ успешных зарубежных моделей представляется особенно актуальным. Целью данного исследования является выявление ключевых тенденций в организации региональных судов в различных правовых системах и определение потенциала их адаптации к российской правовой действительности.

Существует две основные модели организации региональных судов, соответствующие англосаксонской и романо-германской правовым семьям.

В странах общего права (США, Англия) региональные суды ориентированы преимущественно на апелляционный пересмотр с акцентом на проверку юридических ошибок. В США федеральные апелляционные суды (United States Courts of Appeals) не пересматривают дела по существу, не вызывают свидетелей и не работают с присяжными, фокусируясь на анализе правовых аргументов и соблюдении процессуальных норм [1, с. 45]. В отличие от американской системы с ее строгим разделением инстанций, в Англии Высокий суд (High Court of Justice) сочетает функции суда первой инстанции по сложным гражданским делам и апелляционной инстанции, демонстрируя интегрированный подход в рамках единого органа.

В странах романо-германской правовой семьи региональные суды, как правило, совмещают полномочия первой и апелляционной инстанций. Наиболее ярким примером служит Германия, где суды земли (Landgerichte) рассматривают тяжкие уголовные и гражданские дела с высокой ценой иска, одновременно выступая апелляционной инстанцией для местных судов [2, с. 112]. Отличительной чертой немецкой модели является высочайшая степень специализации в рамках пяти самостоятельных ветвей судебной власти: общей, административной, трудовой, финансовой и социальной.

Французская система демонстрирует уникальный дуализм: наряду с судами общей юрисдикции, функционирует полностью независимая система административных трибуналов, специализирующихся на спорах граждан с публичной властью [3, с. 78]. Это обеспечивает глубокую экспертизу и эффективную защиту прав от действий государства.

Швейцария представляет собой пример децентрализованной модели, где кантоны обладают значительной автономией в организации судопроизводства, включая выбор языка процесса и процедурных правил. Ключевой особенностью является активное участие населения в отправлении правосудия через институты присяжных и непрофессиональных судей.

Несмотря на институциональные различия, в организации региональных судов за рубежом можно выделить ряд общих тенденций:

1. Глубокая специализация: Создание специализированных судов или судебных коллегий (административных, торговых, трудовых, семейных) позволяет концентрировать экспертизу и повышать качество правоприменения.
2. Процессуальная гибкость: Активное использование альтернативных методов разрешения споров (медиация, арбитраж) способствует разгрузке судов и ускорению процедур.
3. Обеспечение независимости: Закрепление несменяемости судей, прозрачные процедуры их назначения и финансовая самостоятельность судебной власти являются краеугольным камнем зарубежных систем.
4. Прозрачность и доступность: Публикация судебных решений, использование цифровых технологий и упрощение процедур для граждан — стандартные элементы современных судебных систем.

К числу общих вызовов относятся перегруженность судов, затягивание сроков рассмотрения дел, а также сложность обеспечения единообразия практики в децентрализованных системах (Швейцария, США).

Проведенный анализ позволяет сформулировать конкретные предложения по совершенствованию российской системы региональных судов на основе адаптации позитивного зарубежного опыта.

1. Развитие специализации в рамках существующей системы. Внедрение германского и французского опыта не требует создания полностью автономных судебных ветвей. Целесообразно усилить специализацию внутри региональных судов путем формирования постоянных судебных составов или коллегий по рассмотрению административных, корпоративных и семейных споров, что повысит квалификацию судей и качество решений.

2. Внедрение гибких процедур и АРС. По примеру Германии и США необходимо активнее внедрять медиацию и примирительные процедуры на стадии апелляционного производства в региональных судах, что сократит нагрузку на судей и ускорит разрешение споров.

3. Усиление гарантий независимости. Опыт стран Прибалтики и Швейцарии показывает важность прозрачного отбора судей с участием судейского сообщества. В России можно рассмотреть возможность расширения полномочий квалификационных коллегий при отборе кандидатов на должности председателей региональных судов.

4. Цифровизация и прозрачность. По образцу Эстонии и Швейцарии необходимо дальнейшее развитие

системы электронного правосудия (ГАС «Правосудие»), включая возможность подачи всех процессуальных документов в электронном виде и проведение судебных заседаний с использованием видео-конференц-связи, особенно для удаленных регионов.

Сравнительный анализ организации региональных судов в зарубежных странах демонстрирует, что не существует универсальной, идеальной модели. Каждая система сформирована под влиянием уникальных исторических, политических и культурных факторов. Однако выявленные общие тенденции — специализация, гибкость, независимость и прозрачность — задают четкие векторы для развития.

Для России наиболее продуктивным представляется не прямое копирование, а взвешенная адаптация наиболее успешных элементов. Развитие специализированных коллегий, расширение использования АРС, усиление роли судейского сообщества в кадровых вопросах и глубокая цифровизация могут стать ключевыми направлениями модернизации региональных судов, способствуя повышению их эффективности, авторитета и доверия со стороны граждан.

Литература:

1. Хаустов С. А. Судебная система США: федерализм и дуализм // Вестник юридической науки. — 2020. — № 4. — С. 45–50.
2. Аболонин Г. О. Специализация судебной системы Германии: опыт для России // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2019. — № 3. — С. 112–118.
3. Бурдина Е. В. Административная юстиция Франции: институты и процедуры // Административное право и процесс. — 2021. — № 5. — С. 78–84.
4. Материалы по судебной реформе в странах Прибалтики / Под ред. И. В. Пузановой. — М.: Статут, 2022. — 256 с.

Проблемы правовой определенности при регулировании цифровых форм предпринимательства

Майорова Татьяна Александровна, студент магистратуры
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

В статье рассматриваются проблемы обеспечения принципа правовой определённости при регулировании цифровых форм предпринимательской деятельности в условиях стремительного развития цифровой экономики. Обосновывается необходимость системного совершенствования законодательства Российской Федерации в целях укрепления правовой определённости: унификации понятийного аппарата цифрового права, развития экспериментальных правовых режимов, регулирования деятельности цифровых платформ, гармонизации национальных норм с международными стандартами, а также обеспечения стабильности и прозрачности правотворческого процесса. Автор приходит к выводу, что достижение правовой определённости в цифровом предпринимательстве возможно лишь при сочетании кодификационного подхода, упреждающего регулирования и институциональных гарантий устойчивости правовой системы.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровое предпринимательство, правовая определённость, электронная коммерция, цифровые платформы, цифровые активы, законодательное регулирование, экспериментальные правовые режимы.

Введение

В условиях стремительного развития цифровой экономики предпринимательская деятельность претерпе-

вает качественные изменения: появляются новые бизнес-модели, основанные на использовании цифровых технологий, электронных платформ, финансовых цифровых активов и сервисов совместного потребления.

Цифровое предпринимательство формирует уникальные экономические отношения, которые требуют адекватного правового регулирования. Однако современное законодательство и правоприменительная практика зачастую отстают от технологических инноваций, что создает проблему правовой неопределённости и повышает риски для участников цифрового рынка.

Цель исследования заключается в анализе проблем правовой определённости при регулировании цифровых форм предпринимательства и выработке предложений по совершенствованию российского законодательства.

Объект исследования — цифровые формы предпринимательской деятельности в Российской Федерации, включая электронную коммерцию, платформенные бизнес-модели, а также связанные с ними правовые отношения.

Предмет исследования — правовые механизмы обеспечения определённости в регулировании цифрового предпринимательства.

Методы исследования включают системный анализ правовой информации, сравнительно-правовой метод для сопоставления национального и международного регулирования цифровой экономики, доктринальный анализ нормативных актов, а также метод правовой интерпретации для выявления проблем и противоречий в законодательстве.

Основная часть

В условиях современной цифровой экономики предпринимательская деятельность претерпевает качественные изменения и появляется феномен цифрового предпринимательства, под которым понимают деятельность, связанную с созданием и использованием цифровых технологий [7, с. 217]. Понятие охватывает самые разные виды деятельности от разработки новых цифровых продуктов и услуг и применения современных технологий в управлении бизнесом до взаимодействия с клиентами и партнёрами через онлайн-платформы.

Конкретные формы цифровой предпринимательской деятельности многообразны, одной из наиболее распространенных является электронная коммерция (интернет-торговля), то есть совершение сделок купли-продажи товаров и услуг в онлайн-среде, другой формой являются цифровые платформы (онлайн-платформы, маркетплейсы), которые сегодня превратились в основные бизнес-модели. Цифровые платформы объединяют на одной цифровой площадке продавцов, покупателей и исполнителей, устанавливая собственные правила взаимодействия и открывая новые возможности для совместной работы [6, с. 86]. Появление цифровых финансовых активов стало примером новой формы цифрового бизнеса, официально признанной законом через легализацию выпуска и обращения токенов, цифровых прав и иных активов.

Так, в российском гражданском законодательстве введено понятие «цифровые права» в ст. 141.1 Гражданского

кодекса РФ (далее — ГК РФ) как особого объекта гражданских прав, относимого к имущественным правам [1]. Право на выпуск и обращение цифровых финансовых активов предусмотрено в рамках предпринимательской деятельности, при этом отсутствие законодательного запрета на их использование в качестве объекта бизнеса является принципиально важным. К цифровым формам предпринимательства относят также онлайн-сервисы — сервисы совместного потребления, доставки, агрегаторы услуг, а также виртуальные организации и цифровые экосистемы крупных IT-компаний [3, с. 41]. Исследователи предлагают различные подходы к классификации цифровых предприятий, включая деление платформ по функциональной направленности (инструментальные, инфраструктурные, прикладные) и выделение компаний, занятых в онлайн-коммерции, разработке приложений, управлении данными и создании интернет-инфраструктуры [8, с. 201].

Быстрое развитие цифровых бизнес-моделей выдвинуло перед правовой наукой и практикой необходимость обеспечить принцип правовой определённости в новых экономических условиях. Правовая определённость, понимаемая как устойчивость и предсказуемость правового регулирования [9, с. 29], является основой правового государства, но в цифровой экономике её достижение сталкивается с рядом трудностей.

Во-первых, быстрый прогресс технологий и медленное обновление законодательства приводят к разрыву между реальными экономическими процессами и их правовым регулированием. Смарт-контракты, краудфандинг, большие данные и искусственный интеллект в бизнесе долгое время не имели прямого законодательного закрепления или регулировались по аналогии с устаревшими нормами, что вызывало правовую неопределённость и усложняло прогнозирование последствий для участников цифрового рынка. Как отмечает М. И. Иноземцев, развитие так называемого «цифрового права» пока ещё находится в поиске концептуальной определённости, поскольку нормативная база цифровой экономики носит фрагментарный характер и не складывается в стройную систему [4, с. 12]. Иными словами, цифровые технологии порождают качественно новые отношения, а правовая доктрина и законодатель не всегда успевают дать им чёткую квалификацию, а в результате возникают пробелы в праве и размытые зоны, где отсутствует уверенность в том, какие правила действуют.

Во-вторых, неясность терминологии и понятийного аппарата законодательства о цифровой экономике порождает риски для правовой определённости. Например, до недавнего времени отсутствовали нормативные определения таких категорий, как «цифровая платформа», «агрегатор», «цифровой контент», «бигдата» и др. Разные законы и подзаконные акты могли употреблять сходные термины (например, «информационная система», «интернет-сайт») без согласованного содержания, что вызывало трудности в правоприменении, бизнесу приходилось по

смыслу догадываться, подпадает ли конкретная цифровая деятельность под ту или иную правовую норму.

В-третьих, трансграничный характер цифрового предпринимательства осложняет обеспечение правовой определённости на национальном уровне. Современная электронная коммерция функционирует в трансграничном пространстве, онлайн-площадки, сервисы и клиенты распределены по разным странам, что создаёт проблему размытия юрисдикции и коллизий права разных государств. Даже если внутри страны установлены чёткие правила, их эффективное применение затруднено, когда отношения выходят за национальные рамки.

В-четвёртых, фрагментарность и реактивность регулирования цифровой сферы проявляется в том, что законодательство развивается несистемно, зачастую «реагируя» на отдельные вызовы постфактум. Например, в сфере оборота криптовалют в России сначала долгий период царила неопределённость, криптоактивы не признавались ни законным платежным средством, ни имуществом, что ставило под вопрос легальность соответствующего бизнеса. Лишь в 2020 г. появился специальный Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», частично заполнивший правовой вакуум. Однако и после его принятия остаются дискуссионные вопросы, в числе которых оборот криптовалют, статус токенов, налогообложение операций и др.

В сфере онлайн-платформ и маркетплейсов длительное время отсутствовало специальное законодательное регулирование, вследствие чего отношения между крупными платформами и продавцами формировались на основе правил, установленных самими платформами в пользовательских соглашениях. Малые и средние предприятия, осуществляющие деятельность на таких площадках, нередко сталкивались с произвольными изменениями условий, отсутствием прозрачных гарантий и применением односторонних санкций (например, блокировкой аккаунтов или штрафами), обжалование которых затруднено.

В-пятых, значительную проблему представляет достижение баланса между свободой инноваций и требованиями законодательства. Государство стремится не препятствовать развитию цифровых технологий и новых бизнес-моделей, однако одновременно обязано предотвращать злоупотребления и защищать публичные интересы, в числе которых права потребителей, конкуренцию, безопасность данных и другие сферы. Поиск этого баланса нередко приводит к введению экспериментальных правовых режимов или особых условий регулирования, что временно выводит определённые отношения из-под действия общих норм и тем самым, опять же, порождает правовую неопределённость для внешних участников. Как отмечает Черешнева И. А., принцип правовой определённости в цифровой экономике приобретает динамичный характер, требующий постоянного обновления и адаптации правовых норм, чтобы они сохраняли пред-

сказуемость в условиях стремительного технологического развития [9, с. 33].

Укрепление правовой определённости в цифровой экономике возможно через последовательное совершенствование российского законодательства. Прежде всего, следует продолжить работу над систематизацией и обновлением понятийного аппарата цифрового права, в частности требуется законодательно закрепить основные дефиниции, описывающие цифровые формы предпринимательства, добившись их единообразного употребления во всех отраслях законодательства. Например, целесообразно введение легальных определений терминов «цифровая платформа», «цифровой сервис», «бигдата», «искусственный интеллект» применительно к предпринимательской деятельности чтобы устранить существующие разночтения и обеспечить предсказуемость толкования норм.

Одной из мер может стать создание правовых механизмов регулирования перспективных цифровых инноваций с целью их безопасного и устойчивого внедрения. Законодатель уже делает шаги в этом направлении, так был принят Федеральный закон № 258-ФЗ от 31.07.2020 г. «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций», позволяющий временно устанавливать особые режимы для апробации новых технологий. По оценкам специалистов, экспериментальный правовой режим (ЭПР) можно рассматривать как эффективное средство устранения пробелов регулирования, если его реализация не подменяет законность простой административной целесообразностью [9, с. 34]. Предлагается расширить применение экспериментальных правовых режимов в различных отраслях цифровой экономики, включая финтех, дистанционное образование, телемедицину, беспилотный транспорт и другие направления. Предложенный подход позволит тестировать новые бизнес-модели без риска нарушения законодательства, а положительный опыт использовать для последующего внесения изменений в законодательство.

Отдельно стоит задача гармонизации российского регулирования с международными подходами. Согласованность правовых требований разных юрисдикций в цифровой сфере напрямую отражается на уровне определённости и издержках бизнеса. Как показывают исследования, унификация базовых правил способствует снижению комплаенс-расходов и созданию предсказуемой среды для всех участников рынков [6, с. 77]. Поэтому законодателю важно учитывать лучшие зарубежные практики и активно участвовать в выработке международных стандартов — например, в рамках сотрудничества ЕАЭС, СНГ, а также путем имплементации рекомендаций ООН (ЮНСИТРАЛ) в области электронной коммерции. Конкретным шагом могло бы стать заключение двусторонних и многосторонних соглашений об упрощённом признании юридической силы электронных сделок, о юрисдикции и порядке разрешения споров в трансграничной цифровой торговле. Предполагается, что данная мера

снизит правовую неопределённость для российских предпринимателей, выходящих на глобальные электронные рынки, и облегчит приток иностранных инвестиций в отечественные цифровые проекты.

Таким образом, повышение правовой определённости при регулировании цифровых форм предпринимательства возможно через сочетание кодификации новых явлений, упреждающего и экспериментального законодательства, а также институциональных гарантий стабильности права. Реализация предложенных мер укрепит доверие участников рынка к законодательству, снизит правовые риски инновационных проектов и создаст более благоприятные условия для развития цифровой экономики России на принципах законности и предсказуемости.

Заключение

Цифровое предпринимательство в современной экономике России охватывает электронную коммерцию, цифровые платформы, финтех-проекты и оборот цифровых активов, что создаёт новые экономические возможности, но одновременно порождает значительные проблемы

правовой определённости. Основные препятствия включают медленное развитие законодательства от технологического развития, отсутствие единых правовых определений («цифровая платформа», «цифровой сервис», «цифровые права»), фрагментарность регулирования, трансграничный характер цифрового бизнеса и трудности обеспечения баланса между инновациями и публичными интересами.

Для устранения этих проблем целесообразны следующие меры:

1. Законодательно закрепить основные понятия цифрового предпринимательства и единообразно применять их во всех отраслях права.
2. Расширять практику экспериментальных правовых режимов и регуляторных песочниц для тестирования новых технологий с последующим закреплением успешного опыта в законодательстве.
3. Урегулировать права и обязанности участников цифровых платформ и маркетплейсов, защитив интересы малого и среднего бизнеса и пользователей.
4. Гармонизировать российское законодательство с международными стандартами, упрощая трансграничные сделки и снижая риски.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации». 1994. № 32. ст. 3301.
2. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета от 6 августа 2020 г. № 173.
3. Иванов Л. Н. Виды предпринимательской деятельности в сфере оборота цифровых финансовых активов // Право и бизнес. — 2025. — № 3. — С. 39–44
4. Иноземцев М. И. Цифровое право: в поисках определенности / М. И. Иноземцев // Цифровое право. — 2021. — № 2(1). — С. 8–28.
5. Кузнецова И. Н., Матвеева Т. П., Кузнецова Н. А. Зарубежный опыт регулирования электронно-договорных обязательств субъектами предпринимательской деятельности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2023. — № 6. — С. 151–154.
6. Ларионова М. В., Доронин П. А. Проблемы регулирования цифровых платформ: трудности и возможности международного сотрудничества // Вестник международных организаций. — 2024. — Т. 19. № 2. — С. 70–92
7. Папоян А. Т. Цифровое предпринимательство как инструмент для создания новых бизнес-моделей // Право, экономика и управление: состояние, проблемы и перспективы. Материалы всерос. науч.-практ. конф. — Самара: 2023. — С. 217–220
8. Хмелев Д. В. К вопросу о классификации цифровых технологий и цифровых платформ // Управление инновационным развитием агропродовольственных систем на национальном и региональном уровнях Материалы III Международной научно-практической конференции. Воронеж, 2021. — С.198–203.
9. Черешнева И. А. Экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций: к вопросу об обеспечении правовой определенности // Право и политика. — 2023. — № 12. — С. 27–34.

Генезис российского военно-уголовного законодательства

Милибаев Артем Русланович, студент

Научный руководитель: Гаврилин Юрий Викторович, доктор юридических наук, доцент
Калужский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Известные на сегодняшний день нормы военно-уголовного законодательства России являются результатом долгого и закономерного развития государства и права. По мере того как усложняются общественные отношения, закладываются основы государственности и фундамент политического взаимодействия, появляется и острая необходимость в обеспечении внутренней и внешней безопасности любого крупного общественного объединения. Сегодня в России функцию защиты территориальной целостности осуществляют ее граждане, проходящие военную службу и состоящие в рядах Вооруженных сил России. Вместе с тем, руководство страны четко осознает, что для поддержания боевого потенциала армии, способной уберечь страну от внутренних и внешних врагов, необходима стабильность ее функционирования, которая может быть обеспечена не только посредством регламентируемых прав и обязанностей военнотружущих, но и за счет строгости уголовно-исполнительного механизма [1, с. 55].

Важно отметить, что нормы права, обязывающие военнотружущего следовать военным интересам государства, формировались через призму понятия о дисциплине, принципы которой совершенно отличались в различные исторические эпохи. Как отмечает Е. Н. Щеглова, во времена киевских князей уклад в дружине был другим: еще не существовало принципа единоначалия, а дисциплина шла бок о бок с «правовыми воззрениями народа», фактически поощрявшими свободный переход на службу к другому князю. В настоящее время такой «переход», согласно Уголовному кодексу России, был бы квалифицирован как государственная измена, когда как существовавшая в то время «Русская правда» еще не знала такого преступления. Указанные «правовые воззрения» противопоставлялись прямому подчинению князю: дружина могла спешно выступить или восстать против князя в случае, если последний самовольно принимал решения [2, с. 98].

Ключевым моментом, способствующим зарождению норм военно-уголовного закона, стало внесение в Судебник 1497 г. наказания в виде смертной казни за предательство (измену) и подстрекательство к мятежу. Такая ответственность, несмотря на жестокость, считалась соразмерной содеянному, поскольку одним из аспектов централизации Российского государства являлось построение новой армии на принципе единоначалия. Отметим, что данная норма пока являлась общеуголовной, поскольку Судебник еще не содержал в себе воинские преступления. Цель его создания преимущественно состояла в формализации единой правовой системы, способствующей централизации Российского государства.

Позднее Иваном Грозным в 1571 г. утверждается первый устав пограничной службы, а именно «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе», который вводил уголовную ответственность за нарушение правил сторожевой службы по охране границ государства. Так, за самовольный отъезд сторожей и станичников со службы предусматривалась смертная казнь, а за недобросовестную службу станичник мог претерпеть битье кнутом. Отдельное внимание заслуживает прототип нормы о дезертирстве в Приговоре Земского собора первого ополчения от 30 июня 1611 года, а именно пункт 15, согласно которому дети и племянники бояр, уезжавшие без разрешения в другие города, наказывались изъятием поместий.

Дальнейшие преобразования в военно-уголовном законодательстве связаны с появлением первого регулярного войска — постоянных стрелецких полков. Вместе с тем возникла и естественная необходимость в обеспечении их функционирования: требовалось правовое регулирование военного строительства, прав и обязанностей поступающих на службу лиц, а также наказаний за нарушение ими воинских обязанностей. Данный этап, по мнению Е. Н. Щегловой, и характеризуется формированием понятия «военно-уголовное законодательство», поскольку появляются детализированные уголовные нормы, связанные непосредственно с нарушением служебных функций, состав которых определялся субъектом, объектом и временем совершения преступления. Данные нормы впервые нашли свое отражение в Уставе ратных, пушкарских и других дел, касающихся до военной науки в 1621г. При анализе данного памятника права обнаруживается деление воинских преступлений на две группы, а именно на преступления, связанные с нарушением специальных обязанностей военной службы и общеуголовные, но также связанные с несением военной службы. По первой группе преступлений привлекались лица, не исполнившие приказ, практиковавшие ослушание начальника, без разрешения отлучавшиеся от пушки или допущавшие к оружию посторонних лиц, пользующиеся чужой пушкой, не доносившие об измене, пьянствовавшие до состояния неспособности исполнять свои обязанности. К общеуголовным, но имеющим отношение к военной службе, относились: убийство, разорение и жестокое обращение со стариками и убогими людьми (умственно и физически отсталыми людьми), разорение мельниц, ограбление церквей, грабежи, драки, азартные игры [3, с. 219].

Как утверждает П. С. Данилов, именно после принятия Соборного уложения в 1649 году начала формироваться система воинских преступлений. Официально отменяется обычай отъезда, само Уложение закрепляет целый перечень

неизвестных ранее преступлений против военной службы, обычаев войны, а также за нарушение правил закупки припасов, взяточничество командиров, изменнические преступления, в том числе сговор с врагом. Преступлениями теперь считаются и ложные доносы на служивых людей, грабеж и насилие в отношении не только убогих людей, но в целом мирных жителей, и даже продажа мирными жителями припасов ратным людям по завышенной цене [4, с. 91].

Характеризуя первый этап развития системы преступлений против военной службы с точки зрения составляющих их уголовно-правовых критериев, необходимо говорить о времени, как о главном признаке объективной стороны данных преступлений. Действие всех рассмотренных нормативных актов, закрепляющих уголовную ответственность за нарушения, совершаемые служивыми людьми в период с 1497 и до принятия Воинского Артикула в 1715 году, распространялось на них исключительно в период нахождения Московского государства в состоянии войны. Именно время является системообразующим критерием, позволяющим подчеркнуть особенность формирования начального этапа военно-уголовного права. Другие критерии составов воинских преступлений очевидны: субъектом являлся призываемый на службу

в военное время ратный человек, а объектом — сфера военного интереса государя. Отметим, что из-за недостаточно развитого уровня юридической техники Уложения, субъектом рассматриваемого вида преступлений стали и мирные жители. Например, согласно пункту 24 главы 7 Уложения запрещалась порча хлеба на полях на корм лошадям как ратным, так и не ратным людям в военное время, что как минимум не сопоставимо с объектом, охраняемым данным пунктом.

Таким образом, предпосылкой формирования системы преступлений против военной службы, на наш взгляд, является общеуголовная норма об измене, отраженная в Судебнике 1497 года, которая напрямую не называла субъектами преступления ратных людей, но устанавливала прямой запрет на измену для всех жителей Московского государства. Исторической причиной оформления системы преступлений против военной службы является, в первую очередь, появление регулярной армии, нуждающейся в базовых принципах функционирования в военное время. Отметим, что динамика развития рассматриваемой системы преступлений берет свое начало с отмены свободного перехода на службу к другому князю, т. е. обычая отъезда [3, с. 219; 4, с. 90].

Литература:

1. Данилов П. С., Сенокосова Е. К. Новый период эволюции системы преступлений против военной службы // Юридические исследования. 2023. № 7.
2. Щеглова Е. Н. Эволюция правового регулирования ответственности за воинские преступления (X-XVIII вв.) // Вестник Российского университета кооперации, no. 1, 2011, pp. 97–102.
3. Щеглова Е. Н. Правовое регулирование ответственности за воинские преступления (X-XVII вв.) // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 4.
4. Данилов Петр Сергеевич Преступления против военной службы в дореволюционном законодательстве России: историко-правовой анализ // Russian Journal of Economics and Law. 2016. № 1 (37).

Преступления против военной службы: современные проблемы квалификации

Милибаев Артем Русланович, студент

Научный руководитель: Гаврилин Юрий Викторович, доктор юридических наук, доцент
Калужский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Законодательные изменения в системе преступлений против военной службы от 2022 года ознаменовали собой новый этап развития военно-уголовного права. Главным образом, преобразования в данной сфере коснулись главы 33 Уголовного кодекса России, которая была приведена в соответствие с реалиями текущей геополитической обстановки, вызванной проведением Специальной военной операции. В частности, изменения призваны были обеспечить реализацию задач, предусмотренных Указом Президента РФ от 21 сентября 2022 года № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации». Ключевым нормативным правовым актом, за-

крепляющим новые изменения, стал Федеральный закон от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [1, ст. 1]. Вместе с указанными изменениями в Уголовном кодексе России происходят изменения и в судебной практике. Теперь правоприменителям необходимо по-новому адаптироваться к имеющим место неопределенностям при квалификации некоторых преступлений против военной службы.

К новым таким вызовам прежде всего необходимо относить состав преступления 352.1 УК РФ, именуемый как

«Добровольная сдача в плен». Данный состав преступления с момента введения в действие поправок вплоть до появления Пленума ВС РФ от 18 мая 2023 года № 11 представлялся неполноценным, поскольку в диспозиции самой статьи отсутствуют признаки преступления, в частности, неясной оставалась объективная сторона деяния, что давало свободу для интерпретации и вынесения субъективного решения правоприменителем. Как отмечала О. А. Землянко, было непонятно, как реализует себя данный состав в судебной практике, насколько он будет отвечать заданной цели [2, с. 460].

После разъяснений, данных Верховным судом России, вопросов к добровольной сдаче в плен стало больше. Хотя Пленум содержит указание на то, что объективная сторона составляет действия (бездействия), в результате которых военнослужащий переходит во власть врага, остается до конца непонятным критерий добровольности, выражающийся в пренебрежении возможностью оказать решительное сопротивление во избежание плена. Вместе с тем Верховный суд отмечает, что судьям при квалификации деяния необходимо учитывать положения статьи 23 Устава внутренней службы Вооруженных сил России, согласно которой «военнослужащий в ходе боевых действий, находясь в отрыве от своей воинской части (подразделения) и в полном окружении, должен оказывать решительное сопротивление противнику, избегая захвата в плен; в бою он обязан с честью выполнить свой воинский долг» [3]. Данная статья несомненно имеет своей целью показать образцовое поведение военнослужащего в ходе боевых действий, однако ни один из нормативных и ведомственных актов не содержит полного перечня действий, характеризующих «решительное сопротивление», обязательного признака преступления, что также может вызывать неоднозначность при оценке действий (бездействий) подозреваемого.

Вопрос содержания понятия решительного сопротивления можно отметить в работах М.О. Воробьевой и А. В. Ильяша, А. К. Шафуллина и Н. Н. Артеменко, которые определяют сдачу в плен как активное действие, так и пассивное бездействие военнослужащего в случае неисполнения им предписанных действий. К тому же, по мнению авторов, оценке также должны подлежать обстановка, место и время совершения преступления, которые вынуждают осуществлять указанное решительное сопротивление [4, с. 48; 5, с. 95].

Какие действия подпадают и не подпадают под диспозицию рассматриваемой статьи? Данный вопрос также не урегулирован Постановлением Пленума ВС РФ, однако дается характеристика состояния бойца, наличие которой не образует состава преступления, а именно нахождение его в беспомощном состоянии в результате ранения или контузии (при этом перечень таких состояний не является исчерпывающим). Вместе с тем, интересным является замечание А. К. Шафуллина, отмечающего, что на практике чаще всего в плен попадают военнослужащие, проводящие внезапные атаки мобильными штурмовыми

группами. В силу объективных обстоятельств в виде недостаточности разведки, погодных условий, контузии и дезориентации как вне, так и в ходе боестолкновения, бойцы могут не заметить противника или заметить его позже момента реагирования. В результате указанных неблагоприятных обстоятельств по окончании атаки бойцы ошибочно отходят на позиции, занимаемые врагом, что и приводит к сдаче в плен, поскольку не имеют ресурсов на решительное сопротивление, особенно в одиночку. Автор считает, что при таких обстоятельствах у бойцов нет умысла на совершение преступления, поскольку при нахождении на позиции, занимаемой противником, первично имеет место опасение за свою жизнь. Соответственно, автор склоняется к выводу об отсутствии в данном случае состава преступления [5, с. 97].

М. О. Воробьева отмечает, что значительным упущением законодателя является отсутствие в рассматриваемом составе преступления такого квалифицирующего признака, как совершение деяния группой лиц по предварительному сговору, что значительно повышает степень общественной опасности деяния из-за возникающей решимости к совершению преступления [4, с. 49]. В дополнение отметим, что квалификация деяния по статье 352.1 УК РФ возможна в случае, если деяние не подпадает под признаки преступления о государственной измене.

Деяние, содержащееся в статье 352.1 УК РФ, является не одним таким преступлением, требующим разъяснений, поэтому указанный ранее Пленум ВС РФ от 18 мая 2023 года № 11 также раскрывает особенности квалификации всех имеющихся в УК РФ преступлений против военной службы с учетом введенных новшеств. Так, на квалификацию особенно влияют периоды мобилизации, вооруженного конфликта и т. д., поскольку считается, что они имеют повышенную общественную опасность. Исходя из данного факта суды будут вправе назначать более строгие наказания. Пленумом также уточняется, что незаконный призыв является основанием для исключения уголовной ответственности, а в случае, если уголовное дело все-таки было возбуждено в отношении незаконного призывника, суд обязан вынести оправдательный приговор или переqualифицировать содеянное по общеуголовной норме. Помимо указанного отдельное внимание посвящено некоторым понятиям и их разграничениям, так, в частности определяется сущность оставления части или места службы, а также его отличие от дезертирства.

Таким образом, были рассмотрены проблемные аспекты квалификации добровольной сдачи в плен, как одного из преступлений против военной службы. На наш взгляд, данное преступление требует совершенства относительно законодательной конструкции, поскольку имеются основания сомневаться в его эффективности. При попытке исследования судебной практики не представлялось возможным ознакомиться с обвинительными приговорами по статье 352.1 УК РФ, однако в результате анализа публикаций СМИ удалось найти информацию, согласно которой российской общественности известно

лишь одно завершенное уголовное дело по статье о добровольной сдаче в плен с момента внесения поправок в 2022 году, что наталкивает на мысль о не особой популярности данного состава преступления. Вместе с тем анализируя абсолютно новое для военно-уголовного права России преступление, мы приходим к выводу, что крими-

нализация рассматриваемого деяния вызвана текущей политической ситуацией и сопутствующим стремлением государства усилить отечественную обороноспособность страны, повысить эффективность выполнения боевых задач и сократить деморализацию органов Вооруженных сил России.

Литература:

1. Федеральный закон от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»
2. Землянко О. А., Мельникова Ю. И. Проблемные аспекты квалификации деяний по статье о добровольной сдаче в плен // Вопросы российской юстиции. 2022. № 21. С. 457–464.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» // СПС «КонсультантПлюс»
4. Воробьева М. О., Ильяш А. В. Добровольна сдача в плен: Старые и новые проблемы уголовно-правовых норм // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 6–1 (81). С. 47–50.
5. Шарафуллин А. К., Артёменко Н. Н. Понятие добровольность при квалификации деяний по ст. 352.1 УК РФ «Добровольная сдача в плен» // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2025. № 2. С. 93–99.

Проблемы административной ответственности за правонарушения в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций

Митьковский Леонид Николаевич, заместитель руководителя подразделения
ОАО «РЖД» (г. Москва)

В статье рассматриваются ключевые проблемы административной ответственности за правонарушения в сфере предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций. Анализируются существующие законодательные нормы и практика их применения, выявляются пробелы и противоречия, затрудняющие эффективное привлечение к ответственности. Особое внимание уделяется необходимости совершенствования правового регулирования для повышения защиты интересов предпринимателей и обеспечения прозрачности деятельности саморегулируемых организаций.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, административное право, нормативно-правовое регулирование, ответственность, проблемы.

Особую актуальность в современном правовом пространстве принимают вопросы административной ответственности за правонарушения в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций. С одной стороны, неопределенность понятий, критериев и механизмов привлечения к ответственности обусловлены недостаточной теоретической разработанностью данного института. С другой стороны, неоднородность применения административных норм, противоречие в судебной практике и недостаточная эффективность мер воздействия снижает уровень правовой защищенности участников предпринимательской деятельности и вызывает недоверие к институту саморегулирования. В этой связи возникает необходимость более детального исследования проблем теории и практики ад-

министративной ответственности и выработке рекомендаций по оптимизации действующего законодательства в рассматриваемой сфере.

Вопросы административной ответственности в области предпринимательства и деятельности саморегулируемых организаций в разное время являлись предметом исследования многих специалистов в сфере права. Различные аспекты административной ответственности рассматривали в своих работах Я. А. Владимирова, А. С. Евтеев, Терещенко В. А., Т. К. Сацкевич и другие. Вопросы совершенствования законодательства в области административной ответственности саморегулируемых организаций в своих трудах рассматривали А. Н. Ильин, С. В. Фомиченко, К. А. Кожушная и другие. Однако, до настоящего времени в теоретической области рассматриваемой про-

блемы до настоящего времени остались пробелы, которые сказываются негативно на практике реализации административной ответственности в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций.

Отметим, что в современной юридической научной литературе сформировалось достаточно четкое определение понятия «административное правонарушение в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций». Данное понятие трактуется, как противоправное и виновное действие (или бездействие) юридического или физического лица, за которое установлена ответственность в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации. В частности, главой 14 указанного документа установлен перечень нарушений в сфере предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций и ответственность за их совершение.

Среди научного сообщена наиболее спорной категорией правонарушений являются споры, которые возникают в отношении привлечения к административной ответственности по статье 14.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации.

Статья 14.1 КоАП включает четыре пункта, которые определяют ответственность за нарушения в сфере предпринимательской деятельности. Эти нарушения включают осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации (пункт 1) или без необходимого разрешения (пункт 2), а также несоблюдение условий, установленных в этом разрешении (пункты 3 и 4).

Если говорить о статье 14.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, важно отметить, что ответственность по части 1 могут нести как физические, так и юридические лица. Однако, рассматривая ответственность по частям 2–4, следует отметить, что здесь речь идет о специальных субъектах, которые должны соответствовать двум основным условиям: осуществлять предпринимательскую деятельность и быть зарегистрированными как юридическое лицо или индивидуальный предприниматель в установленном порядке.

Таким образом, юридические лица и индивидуальные предприниматели могут быть привлечены к ответственности по частям 2–4 статьи 14.1 КоАП РФ. Кроме того, должностные лица также могут нести ответственность в соответствии с этими частями.

Если в действиях юридического лица или индивидуального предпринимателя отсутствует состав административного правонарушения, то они не могут быть привлечены к административной ответственности. Однако, если они все же нарушают законодательство, то могут быть подвержены административной ответственности за конкретные правонарушения, предусмотренные законом.

Важно отметить, что в случае отсутствия состава административного правонарушения, юридические лица и индивидуальные предприниматели могут быть привлечены

к гражданской, административной или уголовной ответственности за другие правонарушения, если они нарушили действующее законодательство.

Должностные лица могут быть привлечены к административной ответственности за правонарушения в сфере предпринимательской деятельности на основании положений частей 2–4 статьи 14.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (КоАП РФ).

Административная ответственность за правонарушения, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций, может быть возложена на различные категории лиц, включая:

- Руководителей и других работников организаций;
- Арбитражных управляющих;
- Членов советов директоров и коллегиальных исполнительных органов;
- Членов счетных комиссий, ревизионных комиссий и ликвидационных комиссий юридических лиц;
- Руководителей организаций, которые осуществляют полномочия единоличных исполнительных органов других организаций;
- Учредителей (участников) юридических лиц.

Эти лица рассматриваются как должностные лица и могут быть привлечены к административной ответственности в соответствии с соответствующими положениями КоАП РФ.

В соответствии с частью 2 статьи 14.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации или необходимого специального разрешения (лицензии) является административным правонарушением.

Для квалификации данного правонарушения необходимо наличие объективной стороны, которая заключается в фактическом осуществлении предпринимательской деятельности без соответствующей регистрации или лицензии. Это означает, что, если лицо не осуществляло фактически предпринимательскую деятельность без необходимой регистрации или лицензии, его действия не могут быть признаны административным правонарушением по указанной статье.

Таким образом, важным аспектом является необходимость доказательства факта осуществления предпринимательской деятельности без государственной регистрации или лицензии, а также наличие цели извлечения дохода. При этом следует отметить, что для привлечения к ответственности по части 2 статьи 14.1 КоАП РФ не требуется доказывать наличие вины лица, совершившего правонарушение. Это подчеркивает строгий подход законодательства к соблюдению правил регистрации и лицензирования в сфере предпринимательства.

Согласно части 3 статьи 14.1 КоАП РФ, лица могут быть привлечены к административной ответственности даже за незначительные нарушения. Законодательство не

устанавливает минимального порога значимости нарушений, что позволяет применять ответственность к любому лицу, осуществляющему деятельность без необходимых разрешений.

Часть 4 статьи 14.1 КоАП РФ касается более серьезных нарушений, которые могут повлечь за собой значительные последствия, такие как нарушение прав потребителей, угрозы безопасности жизни и здоровья людей, или экологические последствия. Эти нарушения требуют более строгого подхода и могут влечь за собой более серьезные санкции.

Для привлечения юридических лиц и индивидуальных предпринимателей к ответственности необходимо наличие убедительных доказательств совершения правонарушения и состава административного правонарушения. Суд не может вынести решение о наложении штрафа без достаточных доказательств, подтверждающих факт нарушения.

За определенные правонарушения в деятельности саморегулируемых организаций также предусмотрены определённые меры административной ответственности. На рисунке 1 представлены основные составы нарушений.

Нарушение требований к обеспечению имущественной ответственности членов СРО (ст. 14.52 КоАП РФ)	<ul style="list-style-type: none"> Данная статья устанавливает ответственность за несоблюдение требований к формированию компенсационного фонда, а также к страхованию ответственности членов СРО. Проблемой является не всегда четкое определение размера компенсационного фонда и требований к страхованию, что приводит к различным толкованиям со стороны контролирующих органов.
Нарушение порядка ведения реестра членов СРО (ст. 14.52.1 КоАП РФ)	<ul style="list-style-type: none"> Эта статья предусматривает ответственность за внесение в реестр недостоверных сведений, а также за несвоевременное исключение из реестра членов, прекративших свою деятельность. Важно отметить, что данное нарушение может повлечь за собой серьезные последствия, в том числе причинение вреда третьим лицам.
Невыполнение предписаний органов государственного надзора за деятельностью СРО (ст. 19.5 КоАП РФ)	<ul style="list-style-type: none"> Данная статья устанавливает ответственность за неисполнение предписаний органов, осуществляющих контроль за деятельностью СРО. Проблемой является сложность определения сроков исполнения предписаний и критериев оценки их надлежащего исполнения.

Рис. 1. Основные правонарушения в области деятельности саморегулируемых организаций

В многочисленных работах, посвященных проблематике правового стимулирования предпринимательской деятельности, формулируют принципиально новые конструкции правовых предписаний, призванных содействовать развитию предпринимательства; предлагают отменить административные преграды, запреты и ограничения для создания надлежащих условий развития предпринимательской деятельности.

Проведенное исследование теоретических и практических проблем в области привлечения административной ответственности за нарушения в сфере предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций, можно предложить следующий перечень рекомендаций по оптимизации действующего законодательства. Целью данных мер является снижение латентности правонарушений, повышение эффективности механизма привлечения к ответственности, повышение прозрачности законодательства и защита интересов предпринимателей и саморегулируемых организаций.

В первую очередь необходимо уточнить и унифицировать понятие и критерии административной ответственности. С этой целью можно рекомендовать внести

изменения в Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации путем дополнения его статьей, которая будет четко определять понятие «предпринимательская деятельность» и «деятельность саморегулируемых организаций» в контексте административных правонарушений. Важно определить на законодательном уровне единые критерии квалификации правонарушений, включая объективную сторону (факт осуществления предпринимательской деятельности без регистрации или без надлежащей лицензии), субъективную сторону и минимальные пороги значимости нарушения для статей 14.1, 14.52 и 14.52.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации. Результатом данного нововведения должно стать исключение неоднозначного толкования и противоречий в судебной практике, а также обеспечение равенства перед законом всех участников рынка.

Вторым важным изменением должно стать введение более расширенных мер применения скидки на административные штрафы. Данное предложение направлено на снижение латентности административных правонарушений и повышение собираемости штрафов. Для его реа-

лизации рекомендуется распространить действия части 1.3 статьи 32.2 Кодекса об административных правонарушениях, в которой предусмотрен штраф половины суммы при оплате в течении двадцати календарных дней, не только на главу 12 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации («Административные правонарушения в области дорожного движения»), но и на правонарушения, предусмотренные главой 14 рассматриваемого Кодекса. Однако, необходимо также законодательно закрепить исключения, к которым стоит отнести особо тяжкие случаи (нарушения, которые угрожают жизни и здоровью потребителей, а также экологической безопасности). Применение данных мер способствует своевременной уплате штрафов и сократит количество правонарушений.

В отношении саморегулируемых организаций необходимо ввести новый вид административного наказания. Данное мероприятие продиктовано недостаточной эффективностью действующих положений статей 14.52 и 19.5 Кодекса об административных правонарушениях. В этой связи предлагается дополнить действующий Кодекс новым видом административного наказания в виде лишения специального права, предоставляемого юридическому лицу. Применительно к саморегулируемым организациям данная мера может заключаться в исключении сведений о некоммерческой организации из государственного реестра саморегулируемых организаций, как форма административной ответственности за систематические нарушения. К таковым могут быть отнесены несоблюдение требований к компенсационному фонду, ведению реестра участников или неисполнение предписаний надзорных органов. Со стороны суда данная мера должна применяться на основании объективных критериев. К примеру, повторное нарушение в течении года. При этом важно, чтобы данная мера имела возможность обжалования для того, чтобы избежать произвола.

Улучшение координации между контролирующими органами и саморегулируемыми организациями. Для преодоления практических проблем неоднородности применения норм и противоречий в судебной практике рекомендую внести изменения в Федеральный закон «О саморегулируемых организациях» и КоАП РФ, обязав контролирующие органы (Росфиннадзор, Роспотребнадзор и др.) разрабатывать совместные методические рекомендации по квалификации правонарушений и проведению проверок. Кроме того, следует создать единую информационную платформу для обмена данными о правонарушениях, что повысит прозрачность деятельности СРО и предпринимателей, а также обеспечит своевременное реагирование на нарушения.

Усиление защиты интересов предпринимателей и повышение эффективности доказательственной базы. В целях предотвращения необоснованного привлечения к ответственности (например, по статье 14.1 КоАП РФ) предлагается дополнить КоАП РФ нормами, устанавливающими обязательное требование к доказыванию состава правонарушения, включая наличие цели извлечения дохода и фактического осуществления деятельности. Также рекомендую ввести дифференцированные санкции в зависимости от степени тяжести нарушения (например, для незначительных нарушений — предупреждение, для серьёзных — приостановление деятельности или дисквалификация). Это снизит нагрузку на предпринимателей и повысит доверие к институту саморегулирования.

Реализация этих предложений потребует внесения соответствующих поправок в КоАП РФ, Федеральный закон «О саморегулируемых организациях» и другие нормативные акты, а также проведения мониторинга их эффективности. Такие меры позволят гармонизировать теорию и практику административной ответственности, способствуя стабильному развитию предпринимательства и укреплению правовой защиты участников рынка.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ, (ред. от 09.11.2024, с изм. от 12.11.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1. — Ст. 1.
2. Плотникова, С. Ю. Административная ответственность за правонарушения в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций / С. Ю. Плотникова // Студенческий вестник. — 2023. — № 36–2(275). — С. 62–64.
3. Размыслова, Е. Е. Административная ответственность за правонарушения в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций / Е. Е. Размыслова // National Science Journal. — 2023. — № 5. — С. 33–37.
4. Информация о привлечении юридических лиц, СРО и их должностных лиц к административной ответственности в 2023 году. URL: <https://stat.xn—7sbqk8achja.xn—p1ai/stats/adm/t/31/s/74>. (дата обращения: 21.11.2024).

Юридические риски при сопровождении онлайн-проектов

Новикова Дарья Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Белова Татьяна Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

В научной статье раскрываются правовые проблемы, возникающие при сопровождении онлайн-проектов, и предлагается определение понятия «юридические риски». Рассматриваются факторы, формирующие содержание и влияние рисков на стабильность гражданского оборота в цифровой среде. Анализируются положения действующего законодательства, регулирующего цифровые активы, электронные сделки и защиту персональных данных, выявляются пробелы и противоречия, затрудняющие применение правовых норм. Обосновывается необходимость законодательного закрепления правового статуса цифровых активов, установления единых требований к цифровой идентификации сторон и подтверждению электронных соглашений, а также разработки стандартов цифровой безопасности. Предложения направлены на укрепление правовой защищенности участников цифровых отношений, сокращение юридических рисков и обеспечение стабильного развития онлайн-проектов.

Ключевые слова: юридические риски, онлайн-проекты, цифровые активы, цифровая идентификация, электронные соглашения, защита персональных данных, цифровая безопасность, правовое регулирование.

Legal risks when supporting online projects

The scientific article reveals the legal problems that arise when supporting online projects and proposes a definition of the concept of «legal risks». The factors that shape their content and influence the stability of civil circulation in the digital environment are considered. The article analyzes the provisions of the current legislation regulating digital assets, electronic transactions, and the protection of personal data, and identifies gaps and contradictions that make it difficult to apply legal norms. The article substantiates the need for legislative consolidation of the legal status of digital assets, the establishment of unified requirements for digital identification of parties and confirmation of electronic agreements, and the development of digital security standards. The proposals are aimed at strengthening the legal security of participants in digital relations, reducing legal risks, and ensuring the stable development of online projects.

Keywords: legal risks, online projects, digital assets, digital identification.

Развитие цифровой экономики сопровождается активным становлением новых форм гражданско-правовых и публично-правовых отношений. Онлайн-платформы, электронные сервисы, цифровые активы, дистанционные сделки и трансграничное взаимодействие участников гражданского оборота приобретают стабильное значение в правовой системе. Традиционные конструкции гражданского права не всегда отражают специфику цифровой среды, что, по нашему мнению, обуславливает появление особых юридических рисков. Они выражают не просто возможность правового конфликта, а вероятность возникновения конкретных неблагоприятных последствий, обусловленных неполнотой, противоречивостью или неясностью правового регулирования. Эффективное управление такими рисками предполагает уточнение существенных положений законодательства и формирование правоприменительной практики, отражающей особенности цифровой экономики. По нашему мнению, для онлайн-проектов юридические риски имеют особое значение, поскольку цифровая среда развивается быстрее, чем система законодательства. По нашему мнению, такая ситуация может способствовать возникновению трудностей при заключении сделок в электронной форме, снижению уровня защиты персональных данных и ограни-

чению доказательных возможностей сторон [4]. Полагаем, что подобные обстоятельства способны повлиять на формирование судебной практики и степень предсказуемости правовых решений, что требует дальнейшего теоретического и эмпирического анализа.

Выделим ряд проблем, которые обуславливают наличие юридических рисков в сфере цифровых правоотношений. Существенной проблемой правового сопровождения онлайн-проектов выступает непоследовательность в определении правовой природы цифровых активов, которые широко применяются как элемент цифровых бизнес-моделей. Онлайн-платформы используют криптовалюту, токены, NFT, внутриресурсные активы и иные формы нематериальных объектов для расчетов, стимулирования пользователей, монетизации контента и привлечения инвестиций. Однако действующее законодательство не содержит системной классификации большинства таких активов и не устанавливает единых правил их правового оборота. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» регулируется ограниченный круг объектов — цифровые финансовые активы и цифровую валюту [2]. При этом, внутриресурсные токены, NFT

и иные цифровые объекты, используемые в онлайн-проектах, не охватываются положениями указанного закона, что обуславливает различные подходы к их правовой квалификации.

Данная проблема порождает для операторов и пользователей онлайн-платформ конкретные и финансово значимые юридические риски. Прежде всего, это налоговый риск, возникающий из-за того, что налоговые органы могут квалифицировать актив совершенно иначе, чем его владелец. К примеру, оборот утилитарных токенов может быть расценен как реализация имущества или оказание услуг, что повлечет за собой доначисления налогов, пеней и существенных штрафов. Не менее серьезен регуляторный риск — если выпущенный токен будет впоследствии признан Банком России цифровой ценной бумагой, а эмитент не получил необходимой лицензии, что приведет к применению административных санкций и может приостановить деятельность платформы. Со стороны гражданско-правовых отношений существует риск недействительности сделок и утраты активов, поскольку суд, разрешая спор, может не признать сделку с цифровым активом действительной или отказать в защите права собственности на него. Примером служит ситуация банкротства платформы, когда владельцы NFT могут не получить компенсацию, поскольку их активы не будут признаны объектом прав, включенным в конкурсную массу.

NFT (невзаимозаменяемые токены) представляют собой уникальные цифровые записи, закрепляющие сведения об индивидуализированных объектах — произведениях цифрового искусства, виртуальных предметах, элементах игрового пространства или иных результатах интеллектуальной деятельности. Внутривнутренние токены, в свою очередь, функционируют как элементы внутренней экономики онлайн-платформ, используются для расчетов между пользователями, вознаграждения за активность, доступа к сервисам или обмена виртуальными благами. Подобные объекты не являются ценными бумагами или цифровыми финансовыми активами в смысле закона, поскольку их выпуск и обращение не подлежат регистрации и не предполагают официального учета. Отсутствие специального правового режима приводит к тому, что правоприменители вынуждены прибегать к аналогиям. В зависимости от характера отношений один и тот же цифровой актив в зависимости от сферы правоотношений может рассматриваться как имущество, если он имеет экономическую ценность и может быть отчужден, как информация, если представляет собой данные, хранящиеся в цифровой форме, или как финансовое средство, если выполняет функцию эквивалента при расчетах внутри платформы. Подобная ситуация создает значительные юридические риски для операторов и участников онлайн-проектов. Возникают затруднения, связанные с налогообложением, регистрацией прав, фиксацией сделок и обеспечением защиты интересов сторон при разрешении споров. Отсутствие единых критериев правовой

квалификации снижает эффективность создания стабильных бизнес-моделей и их развития.

По нашему мнению, преодоление данной проблемы возможно путем законодательного закрепления классификации цифровых активов. Предлагаем выделить три основных категории — утилитарный токен (предоставляет доступ к услугам платформы, регулируется как лицензия), инвестиционный токен (является аналогом ценной бумаги, подпадает под действие закона о рынке капитала) и платежный токен (используется как средство расчета, регулируется нормами о платёжных системах).

На основе данной классификации следует внедрить процедуру обязательной или добровольной предварительной квалификации. Эмитент, перед выпуском актива, будет обращаться в уполномоченный орган (например, Центральный банк РФ) с заявлением, раскрывающим его функционал. Регулятор, в свою очередь, будет обязан выдать официальное заключение, присваивающее активу один из трёх статусов. Унификация правового статуса цифровых активов, используемых в онлайн-деятельности, обеспечит прозрачность гражданского оборота, снизит регуляторные риски для бизнеса и повысит стабильность функционирования онлайн-платформ.

Следующей проблемой, непосредственно связанной с повышенным уровнем юридических рисков при сопровождении онлайн-проектов, является отсутствие единых стандартов цифровой идентификации прав и обязанностей сторон в цифровой среде. Цифровая экономика строится на удаленном взаимодействии участников, при котором заключение сделок, оформление обязательств и реализация прав часто происходят без личного контакта сторон [5].

Онлайн-проекты функционируют посредством регистрации пользователей, применения логинов, паролей, SMS-подтверждений, электронной почты и иных способов авторизации, достоверность которых не всегда имеет юридическое подтверждение.

Отсутствие единых стандартов цифровой идентификации и нормативно закреплённых требований к форме электронных соглашений ослабляет стабильность гражданского оборота и снижает уровень защиты прав участников онлайн-платформ. Основной проблемой является риск оспаривания сделки, когда контрагент может заявить, что действие совершено не им, а третьим лицом, получившим несанкционированный доступ к учетной записи. Без применения надлежащих средств идентификации, таких как квалифицированная электронная подпись, у оператора платформы практически не остается юридически значимых доказательств для защиты в суде, что напрямую связано с доказательственным риском — распечатки скриншотов и данные логов интерфейса, не подкрепленные независимой и защищенной системой фиксации, зачастую не признаются судами в качестве допустимых и достоверных доказательств в силу потенциальной возможности их фальсификации. В результате добросовестная сторона лишается возможности защитить

свои нарушенные права. В совокупности данные факторы порождают риск неисполнения обязательств, поскольку невозможность однозначно идентифицировать сторону и зафиксировать ее волю лишает субъекты цифрового оборота главного инструмента — возможности принудительного исполнения обязательств через судебную систему, что ставит под вопрос юридическую силу любых договоренностей, достигнутых в онлайн-среде.

По нашему мнению, эффективное решение данной проблемы возможно при нормативном закреплении цифровой идентификации в качестве юридически значимого способа подтверждения личности и выражения воли стороны сделки. Следует предусмотреть внесение соответствующих изменений в ГК РФ [1] и федеральные законы, регулирующие электронный документооборот и применение цифровых технологий. Установление обязательных требований к форме, способам хранения и подтверждения электронных соглашений обеспечит их правовую устойчивость и доказательственную силу.

Следующая проблема защиты персональных данных и цифровой безопасности занимает определяющее место среди юридических рисков, сопровождающих развитие онлайн-проектов. Электронные платформы обрабатывают значительные объемы информации, включающей персональные и биометрические данные пользователей, сведения об их платежной активности, истории взаимодействий и цифровой идентичности. В условиях активного расширения цифрового оборота именно эти сведения приобретают значение стратегического ресурса, определяющего функционирование большинства онлайн-сервисов. Однако существующее регулирование не формирует целостной системы защиты персональных данных, что создает высокий уровень правовой уязвимости участников цифровой среды. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» устанавливает общие правила обработки, хранения и передачи персональных данных, но не учитывает технологическое многообразие современных онлайн-платформ [3]. Закон не содержит унифицированных требований к обеспечению безопасности данных в условиях масштабной цифровой инфраструктуры, не регулирует в достаточной мере трансграничную передачу информации и не определяет критерии допустимости применения отдельных технологий. Кроме того, отсутствуют нормативно закреплённые механизмы контроля и распределения ответственности в ситуациях, когда обработка данных осуществляется совместно несколькими операторами либо с использованием зарубежных облачных сервисов. Такое положение вынуждает участников онлайн-проектов самостоятельно формировать системы защиты данных, что не всегда гарантирует необходимый уровень цифровой безопасности.

Нарушения в сфере информационной безопасности и утечки данных приводят к значительным репутационным и финансовым рискам, затрагивая как пользователей, так и организации, осуществляющие деятельность в цифровой среде. Наиболее очевидным является риск

административной и гражданской ответственности — утечка персональных данных пользователей практически гарантированно влечет наложение крупных штрафов со стороны Роскомнадзора, а также многочисленные иски о возмещении убытков и компенсации морального вреда. Более серьезную угрозу представляет возможность полной приостановки обработки персональных данных по предписанию регулятора, что для большинства онлайн-сервисов, чья бизнес-модель построена на работе с пользовательской информацией

Полагаем, что преодоление данной проблемы возможно посредством нормативного уточнения действующего регулирования с учетом специфики современных цифровых технологий. Представляется важным определить разграничение ответственности между операторами и уполномоченными лицами, участвующими в обработке данных, а также усилить контроль со стороны государственных органов.

Таким образом, можно заключить, что юридические риски представляют собой вероятность наступления неблагоприятных последствий правового характера для участника правоотношений вследствие нарушения законодательства, противоречий между нормами, их различного толкования либо пробелов в правовом регулировании. Подобные ситуации возникают в случаях, когда применяемые правовые средства не обеспечивают предсказуемого результата, а действия сторон способны повлечь юридическую ответственность, финансовые потери или ограничение прав. К таким рискам относятся отсутствие нормативно закреплённого правового статуса цифровых объектов, неопределённость налоговых обязанностей, сложность подтверждения факта заключения сделок, уязвимость персональных данных и недостаточная доказательная база при разрешении споров, возникающих в сфере цифровой деятельности.

Также осуществлённое исследование позволило сформулировать конкретные выводы, отражающие основные направления совершенствования правового регулирования цифровых отношений и снижения юридических рисков, возникающих при функционировании онлайн-проектов. По нашему мнению, востребованным решением является внесение в ГК РФ новой статьи 141.2 «Цифровые активы», в которой указать, что под ними следует понимать имущественные права, выраженные в электронной форме, учет и обращение которых осуществляется посредством информационно-технологических систем. В указанной норме следует также определить порядок участия цифровых активов в гражданском обороте и гарантии защиты прав владельцев, установив, что конкретные правила обращения и защиты таких прав регулируются федеральным законом.

Кроме того, развитие цифровой экономики обуславливает необходимость нормативного закрепления правовой значимости механизмов цифровой идентификации сторон и фиксации условий электронных соглашений. Онлайн-платформы действуют на основе дистанцион-

ного взаимодействия, что требует четкого правового регулирования способов установления личности участников и подтверждения юридической силы электронных договоров. Представляется целесообразным дополнить ГК РФ ст. 160.1 «Цифровая идентификация и электронные соглашения», установив, что договор, заключенный с ис-

пользованием цифровой идентификации сторон, приравнивается к сделке, совершенной в письменной форме. Отражение сведений о цифровой идентификации и условиях электронного соглашения должно осуществляться в соответствии с требованиями, установленными федеральным законом.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 31.07.2020 N 259-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31 (часть I). — Ст. 5018.
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (1 ч.). — Ст. 3451.
4. Девятова Е. А. Электронная форма сделки // Мировые приоритеты социально-экономического развития в условиях цифровизации: вчера, сегодня, завтра. — Москва, 2025. — С. 137–139.
5. Никифорова О. А. Об отдельных особенностях электронных сделок в российской Федерации // Интернаука. — 2025. — № 21–6(385). — С. 14–16.

Государственная служба в правоохранительных органах

Осипов Денис Валерьевич, студент магистратуры
Московский гуманитарный университет

В данной публикации исследуются теоретические вопросы определения понятия «государственная служба», его соотношения со службой в правоохранительных органах.

Ключевые слова: государственная служба, правоохранительный орган, сотрудник, деятельность.

Институт государственной службы является объектом пристального внимания в научной среде. Так, в доктрине административного права сформировались несколько научных подходов к пониманию государственной службы. Например, А. С. Адамович рассматривает ее как обязанность должностных лиц к выполнению государственных задач в соответствующих организациях [6, с. 65].

В. И. Анненков в данном понятии выделяет профессиональную направленность государственных служащих, которая выступает неотъемлемым элементом их должностных полномочий (компетенций) [7, с. 32].

По мнению Г. В. Атаманчука, государственная служба — функция особого слоя граждан, занятых в аппарате органов государственной власти [8, с. 31]. При этом автор, характеризуя саму процедуру прохождения государственной службы, выделяет такие ее принципы, как профессионализм, организованность, стабильность, равноправие, квалифицированность.

Обобщая данные суждения, можно сделать вывод о том, что современная государственная служба направлена на реализацию государственных задач посредством деятельности государственных учреждений и профес-

сиональных работников — государственных служащих, которые реализуют свои полномочия в соответствии с действующим законодательством, имеют специальные звания, ранги, чины и выступают представителями власти на конкретном уровне, наделены разграниченной между собой компетенцией.

Правоохранительные органы, входящие в звено государственной службы под названием «государственная служба иных видов», функционируют структурно и законодательно обособленно друг от друга и одновременно с этим находятся в постоянной взаимосвязи, так как реализуют общую задачу государственного масштаба, достичь которую можно лишь сообща.

Так, каждый правоохранительный орган обеспечивает прохождение государственной службы своим сотрудникам в соответствии с целевыми нормативными правовыми актами федерального уровня.

Например, порядок прохождения государственной службы в ОВД регламентирован федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [1], федеральным законом от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Фе-

дерации» [2], Указом Президента РФ от 22 ноября 2012 г. № 1575 «Вопросы прохождения службы сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации» [3] и рядом иных нормативных актов [4], включая ведомственные приказы МВД [5].

Аналогичным образом процедура принятия на государственную службу и ее прохождения регламентирована и для иных видов правоохранительных органов.

Государственная служба иных видов предполагает решение правоохранительных задач в самых разнообразных сферах жизнедеятельности человека. Каждому гражданину должна быть гарантирована его безопасность, а также возможность защиты его нарушенных прав. Государственные служащие правоохранительных органов наделены силой государственного принуждения, что дает им возможность в предусмотренных законом случаях ограничивать конституционные права граждан, нарушивших закон, с целью принудительного прекращения ими противоправных действий, а также для проведения необходимых разбирательств, изъятия предметов и документов, соблюдения установленных процедур. Деятельность правоохранителей также находится под государственной защитой, и в отношении лиц, препятствующих правоохранительной деятельности, предусмотрена ответственность, начиная от административной (ст. ст. 17.7, 17.8, 19.3 КоАП РФ) и заканчивая уголовной (ст. ст. 317–319 УК РФ). Это выступает еще одним специфическим элементом правового статуса государственных служащих, проходящих службу в правоохранительных органах.

Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод о том, что на сотрудников правоохрани-

тельных органов возложены определенные запреты и обязательства, которые не распространяются на гражданских государственных служащих. Установленные запреты и обязательства направлены на то, чтобы государственные служащие иных видов (правоохранители) несли службу исключительно по букве закона, не смешивали с ней собственные интересы и предпочтения, выполняли свой долг беспрекословно и никоим образом не дискредитировали имидж государственных органов власти. В качестве некой «компенсации» этому, как отмечается в научной литературе, сотрудники правоохранительных органов получают дополнительные социальные гарантии и льготы: возможность получения военной пенсии при увольнении при выработке двадцатилетнего трудового стажа, бесплатное лечение, включая санаторно-курортный отдых, бесплатное страхование жизни и здоровья, льготы по очередности в различные инстанции и пр.) [9, с. 22].

Однако в настоящий момент в законодательстве нет четкого понимания того, какие органы государственной власти относятся к категории «гражданская служба иных видов», также не раскрываются такие термины, как «правоохранительные органы», «правоохранительная деятельность», нет и критериев (обязательных признаков) для отнесения к ним. Кроме того, отсутствует единый нормативный правовой акт, который бы регламентировал организацию прохождения службы для должностных лиц государственной гражданской службы иных видов. Все это негативно сказывается на целостности системы государственной службы в России и требует скорейшей разработки и принятия федерального закона «О правоохранительных органах Российской Федерации».

Литература:

1. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации от 14 февраля 2011 г. № 7 ст. 900.
2. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 2011 г. № 49 (часть I) ст. 7020
3. Указ Президента РФ от 22 ноября 2012 г. № 1575 «Вопросы прохождения службы сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 26 ноября 2012 г. № 48 ст. 6668
4. Указ Президента РФ от 04.04.2014 № 200 «О некоторых вопросах поступления на службу в органы и учреждения прокуратуры Российской Федерации граждан Российской Федерации, являющихся работниками органов прокуратуры, действующих на территориях Республики Крым и г. Севастополя» // Собрание законодательства РФ, 07.04.2014, № 14, ст. 1614.
5. Приказ МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50 «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 23 марта 2018 г.
6. Адамович А. С. Правовое обеспечение государственной службы Российской Федерации. — М.: РАГС, 2012. — 166 с.
7. Анненков В. И. Государственная служба. — М.: КноРус, 2014. — 109 с.
8. Атамчук Г. В. Сущность государственной службы. — М.: РАГС, 2013. — 205 с.
9. Музафарова Л. Ш. Служба в правоохранительных органах как вид государственной службы // Молодой ученый. 2022. № 1 (105). С. 22–24.

Возможности установления первоначального содержания сгоревших документов

Путиенко Наталья Алексеевна, старший эксперт экспертно-криминалистического отделения
Межмуниципальный отдел МВД России «Курчатовский» (Курская область)

В статье автор исследует порядок и методы восстановления утраченного текста при воздействии на него высоких температур.

Ключевые слова: следы, документы, методы.

Одной из категорий следов, возникающих на месте происшествия, являются следы термического воздействия на объектах, которые имеют большое значение для расследования и раскрытия преступления, где такими объектами обычно выступают документы, содержание которых состоит из информации, необходимой для дальнейшего расследования преступления. При воздействии температуры документ полностью или частично утрачивает свое содержание, которое эксперты стараются выявить, разрабатывая все новые методы работы с такими образцами.

Следы указанной категории встречаются на местах происшествий, где возможно возникновение термолиза. Такими происшествиями могут выступать ДТП, умышленное или неумышленное сожжение документов со сведениями, которые служат важными источниками информации и др. Так, в Курской области было совершено преступление по статье 105 Уголовного кодекса Российской Федерации. Мужчина, предложив работу молодому человеку на своей ферме, будучи в состоянии алкогольного опьянения, утопил его по дороге к месту выполнения обязанностей юноши. После утопления преступник забрал паспорт из кармана жертвы и сжег его с целью сокрытия следов преступления [1].

При работе с документом, подвергшемся термическому воздействию, необходима кропотливая аккуратность и точность, так как такие объекты легко разрушимы. Работа с фрагментами происходит пинцетом без острых краев на стеклянной поверхности, по окончании работы объект необходимо накрыть сверху покровным стеклом. Важно отметить, что для придания эластичности документу рекомендуется обработать его 15 % раствором глицерина в воде или минеральными маслами (можно в смеси с бензином), а также водой. Документы, подвергшиеся испепелению, увлажнять не следует. Для закрепления документа используется раствор ультрамида в спирте (5–7 капель на 75 мг спирта 96°), 10 % этилового эфира, 80 % этилового спирта. При использовании указанных растворов, на документе образуется пленка, которая помогает в дальнейшем исследовании документа.

При исследовании сожженных документов отмечается, что некоторые красители могут исчезнуть уже на стадии обугливания, к таким, например, относятся метиленовый голубой и кристаллический фиолетовый. А наиболее устойчивые к высокой температуре — например, графит, краситель черной машинописной ленты, полиграфические краски [5, с. 206].

Исследование сгоревшего документа с целью установления его первоначального содержания начинается с визуального осмотра документа, что направлено на оценку состава бумаги, поверхности бумаги, ее цвета. Также по возможности следует установить материал письма, его цвет, наличие рельефа от пишущего прибора и другие признаки. При затруднении визуального осмотра можно изучить их в микроскопе. Уже при визуальном исследовании возможно установить содержание документа посредством, например, исследования на просвет, при условии несильного сгорания объекта.

После того, как эксперт изучил объект, он уже понимает, какие методы восстановления содержания необходимо применить в данном случае. К таким методам можно отнести:

— Фотографирование в коспадающем свете.

Важное условие — на объекте должен присутствовать рельеф от пишущего прибора. Угол направления света выбирается экспериментально, а фотографирование проводится в темном помещении.

— Цветоделительная фотография.

Метод используется, если штрихи чернил по цвету контрастны цвету бумаги. Один из приемов, используемых для этих целей, заключается в том, что документ освещают направленным светом, близким к вертикали. Оптическая ось объектива перпендикулярна объекту. При этом фон будет отражать значительно меньше лучей по сравнению со штрихами. Еще один прием — работа в Adobe Photoshop по увеличению контраста подложки и красителя.

— Фотографирования в инфракрасной и ультрафиолетовой зонах спектра используется при условии, что краситель поглощает/отражает лучи спектра.

— Обработка 10 % раствором перекиси водорода, вследствие чего бумага окрашивается в светло-коричневый или белый цвет, контрастный красителю. Метод подходит для текстов, выполненных типографской краской, черной и красной тушью, черной машинописной лентой, синими и красными карандашами, голубыми и фиолетовыми чернилами.

— Метод отбеливания подразумевает контраст красителя и подложки, который проявляется при помещении объекта в ванночку с подогретым спиртом, бензином или эфиром.

— Обработка раствором глицерина в спирте и воде.

Раствор наносится на объект колонковой кистью, далее документ необходимо осмотреть при коспадающем освещении.

— Термический способ.

Данный способ подразумевает испепеление обуглившихся объектов. При термическом воздействии на обугливающийся документ, он светлеет до светло-серого цвета, а штрихи сохраняются, при условии, что они выполнены термостойкими красителями. Чернила, невидимые на черном фоне, становятся достаточно хорошо видимыми на светлом фоне. Чтобы добиться описанного результата объект, помещенный между кварцевыми стеклами, необ-

ходимо поместить в муфельную печь, разогретую до 300–400°. Время помещения четко не определено, необходимо внимательно смотреть за проявлением текста.

Таким образом, следы термического воздействия требуют особенной внимательности от лица, обладающего специальными знаниями при работе с ними. Документы со следами термического воздействия требуют особого рода осторожности и знания тонкостей обращения с ними в силу их хрупкости и быстрой разрушаемости.

Литература:

1. И сжег паспорт жертвы // Курская правда. № 137, 17.11.2016. с. 12;
2. Криминалистическое исследование документов: учеб. пособие / под ред. М. В. Бобовкина, А. А. Проткина. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ДГСМ МВД России, 2014;
3. О судебных технических экспертизах сожженных и разорванных документов (по уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности) / Захарова В. О. / под редакцией А. И. Бастрыкина. 2014. С. 277–280;
4. Терзиев, Н. В. Криминалистическое: исследование сожженных бумаг / Н. В. Терзиев // Советская криминалистика на службе следствия. — Вып. 5. — С. 58–88;
5. Техничко-криминалистическая экспертиза документов: учебник / под ред. В. Е. Ляпичева, Н. Н. Шведовой. — 2-е изд., стер. — Волгоград: ВА МВД России, 2013;
6. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. 1 (исследование документов, поврежденных высокой температурой (сгоревших)) / под ред. Ю. М. Дильдина; общ. ред. В. В. Мартынова. — М.: Интеркрим-Пресс, 2010;
7. Техничко-криминалистическая экспертиза документов: учебник /Т 38 под ред. В. Е. Ляпичева, Н. Н. Шведовой. — 2-е изд., стереотип. — Волгоград: ВА МВД России, 2013.

Гражданско-правовая ответственность медицинских организаций при оказании медицинских услуг

Путренкова Алина Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Ковалев Сергей Дмитриевич, кандидат юридических наук, доцент

Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний

В настоящей статье автором рассматриваются особенности гражданско-правового регулирования ответственности медицинских учреждений в случае недобросовестного оказания услуг. Актуальность рассматриваемой темы обусловлена появлением множества платных клиник, оказывающих различного рода медицинские услуги, а также ростом возникающих споров, рассматриваемых гражданскими судами, что указывает на необходимость усиления гражданско-правовых норм для защиты прав граждан.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, медицинские учреждения, медицинские услуги, судебная практика, возмещение вреда.

Civil liability of medical organizations when providing medical services

In this article, the author examines the features of civil law regulation of the liability of medical institutions in the event of dishonest provision of services. The relevance of the topic under consideration is due to the emergence of many paid clinics providing various types of medical services, as well as the growth of emerging disputes considered by civil courts, which indicates the need to strengthen civil law norms to protect the rights of citizens.

Keywords: civil liability, medical institutions, medical services, judicial practice, compensation for harm.

За девять месяцев 2024 года поступило более 13 800 жалоб на частные медицинские организации, подсчи-

тали в Росздравнадзоре. Это на 15 процентов больше, чем за аналогичный период прошлого года. Петербург наряду

с Москвой вошел в число субъектов РФ с наибольшим числом нарушений в сфере платных медуслуг. По данным Росздравнадзора, частных медицинских организаций у нас почти в три раза больше, чем государственных. В основном бизнес работает в таких областях, как косметология, стоматология, акушерство и гинекология. Чаще всего пациенты жалуются на качество медпомощи, соблюдение этики и в целом на работу платных клиник. Кроме того, 5 процентов всех обращений связаны со смертью их клиентов. [2].

Рассматривая гражданско-правовую ответственность медицинского учреждения при оказании квалифицированной помощи, необходимо отметить, что, как и все другие правоотношения подобного рода, она рассматривается в порядке общих оснований, предусмотренных ГК РФ.

Гражданско-правовая ответственность представляет собой государственный механизм защиты прав граждан от причиненного вреда, выраженный в мерах принуждения, в отношении медицинских организаций, в целях восстановления нарушенных прав граждан и возмещения им причиненного ущерба. Как мы видим, данный вид ответственности имеет материальное выражение и обязывает в полном объеме возместить убытки пострадавшему лицу — пациенту.

Для применения такой ответственности в отношении медицинских организаций, необходимо наличие в их действиях ряда условий, в частности:

1. Противоправные действия или бездействия, как медицинского персонала, так и в целом учреждения, в чьи функциональные обязанности входит оказание медицинской помощи.

2. Причинение пациенту вреда. Как правило, он выражен в ухудшении состояния здоровья, ставшего следствием оказания некачественной медицинской помощи, либо отказом в ее оказании при соответствующей необходимости.

3. Причинная связь. Данное условие является обязательным для установления гражданско-правовой ответственности.

4. Наличие вины медицинской организации (персонала).

Рассматривая противоправность действий персонала, выделим наиболее часто встречающиеся в судебной практике их выражение:

- выполнение обязанностей ненадлежащего уровня, то есть совершение действий, манипуляций с нарушением техники ее выполнения, допущения врачебных ошибок;
- исполнение обязанностей, идущих в разрез с определенными законом, соглашениями или с условиями договора;
- отказ от оказания медицинских услуг при обязанности их совершения при поступлении пациента в учреждение здравоохранения.

Необходимо отметить, что при рассмотрении судебных споров о наложении на медицинские учреждения

гражданско-правовой ответственности, судом принимается во внимание такой критерий, как презумпция невиновности. В частности, он имеет фундаментальную основу в ст.1064 ГК РФ, которая гласит, что возмещение вреда предусмотрено только в том случае, если сам истец докажет, что он наступил не вследствие его же действий.

Рассматривая иные положения ГК РФ, которыми руководствуются суды при вынесении решений, мы увидим наличие специальной нормы, которая устанавливает объем возмещения вреда и ее характер в случае причинения вреда здоровью гражданина, обратившегося в медицинскую организацию (ст.1085 ГК РФ). В частности, сюда входят:

- неполученный заработок потерпевшим за период лечения после недобросовестного оказания или не оказания медицинской помощи (услуг);
- оплата восстановительного лечения;
- расходы, понесшие потерпевшим в результате покупки лекарственных препаратов;
- транспортные расходы;
- необходимость проведения санаторно-курортного лечения;
- протезирование;
- услуги по уходу за больным;
- оплата услуг по профессиональной переподготовке, в случае утраты трудоспособности и возможности работать по прежнему месту работы.

Помимо указанных расходов, судом на медицинскую организацию может быть возложена обязанность по возмещению морального вреда, при назначении которого учитывается, как основной критерий, степень вины. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 года № 1, следует учитывать, что причиненный вред здоровью влечет за собой нравственные и физические страдания потерпевшего, в связи с чем, моральная компенсация, фактически, является неотъемлемой частью заявленных исковых требований, подлежащих удовлетворению.

Однако в связи с введением новых рекомендаций, изложенных в разъяснениях Верховного суда РФ от 15.11.2022 года № 33 и решений судов 2022 года, компенсация причиненного вреда стала также возможна в случае, если сотрудником медицинского учреждения были неправильно оформлены документы пациента, он был не проинформирован в полном объеме о медицинских услугах при наличии обстоятельств, указывающих на последующее ухудшение его состояния здоровья [3].

Анализ судебной практики, проведенный нами, показал, что судом могут быть удовлетворены требования пациента о компенсации морального вреда, даже если между развившимся у него заболеванием и действиями врача нет прямой связи. Достаточно будет того, что дефекты медицинской помощи косвенно способствовали наступлению нежелательного результата, но не были его первопричиной. Такими дефектами могут быть несвоевременное оказание помощи, постановка неверного диа-

гноза, нарушение техники проведения медицинского вмешательства и др.

При рассмотрении спора судом оценивается сама медицинская организация и условия оказания медицинской помощи. А именно все ли возможное медицинские работники сделали для того, чтобы обследование было квалифицированным, а медицинское вмешательство — своевременным и правильным. Старались ли медицинские организации не допустить причинение вреда здоровью пациента.

В соответствии с нормой 1068 ГК РФ за любой причиненный вред пациенту, ставший следствием оказания (не оказания) медицинских услуг, гражданско-правовая ответственность возлагается непосредственно на медицинское учреждение, которое, в последствие, вправе регрессного порядка возложить ее на сотрудника, допустившего данные последствия.

Однако встречаются и исключения из этого правила. Так, в октябре 2022 г. суд взыскал с физического лица в пользу пациента 1 000 000 руб. в качестве компенсации морального вреда. Ответчик на момент причинения вреда

здоровью пациента был одновременно учредителем, директором и главным врачом медицинской организации. Клиника же была ликвидирована еще до подачи пациентом иска в суд. Иными словами, к ответственности могут привлечь и учредителя или директора организации, если они действовали недобросовестно (Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11 октября 2022 г. № 88–15548/2022 по делу № 2–3/2022) [1, с. 39].

Таким образом, вред здоровью при оказании медицинских услуг выступает как результат содеянного, который проявляется в различных формах поведения (действие/бездействие). Кроме того, в дальнейшем данные обстоятельства учитываются при квалификации противоправных деяний:

1. бездействие сопоставляется с активным действием субъекта противоправного деяния,
2. бездействие, в свою очередь, имеет различные варианты проявления (отсутствие действий вовсе/отсутствие своевременных действий, в соответствии со стандартами оказания медицинской помощи).

Литература:

1. Козьякова Е. А. Проблемы правового регулирования возмещения вреда пациентам при оказании медицинской помощи / Е. А. Козьякова // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. — 2020. — № 18. — с. 38–81.
2. Российская газета — [Электронный ресурс] — URL: <https://rg.ru/2024/11/08/reg-szfo/cenozdorovia.html> (дата обращения: 14.10.2025).
3. Разъяснения Верховного суда по вопросам компенсации морального вреда в случае причинения вреда здоровью и нарушения прав пациентов — [Электронный ресурс] — URL: [http:// np-med.ru/members/justice/1618/](http://np-med.ru/members/justice/1618/) (дата обращения: 14.10.2025).

Психологические факторы, влияющие на проявление особой жестокости при совершении убийства

Пуцына Елизавета Игоревна, студент магистратуры

Научный руководитель: Доронин Геннадий Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье исследуются проблемы разграничения вменяемости от невменяемости применительно к п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Анализируются предрасположенность лиц, имеющих психические расстройства, к совершению убийств с особой жестокостью в соответствии с их психологическими особенностями и сам квалифицированный признак с точки зрения отношения виновного к потерпевшему.

Ключевые слова: убийство, совершенное с особой жестокостью, вменяемость, невменяемость, особая жестокость, садизм, психическое расстройство.

Особую общественную опасность представляет убийство, совершенное с особой жестокостью, квалифицируемое по п. «д» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [1]. Данный способ совершения убийства характеризуется причинением по-

терпевшему особых страданий, которые имеют «дополнительное» значение, а именно: причинение таких страданий направлено на причинение не только смерти, а еще мучений либо искусственное затягивание наступления гибели. Именно в контексте этого признака в ряде слу-

чаев особенности разграничения вменяемости и невменяемости приобретают особую остроту и требуют глубокого анализа.

Так, по мнению С. К. Питерцева, убийство с особой жестокостью должно характеризоваться крайней степенью жестокости — «жестокостью сверхобычной, из ряда вон выходящей, исключительной» [2]. Стоит согласиться, что для психически здорового гражданина абсолютно любое насильственное преступление, а уж тем более убийство, само по себе представляет акт жестокости. При этом общественная опасность преступления увеличивается, если данная жестокость является явно избыточной, чрезмерной даже с учетом определенной задачи — причинение смерти человеку.

Особая жестокость, каким бы образом она не проявлялась — садистских проявлениях, способах убийства или в нанесении моральных страданий близким потерпевшего, — должна охватываться умыслом виновного. То есть он должен иметь понимание особо жесткого характера действия или бездействия в процессе лишения жизни потерпевшего, предвидение вероятности или неминуемости наступления смерти и желание (либо сознательное допущение) наступления таковой. Правоведы справедливо отмечают, что о факте особой жестокости преступного деяний следует говорить на основе глубокого изучения субъективной стороны обвиняемого лица, а не только на анализе внешних аспектов содеянного, например, сильная интенсивность насилия или его очевидная чрезмерность повреждений в короткий срок может говорить о наличии желания у преступника ускорить процесс наступления смерти [3]. Именно по этому пути идет судебная практика.

Так, в постановлении по делу Н. Президиум Верховного суда Российской Федерации указал, что суд первой инстанции ошибочно квалифицировал убийство как совершенное с особой жестокостью, сославшись на множественность телесных повреждений. Потерпевшему нанесли шесть ударов по голове, и смерть наступила в результате открытой черепно-мозговой травмы. Согласно заключению судмедэксперта, после полученной травмы потерпевший находился в бессознательном состоянии [4].

Если обратиться к психологическому пониманию жестокости, то она трактуется агрессивные действия как «средства достижения значимой для лица цели или для психологической разрядки, или способ удовлетворения потребности в самореализации и самоутверждении» [5]. Данное понимание говорит о том, что особая жестокость может являться как средством для достижения цели, так и самой целью. При этом мотивация при совершении убийства с особой жестокостью может быть разной: например, ревность, ненависть, самоутверждение, садистские побуждения и иные. Именно таким образом Тимошенко И. И. классифицирует данный вид преступления с точки зрения мотивации: из неприязненного отношения, что является самым распространенным фактором, «сексуально-садистские», на религиозной почве и совершенные

из-за социальной ненависти [6]. Данные выводы, сделанные учеными, стоит учесть при исследовании причин совершения убийств с особой жестокостью.

Основополагающим аспектом для мотивации особо жестокого убийства есть цель причинения «излишних» мучений потерпевшему или его близким. По мнению С. Н. Дружкова, при «лишении жизни способом, причиняющим физическую боль и вызывающим особые страдания жертвы (либо его близким) всегда имеется элемент садизма» [7]. Садизм — это стремление к жестокости, наслаждение чужими страданиями». Значит, для преступника важным является использование лишь тех способов лишения жизни, которые связаны с причинением особых страданий. Важно не само лишение жизни, а его процесс. Это объясняет множественность и масштабность повреждений, применение способов длительного характера по типу использование яда, лишение еды, воды, тепла и иные — все это является результатом определенного вида интеллектуальных и волевых усилий.

Поэтому в контексте изучения особой жестокости возникает вопрос о вменяемости лица, совершившего данное преступление. Стоит отметить, что невменяемость по своей природе исключает возможность осознания общественной опасности деяния и, следовательно, исключает возможность целенаправленного стремления причинить особо страдания. Если лицо не осознаёт, что его действия причиняют мучительную боль или страх, оно не может быть признано виновным в совершении убийства с особой жестокостью.

Согласно ч. 1 ст. 21 УК РФ не подлежит уголовной ответственности лицо, которое в момент совершения общественно — опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, т. е. не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействий) или руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия или иного болезненного состояния психики.

Стоит отметить, что различные виды психических расстройств, исключающих вменяемость, могут по-разному влиять на склонность человека к проявлению жестокости. Так, например, существуют психические расстройства, характеризующиеся агрессивностью и импульсивностью по типу некоторых форм психопатий, расстройств личности. Также расстройства, вызывающие галлюцинации и бред, например, шизофрения. В таких случаях человек может действовать жестоко не потому, что у него есть действительное желание причинить страдания, а потому, что его восприятие реальности в конкретный момент искажено. Например, потерпевший может представиться виновному в виде какого-либо страшного и угрожающего существа, и тогда подсудимый в своей реальности будет пытаться защитить себя. Также при состояниях деменции и слабоумия, как правило, наблюдается снижение способности к эмпатии и осознанию последствий своих действий. Однако проявление особой жестокости может быть связано

с фрустрацией и с отсутствием понимания того, что причиняет боль.

Своеобразными маркерами такого поведения могут являться «внезапная раздражительность, вспышки агрессии или необоснованное чувство вины, потеря интереса к привычным занятиям, снижение мотивации и уровня энергии, чувство постоянного напряжения или необъяснимого страха, сложности с концентрацией внимания, забывчивость, неспособность принимать решения, появление галлюцинаций или параноидных мыслей, вызванных необоснованными подозрениями, социальное отстранение, избегание коммуникаций и чувство одиночества» [8]. Что касается внешнего вида, то такие люди часто не следят за гигиеной, носят грязную или неопрятную одежду, выглядят неряшливо. Мимика бедная либо, наоборот, чрезмерно оживленная, взгляд может быть блуждающим, отсутствующим или, напротив, слишком пристальным. Эти признаки очень полярны, но в любом случае такие особенности всегда имеют характер излишества.

При этом нельзя утверждать, что проявление особой жестокости само по себе свидетельствует о психическом расстройстве, исключающем вменяемость. Так как кроме медицинского критерия есть юридический, который указывает нам на то, что лицо во время совершения преступления не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (интеллектуальный момент) либо руководить ими (волевой момент). Значит, необходимо установить, как это расстройство повлияло на способность человека осознавать свои действия и руководить ими в момент совершения убийства с особой жестокостью. Ведь лицо может иметь какие-либо психические отклонения, но при этом полностью понимать, что он совершает жестокость и желать этого, например, лицо совершает убийство с особой жестокостью во время ремиссии своей болезни. Таким образом, следует исходить из того, что наличие психического расстройства не исключает полностью возможность осознанных действий и, соответственно, проявления особой жестокости.

Стоит сказать, что спорным остаётся вопрос о том, как применять понятие «особая жестокость» к деяниям невменяемых лиц. С одной стороны, закон связывает квалифицирующий признак с умыслом и осознанием виновным общественной опасности своих действий, но невменяемое лицо по определению лишено такой способности. М. В. Ульянова указывает, что «особая жестокость» предполагает осознанный выбор такого способа действий, который характеризуется повышенной интенсивностью причиняемых страданий. Невменяемый в силу своих патологических особенностей не может осознанно выбирать подобные способы [9]. Стоит согласиться с данной точкой зрения, потому что квалифицирующие признаки, такие как «особая жестокость», должны быть связаны с виной, то есть с психическим отношением лица к совершаемому им общественно опасному деянию — невменяемость исключает такую вину.

Судебная практика нередко сталкивается с ситуациями, когда при наличии психического расстройства у лица сохранилась возможность частично осознавать происходящее и контролировать себя. Соответственно, может возникнуть вопрос о наличии обстоятельств, влияющих на степень его вины.

При изучении виновных, осужденных за убийство с особой жестокостью, следует обратиться к особенностям их личности, которые были выявлены учеными. Так, абсолютное большинство лиц, осужденных по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ, имеют разные психические аномалии, которые не лишают их вменяемости, но оказывают влияние на поведение, в частности, на проявление жестокости. По результатам, полученным С. Н. Дружковым, «из общего числа осужденных за убийство с особой жестокостью 80,7 % страдали различными аномалиями психики: органическое заболевание головного мозга — 1,6 %; шизофрения — 1,6 %; эпилепсия — 3,2 %; олигофрения — 4,8 %; травматическое поражение головного мозга — 8,1 %; остаточное явление органического поражения центральной нервной системы — 4,9 %; психопатия — 32,3 % (психопатия личности у ряда осужденных осложнена хроническим алкоголизмом); хронический алкоголизм — 24,2 %» [7]. Соответственно, наличие психических аномалий определяет развитие агрессии, жестокости, ослабляет сдерживающие контрольные механизмы и представляет собой внутренние условия, которые способствуют совершению данного вида преступления.

Для данной категории лиц законодатель не исключает возможность привлечения к уголовной ответственности и в силу ч. 2 ст. 22 УК РФ, суд может рассмотреть для такого лица наряду с наказанием альтернативу, заключающуюся в назначении принудительных мер медицинского характера. Важно подчеркнуть, что установление факта наличия психического расстройства и его влияния на способность осознавать и контролировать свои действия является прерогативой судебно-психиатрической экспертизы. Суд, исходя из заключения экспертов и других материалов дела, принимает окончательное решение о квалификации действий лица.

Подводя итог всему вышесказанному, стоит сделать вывод о том, что применительно к п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ разграничение вменяемости и невменяемости требует особого внимания к субъективной стороне преступления, а именно к тому, как психическое расстройство (если оно имеется) повлияло на способность лица осознавать общественную опасность проявленной им особой жестокости и руководить своим поведением, приведшим к такому способу убийства. Умышленное причинение страданий может быть, как следствием дефектов личности, так и не зависеть от них. «Особая жестокость» — это категория, требующая доказательства особого отношения виновного к страданиям жертвы. Ввиду этого законодатель определил такой аспект, как особая жестокость, в качестве квалифицирующего признака, ужесточив наказание.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. От 31.07.2025) // СПС «Консультант-плюс». — Версия Проф. — М., 2025.
2. Питерцев С. К. Оценка множественности ранений в посягательствах на жизнь / С. К. Питерцев. // Правоведение. — 1973. — № 19. — С.18.
3. Шаргородский М. Д. Избранные труды по уголовному праву. / М. Д. Шаргородский. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. — С. 76.
4. Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 10. // URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/newsletters/1730/> (дата обращения: 26.09.2025).
5. Психологический словарь / Под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. — Изд-во Астрель, АСТ, Транзиткнига, 2004. — С. 11.
6. Тимошенко И. И. Теоретические и практические проблемы расследования убийств, совершенных с особой жестокостью: Автореф. дисс.. на соиск. уч. ст. к.ю.н. / И. И. Тимошенко — Краснодар, 2003. — С. 10.
7. Дружков С. Н. Уголовно-правовые функции особой жестокости в составе убийства: вопросы теории и практики: Автореф. дисс.. на соиск. уч. ст. к.ю.н. / С. Н. Дружков — Ижевск, 2002. — С. 17, 29.
8. Яновский Т. С. Диагностика психических больных и внутренняя картина болезни // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2017. № 4 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diagnostika-psihicheskikh-bolnyh-i-vnutrennyaya-kartina-bolezni> (дата обращения: 14.10.2025).
9. Ульянова М. В. Вменяемость и невменяемость физического лица. Проблемы установления / М. В. Ульянова // Законность. — 2016 — № 38 — С. 22.

Понятие и значение криминалистической характеристики изнасилований

Семьянинова Наталия Владимировна, студент магистратуры

Научный руководитель: Маликова Майя Гамидовна, кандидат юридических наук, доцент

Тамбовский государственный технический университет

Данная статья посвящена криминалистической характеристике изнасилования. Даются разъяснения об особенностях такого рода преступлений, их специфике и проблемных аспектах, затрудняющих полноценное расследование, т. к. изнасилование — это не только нанесение физического вреда жертве преступления, но и морального, в данном случае нанесенный вред остается психологически травмирующим на всю оставшуюся жизнь. Затрагивается в статье вопрос и о профилактических мерах, направленных на снижения числа преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Раскрывается важность внедрения современных технологий, таких как ДНК-дактилоскопия, компьютерно-техническая экспертиза и психологические методы допроса, которые позволяют повысить эффективность раскрытия преступлений такого рода.

Ключевые слова: преступление против половой неприкосновенности и половой свободы личности, криминалистическая характеристика, правоохранительные органы, расследование, потерпевшая, насильник.

На современном этапе развития общества, при постоянном совершенствовании технологий, остается весьма актуальной темой преступление против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Такие преступления как изнасилование все еще распространены во всех государствах, и Россия, к сожалению, не является исключением.

Постоянный прогресс общества и изменение преступных стремлений диктуют необходимость корректировки этих характеристик с учетом как текущих обстоятельств, так и долгосрочных перспектив. Криминалистическая характеристика изнасилований и внедрение модернизации криминалистической науки в этой сфере жизненно необходимы.

Одной из причин неэффективной борьбы с преступлениями против половой свободы и половой неприкосновенности личности является недостаточная разработка криминалистического аспекта поисково-познавательной деятельности, в частности, по установлению лиц, совершивших преступления, что включает указанную многоплановую проблему в круг актуальных направлений, как теоретических, так и прикладных криминалистических исследований.

Вся структура криминалистической характеристики преступлений формируется на основе ее составных компонентов, представляющих собой отдельные элементы. Эти элементы не только способствуют эффективному проведению расследования, но и конечно, играют ключевую

чевую роль в процессе доказывания. Несомненно, благодаря системному подходу к криминалистической характеристике у правоохранительных органов появляется возможность использовать теоретические и эмпирические знания для формирования методик расследования, возможность обеспечения упорядоченности процессуальных действий.

Постоянный анализ аналогичных преступлений дает возможность правоохранительным органам выявлять характерные признаки, которые в свою очередь дают возможность более эффективно раскрывать и пресекать в будущем такие посягательства.

Уголовная ответственность за преступление против половой неприкосновенности и половой свободы личности предусмотрена статьей 131 Уголовного кодекса РФ, где изнасилование специфицируется как половое сношение с применением насилия или угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей [5].

Российский законодатель стоит на позиции, согласно которой под половым сношением следует понимать гетеросексуальный акт. Наука уголовного права России и судебная практика выработали подход, в соответствии с которым субъектом изнасилования обязательно должно быть лицо мужского пола [4].

Для формирования методики расследования изнасилований важное значение имеют такие элементы их криминалистической характеристики, как способы совершения преступления, типичные следы, обстановка совершения таких преступлений, личность преступника, личность потерпевшего лица.

К примеру, типичными следами изнасилования чаще всего являются следы насильственных действий на теле потерпевшей и следы ее сопротивления на теле подозреваемого (укусы, ссадины, синяки, раны, разрывы, наложение различных веществ, разорванная одежда потерпевшей, гематомы на лице, шее, руках, бедрах); следы на месте преступления (следы ног, рук, борьбы, транспортных средств, капли крови, слюна, сперма и др.); повреждения и биологические выделения (кровь, сперма и т. д.) на одежде потерпевшей и преступника, а также на окружающих предметах; следы наложения и микроцарапины на одежде, обуви, в подногтевом содержании преступника и потерпевшей; изменения в обстановке места происшествия, следы преступных действий и нахождения подозреваемого и потерпевшей на месте совершения преступления (следы выделений человеческого организма, нижнее белье, пуговицы, булавки, волосы, ворсинки одежды) [3].

Анализ обстановки совершения изнасилований в большинстве случаев характеризуется отсутствием посторонних лиц, избранием пустынного места как на открытой местности, так и в помещении. На открытой местности изнасилования чаще совершаются активным способом в отношении к незнакомой для преступника жертвы. Место совершения изнасилования тесно связано с конкретной

локализацией материальных и иных следов преступного события. Наиболее типичными местами совершения изнасилований являются: подъезды домов и лестничные площадки; подвалы и чердаки строений; лесные массивы, парковые зоны и поля; квартира потерпевшей или насильника; общежития; нежилые или заброшенные помещения; различные хозяйственные постройки; заброшенные строения, отдельные дворы и иные места.

Проанализированы правоприменителем и наиболее характерные промежутки времени и времени года совершения изнасилований — это поздние вечерние часы (21–22.00ч.) и первые ночные (23.00ч.). Большинство изнасилований в квартирах потерпевших и преступников совершаются также в вечернее и ночное время, но в более длительный промежуток времени (17.00–02.00 чч.). Изнасилования чаще всего совершаются в теплое время года (с мая по сентябрь), вечером или ночью, в основном в праздничные и предпраздничные дни [1].

Значительному количеству лиц, совершивших изнасилования, присущи различные психические аномалии: психопатия, хронический алкоголизм, олигофрения, остаточные явления травм черепа. Для многих насильников характерны повышенная импульсивность, высокий уровень эмоциональной напряженности и фрустрированности.

Вместе с тем нередко преступники, особенно это касается серийных насильников, на работе и в семье ведут спокойную, размеренную жизнь, с проявлениями некоторых свойств из комплекса неполноценности в волевой, интеллектуальной, сексуальной сферах.

Переходя к характеристике личностных качеств потерпевших, исследования показывают, что чаще всего объектом насилия становятся лица женского пола с легкомысленным поведением, несерьезно относящиеся к вопросам семьи и брака, неразборчивые в новых знакомствах, а поэтому они воспринимаются окружающими как легкодоступные.

Следующая категория жертв насильников — неопытные девушки, несовершеннолетние, малолетние, которые по наивности не могут распознать намерение посягательства на их честь и оказать необходимое сопротивление.

Надобно отметить еще один аспект, который на сегодняшний день является актуальным в современных реалиях. Большое количество попыток изнасилований совершаются мигрантами, особенно такая неблагоприятная тенденция наблюдается в больших городах, где приток мигрантов, иностранной рабочей силы из ближнего зарубежья велик. По данным Следственного комитета, только с января по май 2025 года число попыток изнасилований с участием иностранцев увеличилось на 22 % [2]. Мигрант рос и воспитывался в принципах своей культуры и традиций, и действия российской женщины в пределах привычной для неё социальной нормы (смех, откровенная одежда, незакомплексованное поведение), могут спровоцировать потенциального насильника на преступление,

необоснованно расценивающего ее поведение как согласие на вступление в половую связь. При этом ошибочная констатация кажущейся провокации не освобождает субъекта от наказания. Поэтому миграционным структурам полиции стоит проводить разъяснительную работу.

Резюмируя итоги исследования, надобно подчеркнуть, что очень важна в деятельности правоохранительных органов работа, ориентированная на предупреждение и профилактирование сексуального насилия, на культивирование в общественном сознании идей о недопустимости посягательств на половую свободу и половую неприкосновенность личности. Самый эффективный способ в рас-

крытии такого рода преступлений – это конечно использование ДНК-дактилоскопии, дающей возможность с высокой точностью идентифицировать преступников. Важнейшую роль играет и компьютерно-техническая экспертиза, которая позволяет анализировать цифровые доказательства, такие как электронные письма, переписка в соцсетях и мессенджерах, поскольку преступники часто используют «Интернет» для знакомств и сближения с потенциальной жертвой. Необходимо в практической деятельности не только отличное знание нормативно-правовой базы, но и дискуссионных мнений ученых в доктринальных источниках.

Литература:

1. Александров И. В. Расследование изнасилований. — Красноярск: РУМНЦЮО, 2004. — С. 18.
2. Бастрыкин: каждое 20-е преступление в России — дело рук мигрантов. [Электронный ресурс]: <https://mosregtoday.ru/news/sec/bastrykin-kazhdoe-20-e-prestuplenie-v-rossii-delo-ruk-migrantov/> (дата обращения: 19.10.2025).
3. Методика расследования отдельных видов преступлений против личности: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под общ. ред. В. Н. Карагодина. М.: ЮНИТИ- ДАНА, 2015. — С. 382.
4. Сушкова О. В. Половая принадлежность лица как признак специального субъекта изнасилования // Актуальные проблемы права: IVмеждунар. науч. конф. М., Буки-веди. — 2015. — С. 227.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

Типовые следственные ситуации при расследовании изнасилований

Семьянинова Наталия Владимировна, студент магистратуры

Научный руководитель: Маликова Майя Гамидовна, кандидат юридических наук, доцент

Тамбовский государственный технический университет

В данной статье дается попытка исследования всей сложности даже и типовых следственных ситуаций при расследовании преступления против половой неприкосновенности по статье 131 УК РФ. Несмотря на кажущуюся безусловность законодательных конструкций, на практике возникают значительные трудности, связанные с особенностью данного вида преступления и последствий. В статье приводится анализ этапов расследования преступления, места преступления, особенности и тактики допроса потерпевшей и розыска подозреваемого. Анализируются субъект, объект данного преступления, квалификация виновных действий.

Ключевые слова: половая неприкосновенность, осмотр места преступления, изнасилование, правоохранительные органы, расследование, потерпевшая, насильник.

Квалификация преступления против половой свободы и неприкосновенности являются одним из актуальных проблемных аспектов науки уголовного права и работы правоприменительных органов. Преступления, описанные в главе 18 УК РФ [3], указывают на защиту сексуальной свободы и неприкосновенности.

Объектом изнасилования является половая свобода конкретной женщины. Объективная сторона изнасилования, соответственно, выражается в активных действиях, направленных на осуществление полового акта с лицом, не давшим на это согласие, с применением насилия или угрозой его применения.

Субъектом может быть только лицо, способное нести уголовную ответственность, т. е. вменяемое физическое лицо, достигшее определенного возраста (достигшее 14 лет). Вина в данном случае характеризуется прямым умыслом.

Сексуальное насилие как правило имеет тяжелые последствия и наносит непоправимый ущерб и психологическому и физическому здоровью жертвы. Изнасилование относится категории тяжких и особо тяжких преступлений, а это предполагает необходимость правоохранительным органам быстро и четко сработать, для избавления общества от насильника и предотвращения новых преступлений данного рода.

Для выстраивания максимально результативной методики расследования конкретного преступного посяательства на половую неприкосновенность необходимо начинать с выяснения наличия ключевых признаков преступного деяния, поименованных в статье 131 Уголовного кодекса РФ, где изнасилование специфицируется как половое сношение вопреки воле потерпевшей, с применением насилия (либо угрозой применения насилия) к потерпевшей или к другим лицам, либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей (ч. 1 ст. 131 УК РФ) [3]. Затем анализируются такие имеющие принципиальное значение для расследования аспекты, как способ совершения изнасилования, типичные следы, обстановка места преступления, личность преступника и личность потерпевшей.

Прежде чем возбуждать уголовное дело, надобно удостовериться в наличии самого факта изнасилования. Для этого надобно детально изучить заявление потерпевшей, с учетом ее личности и других обстоятельств. В некоторых случаях возникают ситуации, когда женщина не до конца осознает, произошло ли изнасилование. Жертвы изнасилования могут преувеличивать или наоборот преуменьшать случившееся, отказываясь верить в то, что получили серьезный ущерб. Встречаются ситуации, когда заявительница подает ложное заявление об изнасиловании с целью наказать лицо из мести или же оправдать себя перед своим социальным окружением. Если у следователя возникают сомнения, надобно провести предварительную (доследственную) проверку.

Первоначальным этапом является тщательная проверка заявления потерпевшей, где она подробно излагает произошедшее. Затем ее направляют на судебно-медицинское освидетельствование, которое прежде всего включает выявление следов преступления на теле потерпевшей. Целью такого освидетельствования является выяснение наличия повреждений и следов на теле потерпевшей, характерных для насильственного полового акта, а также определение времени их возникновения.

После тщательной проверки заявления сотрудник следственных органов принимает решение о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела. Здесь важно не затягивать с этим, любая задержка может привести к исчезновению доказательств совершенного преступления (спермы, влагалищных выделений, ссадин и повреждений в интимной сфере, и т. п.). При расследовании как случаев сексуального насилия, так и ложных обвинений, требуется прохождение двух ключевых этапов — это проверка достоверности заявления жертвы и доказывание вины [1].

В случае сексуального насилия, первым шагом является основательное расследование самого факта, чтобы убедиться, что событие действительно имело место. Главная задача расследования в таких случаях — исследование места происшествия, сбор доказательств и информации о насильнике и его задержание.

Анализ такого рода преступлений показывает, что, как правило, преступник неизвестен потерпевшей, в таком

случае эффективность его розыска зависит от полноты данных, полученных при осмотре места происшествия и допросе потерпевшей.

Во время расследования изнасилований необходимо провести очень детальный осмотр места происшествия, при этом его основное внимание должно быть направлено на выявление следов и улик, которые позволили бы установить личность насильника. А именно, выявление и правильная фиксация следов, похожих на кровь и сперму, идентификация волос насильника, вырванных жертвой при сопротивлении, и других следов, а также волокон одежды и т. д. В то же время необходимо обращать внимание на различные предметы, оставленные (утраченные) на месте происшествия, а также на следы обуви, транспортных средств и т. д.

Получив уведомление о совершении изнасилования, сотрудники правоохранительных органов незамедлительно должны проводить все возможные оперативно-розыскные мероприятия для скорейшего задержания преступника.

Если преступнику удалось скрыться с места происшествия, остается тщательное изучение физической обстановки на месте преступления с целью обнаружения, сбора и фиксации доказательств и подсказок, связанных с преступлением и личностью беглеца. В такой ситуации сотрудники следствия и дознания активно преследуют преступника по «горячим следам», а также собирают информацию о нем.

На сегодняшний день главным методом установления личности неизвестного преступника является проведение судебно-генетической экспертизы. В то же время следственные органы исходят из того, что даже если в данный момент ДНК предполагаемого преступника нет возможности получить, профиль ДНК родственника преступника (по мужской линии) может помочь его идентификации.

Грамотное и очень внимательное изучение свидетельств потерпевшей играет важную роль в раскрытии случаев насилия или покушений на насилие, поскольку они являются единственным источником информации о деталях преступления и характеристиках преступника.

Так как показания жертвы часто характеризуются эмоциональностью, следовательно нужно учитывать, что на это влияют тревога и физическая боль, страдания, возбуждение и напряжение, а также интимные переживания, сложная взаимосвязь которых и составляет эмоциональное состояние потерпевших, что может влиять на объективность полученных показаний во время допросов.

В целях сохранения важных деталей преступления и характеристик подозреваемого, наилучшей практикой является проведение допроса потерпевшей незамедлительно. Во время такого допроса следователь должен избегать длительных пауз, чтобы не подорвать решимость и дух потерпевшей. Поэтому следователь должен проявлять активность в расспросах, фиксируя все подробности, которые могут быть полезны для расследования, при этом быть, учитывая эмоциональное состояние потерпевшей,

подчеркнуто вежливым и заботливым, и, конечно же, проявлять сочувствие [2].

В случае, когда жертва насилия задерживает подачу заявления в правоохранительные органы, надо добиться ответа, в чем причина задержки. Необходимо у потерпевшей выяснить, обратилась ли она за медицинской помощью, в какое медицинское учреждение обратилась, и какая помощь ей была предоставлена.

Раскрытие подробностей об одежде и обуви, которые были на жертве на месте преступления, поможет выявить дополнительные детали происшествия [4].

Сущность криминалистической характеристики данного преступного посягательства заключается в рассмотрении способа, которым преступник осуществлял

серию взаимосвязанных действий — подготовку, совершение и маскировку преступления. В рамках этого контекста действия преступника могут быть различными, но всегда связаны с применением физического или психологического насилия, а также использования уязвимого состояния жертвы.

Практика расследования преступлений против половой свободы и неприкосновенности показывает многогранность проблем квалификации изнасилования. Быстрота реагирования полиции на заявления об изнасиловании, скрупулёзность оперативно-розыскных и следственных действий, эффективным образом отразится на защите общественных отношений по охране половой свободы и половой неприкосновенности.

Литература:

1. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях (с изменениями на 9 октября 2019 года): Приказ МВД России от 29.08.2014 № 736 // Российская газета. — 2014. — № 260. — 14 ноября.
2. Мичурина И. А. К вопросу об особенностях методики расследования изнасилований / И. А. Мичурина // Молодой ученый. — 2022. — № 22(417). — С. 348.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
4. Шувалова Т. Г. К вопросу о понятии изнасилования // Вестник Московского университета МВД России. — 2014. — № 5. — С. 189.

Корпоративные обязанности акционера (участника)

Смертина Ксения Вячеславовна, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

В статье анализируются корпоративные обязанности акционеров и участников хозяйственных обществ в российском праве. В частности, автором были рассмотрены как эволюция основные и дополнительные обязанности, закрепленные в законе и уставе, ответственность за нарушения, а также дискуссионные вопросы принуждения к участию в собраниях и злоупотреблениях корпоративными правами. Делается вывод о значении добросовестного исполнения обязанностей для устойчивости корпоративных отношений.

Ключевые слова: корпоративные обязанности, акционер, участник общества, права и обязанности, ответственность, корпоративное право, добросовестность.

Эволюция российского корпоративного права в последние десятилетия наглядно продемонстрировала, что прежнее понимание статуса акционера или участника хозяйственного общества исключительно как совокупности отдельных правомочий оказалось методологически ограниченным и неспособным адекватно объяснить происходящие процессы. Современная гражданско-правовая доктрина сместила акцент с фиксирования прав акционеров на более глубокий анализ их обязанностей, которые стали выполнять структурообразующую функцию. Именно они определяют рамки допустимого поведения в корпоративной среде, обеспечивают равновесие инте-

ресов общества и его членов, препятствуют злоупотреблениям и служат гарантией устойчивости корпоративного управления.

При этом длительное время отечественное право не предусматривало единого перечня корпоративных обязанностей. Регулирование сводилось к отдельным положениям в специальных законах. Так, в Федеральном законе от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее также ФЗ от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ «Об ООО») содержалась норма о том, что участник обязан воздерживаться от действий, способных причинить ущерб обществу, а грубое нарушение этой обязан-

ности могло стать основанием для его исключения (ст. 10 ФЗ «Об ООО»). Однако подобные нормы носили разрозненный характер и не образовывали целостного института. Переломным моментом стала реформа Гражданского кодекса 2014 года, когда в российскую правовую систему была введена статья 65.2 ГК РФ (Федеральный закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»). Законодатель впервые закрепил универсальный комплекс прав и обязанностей участников корпораций, оставив при этом возможность их детализации в уставах и специальных законах, что фактически ознаменовало институционализацию корпоративных обязанностей.

Закрепленные в п. 4 ст. 65.2 ГК РФ обязанности отличаются многослойной структурой. С одной стороны, они включают позитивные предписания — необходимость участия в формировании имущества общества и в принятии ключевых решений, без которых деятельность корпорации блокируется. С другой стороны, они содержат негативные запреты, направленные на предотвращение причинения вреда или воспрепятствования достижению целей юридического лица. Такие противоречия демонстрирует усложнение корпоративных отношений. Особенно активно обсуждается обязанность участия в собраниях. Как отмечают Е. С. Пирогова и Ю. Д. Жукова [2, с. 74–88] традиционно участие в управлении квалифицировалось как право, и его трансформация в обязанность ставит под сомнение принцип добровольного осуществления гражданских прав. Верховный Суд в Постановлении Пленума № 25 от 23.06.2015 уточнил, что исключение участника возможно лишь при умышленном уклонении от собрания, если такое уклонение существенно парализует деятельность общества. Таким образом, акцент в судебной практике делается на недобросовестность поведения, а не на сам факт отсутствия.

Особая роль принадлежит финансовой дисциплине. Участники обязаны своевременно оплачивать акции или доли, в противном случае они переходят к обществу (ст. 34 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее — ФЗ «Об АО»; ст. 16 ФЗ «Об ООО»). Данный механизм одновременно защищает капитал и выполняет санкционную функцию, лишая нарушителя корпоративных прав. Не менее значимой является обязанность по сохранению конфиденциальной информации, тесно связанная с правом акционеров на доступ к сведениям. Нарушение этого требования может повлечь гражданско-правовую, административную или уголовную ответственность (ст. 13.14 КоАП РФ, ст. 183 УК РФ). В этой сфере особенно остро проявляется противоречие между принципом открытости корпоративной деятельности и необходимостью охраны корпоративной тайны.

Новейшие законодательные изменения усилили регламентацию исполнения обязанностей. Так, поправки

2024–2025 гг. ввели правила дистанционного участия в собраниях, унифицировали бюллетени для голосования и закрепили обязанность сохранять запись трансляции для акционеров, владеющих более 1 % голосующих акций (Федеральный закон от 08.08.2024 № 287-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»). Данные меры одновременно расширили возможности акционеров и усилили контроль за их участием, минимизировав риск саботажа через неявку. Существенные новации содержатся и в Федеральном законе от 07.07.2025 № 201-ФЗ «О внесении изменений в статьи 10 и 47 Федерального закона «Об акционерных обществах», статью 7 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». В частности, упростился порядок подтверждения решений единственного акционера и разрешено создание многоуровневых корпоративных структур («матрешек») из АО и ООО, что напрямую повлияло на изменение содержания обязанностей и конфигурации корпоративного контроля.

В научных дискуссиях выявляется разнородность подходов к определению сущности корпоративной ответственности. В. Г. Пороховник и Ю. В. Гордополов рассматривают ее как совокупность негативных последствий, наступающих как по закону, так и по уставу [3, с. 540–544]. Так, переход неоплаченной доли в собственность общества, исключение участника, возмещение убытков, прекращение полномочий органов управления и ограничение информационных прав. Исследователи подчеркивают, что корпоративная ответственность носит смешанный характер, объединяя элементы частного и публичного права. В противовес им Е. С. Пирогова и Ю. Д. Жукова считают, что для рядовых акционеров характерны преимущественно негативные обязанности в форме запрета «не вредить», тогда как фидуциарные предписания закреплены исключительно для органов управления [2, с. 74–88]. В свою очередь, К. В. Емышева акцентирует внимание на возрастании практического значения обязанностей акционеров [1, с. 435–444]. Автор отмечает, что наряду с имущественной нагрузкой они несут обязанность раскрывать сведения о значительных пакетах акций и согласовывать крупные сделки, что усиливает комплаенс-ориентацию российского корпоративного права.

Судебная практика последних лет подтверждает тенденцию к расширительному применению положений ст. 65.2 ГК РФ. В частности, в ряде дел 2025 года суды квалифицировали действия членов органов управления адвокатских палат как нарушение корпоративных обязанностей, указывая на наличие конфликта интересов и недобросовестность. Подобная практика свидетельствует о том, что институт корпоративных обязанностей приобретает универсальный характер и выходит за пределы традиционных хозяйственных обществ.

Так, показательным является Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 25 от 23 июня 2015 г., в котором разъясняется порядок исключения участника из общества. Верховный Суд подчеркнул, что необходимо учитывать не только сам факт нарушения обязанности, но и последствия этого нарушения для деятельности корпорации. Исключение допустимо в случае, если действия или умышленное бездействие участника нанесли существенный ущерб или парализовали работу общества. При этом обязательным условием признано выявление умысла либо грубой недобросовестности. Простое несогласие с позицией большинства не является достаточным основанием для столь радикальной меры. Тем самым судебная практика выстраивает тонкий баланс, где свобода волеизъявления акционеров сохраняется, но намеренное уклонение от участия в собраниях с целью блокировки деятельности признается злоупотреблением правом.

Новейшие решения подтверждают данную тенденцию. Так, в 2025 г. Московский районный суд г. Чебоксары (Решение № 2–4524/2024 2–495/2025 от 21 апреля 2025 г. по делу № 2–4524/2024, Московский районный суд г. Чебоксары (Чувашская Республика)) при рассмотрении дела о признании недействительным соглашения об оказании юридической помощи установил конфликт интересов у члена квалификационной комиссии адвокатской палаты, который одновременно заключил возмездный договор с этой же палатой. Свою позицию суд обосновал ссылкой на ст. 65.2 ГК РФ, указав, что подобные действия противоречат обязанности действовать в интересах корпорации и объективно причиняют вред организации, поскольку представляют собой злоупотребление служебным положением. Примечательно, что нормы корпоративного права были применены к адвокатской палате, то есть к некоммерческой структуре. Данное обстоятельство свидетельствует о расширении действия института корпоративных обязанностей и его универсализации за пределами традиционной сферы хозяйственных обществ.

Вектор судебной практики прослеживается и в иной плоскости. Так, нарушения корпоративных обязанностей все чаще становятся основанием для признания сделок и решений собраний недействительными. Несоблюдение правил созыва органов управления, сокрытие информации об аффилированных лицах и иные подобные действия квалифицируются судами как существенные нарушения, ведущие к оспоримости сделок или ничтожности решений. Таким образом, судебные органы демонстри-

руют стремление защитить не только имущественные права корпорации, но и легитимность всего корпоративного процесса, что особенно актуально в условиях усложнения его структуры и возрастания роли принципов прозрачности и добросовестности.

В совокупности анализ показывает, что корпоративные обязанности перестали быть декларативными формулировками законодательства и превратились в полноценный инструмент правоприменительной практики. Их использование направлено на предотвращение злоупотреблений, обеспечение надлежащего поведения участников и разрешение конфликтов интересов. Более того, современное толкование судами выводит данный институт за рамки исключительно коммерческих форм, распространяя его действие и на организации иного типа, включая некоммерческие объединения. Все это указывает на формирование универсальной модели корпоративной ответственности в рамках единой гражданско-правовой системы, способной охватить широкий спектр корпоративных структур.

Однако, не менее дискуссионным остается вопрос о санкциях. Исключение участника признается крайней мерой воздействия, однако спорным остается: достаточно ли наличия ущерба обществу или необходимо доказать конкретное нарушение обязанности. Часть исследователей полагает, что причинение убытков без нарушения обязанности должно квалифицироваться как деликт, а не как основание для корпоративной ответственности. Верховный Суд окончательной позиции по данному вопросу не высказал, оставив пространство для научных и практических споров.

В итоге можно констатировать, что российское корпоративное право прошло путь от фрагментарных предписаний к формированию системного института корпоративных обязанностей, постоянно уточняемого в условиях цифровизации и усложнения организационных моделей. Современное регулирование охватывает широкий спектр — от финансовых и организационных обязанностей до вопросов конфиденциальности и предотвращения злоупотреблений. Эти обязанности нельзя рассматривать лишь как ограничение свободы акционеров, но напротив, они выступают условием реализации прав другими участниками и опорой для стабильности корпоративной среды. В условиях цифровой трансформации именно корпоративные обязанности становятся важнейшим инструментом поддержания доверия и предотвращения конфликтов в корпоративной практике.

Литература:

1. Емышева К. В. Управление и контроль корпоративными правами и обязанностями акционеров // Вестник науки. 2025. № 6 (87). Т. 1. С. 435–444.
2. Пирогова Е. С., Жукова Ю. Д. Содержание обязанностей участника корпорации на современном этапе развития гражданского законодательства: анализ правовых позиций // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 2. С. 74–88.
3. Пороховник В. Г., Гордополов Ю. В. Неисполнение корпоративных обязанностей в рамках корпоративной ответственности // Молодой ученый. 2022. № 51 (446). С. 540–544

4. Федеральный закон от 26.12.1995 N 208-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.09.2025) «Об акционерных обществах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025).
5. Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об обществах с ограниченной ответственностью» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025).

Мошенничество в сфере компьютерной информации: проблемные вопросы теории и практики

Татаурова Виктория Владимировна, студент;

Пономарева Кристина Егоровна, студент

Научный руководитель: Писаревская Елена Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент;

Научный руководитель: Дворжицкая Марина Андреевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

В статье исследуются проблемные вопросы теории и практики уголовно-правовой оценки мошенничества в сфере компьютерной информации, предлагаются пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: мошенничество, компьютерная информация, хищение, практика.

Злоумышленники, занимающиеся киберпреступной деятельностью, используют различные электронные устройства с целью несанкционированного доступа к компьютерным системам и базам данных. Они осуществляют вмешательство в процессы хранения и обработки информации, а также в функционирование информационно-телекоммуникационных сетей с целью хищения имущества потерпевших [1, с. 62].

Согласно официальным данным Министерства внутренних дел Российской Федерации за 2024 год, в стране было зарегистрировано 765,4 тысячи преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что составляет около 40 % от общего числа противоправных деяний. Одним из наиболее известных видов киберпреступлений является мошенничество в сфере компьютерной информации, предусмотренное статьей 159.6 УК РФ.

Необходимо акцентировать внимание на объективной стороне данного вида преступной деятельности. В соответствии с частью 1 статьи 159 УК РФ и с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. «О судебной практике по делам о мошенничестве, хищении и растрате» [2] способом совершения мошенничества являются обман и злоупотребление доверием. У ученых справедливо возникает вопрос о возможности применения обмана и злоупотребления доверием в контексте мошенничества в сфере компьютерной информации [3, с. 389].

Данные суждения абсолютно уместны, поскольку потерпевший от преступления, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ, узнает о совершенном в отношении него общественно опасном деянии с наступлением общественно опасных последствий, то есть никакого воздействия в момент совершения преступления преступник на его со-

знание не оказывает. Таким образом, в данной ситуации отсутствует основной признак мошенничества — способ.

В рамках совершенствования уголовно-правового регулирования в сфере информационных технологий, законодатель дополнил диспозицию статьи специальным способом совершения данного вида мошенничества, а именно: «ввод, удаление, блокирование, модификация компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей». В связи с этим также возникает проблема дифференциации мошенничества в сфере компьютерной информации и других форм хищений, таких как кража, то есть тайное хищение чужого имущества с банковского счета или в отношении электронных денежных средств, предусмотренная пунктом «г» части 3 статьи 158 УК РФ, а также мошенничества с использованием электронных средств платежа, установленное статьей 159.3 УК РФ.

В соответствии с позицией Пленума Верховного Суда Российской Федерации, хищение, совершенное с использованием учетных данных собственника, независимо от метода их получения, при условии отсутствия незаконного воздействия на информационно-коммуникационные сети, надлежит квалифицировать как кражу в соответствии с пунктом «г» части 3 статьи 158 УК РФ [4]. При этом модификация информации о состоянии банковского счета и/или о движении денежных средств, произошедшая вследствие использования виновным учетных данных потерпевшего, не должна рассматриваться как незаконное воздействие на информационно-коммуникационные системы.

Разграничение составов преступлений, предусмотренных статьями 159.3 и 159.6 УК РФ, основывается на наличии ключевого признака мошенничества — обмана

или злоупотребления доверием, в результате которых владелец имущества или уполномоченное лицо передают имущество или право на него другому субъекту либо не препятствуют их изъятию или приобретению другим лицом. Таким образом, отграничение мошенничества с использованием электронных средств платежа от мошенничества в сфере компьютерной информации производится в зависимости от наличия или отсутствия контакта с потерпевшим, о чем ранее уже упоминалось. А при краже с банковских счетов, согласно позиции Верховного Суда РФ, виновный использует уже полученные из других источников персональные данные [5, с. 126]. В свою очередь, при квалификации деяния, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ, виновный получает сведения непосредственно в момент совершения преступления, но без воздействия на сознание потерпевшего.

Литература:

1. Самиулина Я. В. Мошенничество в сфере компьютерной информации: проблемы законодательной регламентации // Вестник Самарского юридического института. — 2023. — № 3 (54). — С. 62–65.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Российская газета. — 2017. — 280.
3. Скоморохова М. С. Проблемы квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации // Вопросы российской юстиции. — 2024. — № 30. — С. 387–393.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. N 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (с изменениями и дополнениями) // Российская газета. — 2003. — № 9.
5. Крумина Д. И. Использование идентификационных данных в преступных целях: вопросы разграничения составов преступлений (ст. 158, 159, 159.3, 159.6 УК РФ) // Вестник ВолГУ. — 2022. — № 20. — С. 126–127.

Юридическая ответственность тренера

Толстякова Арина Евгеньевна, студент

Научный руководитель: Поддубная Татьяна Владимировна, старший преподаватель
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

Данная статья посвящена анализу проблем связанных с юридической ответственностью тренеров. На основе анализа закона и судебной практики автор приходит к выводу, что основной проблемой в данной области является институт третейского разбирательства, а также предлагает пути решения данной проблемы.

Ключевые слова: юридическая ответственность, тренер, тренер-преподаватель, трудовой спор, третейский суд.

Тренерская деятельность в России урегулирована различными законами. Так в ФЗ о “О физической культуре и спорте в Российской Федерации” в статье 348.1 слова тренер и тренер-преподаватель понимаются как абсолютные синонимы [1]. Это обусловлено тем фактом, что тренер в соответствии с ФЗ “Об образовании в Российской Федерации” имеет право на занятие педагогической деятельностью при достижении соответствующего образования/квалификации.

В соответствии с ТК РФ цель тренерской работы — это не только подготовка спортсменов к выступлениям на соревнованиях, но и проведение специализированных

Одной из характерных особенностей кибермошенничества, отраженной в постановлении Верховного Суда Российской Федерации, является необходимость дополнительной квалификации по статьям 272, 273 или 274.1 УК РФ. Согласно пункту 18 данного постановления, кибермошенничество, осуществляемое посредством несанкционированного доступа к компьютерной информации, а также посредством разработки, использования и распространения вредоносных программ, требует дополнительной квалификации по упомянутым статьям.

В результате проведенного анализа можно сделать вывод о том, что новая редакция статьи 159.6 УК РФ, определяющая состав преступления, сформулирована неудачно и противоречит базовому определению мошенничества. Это создает серьезные проблемы при применении данной нормы на практике.

тренировочных мероприятий [2]. Трудовой договор может быть заключен срочно или бессрочно. Заключение срочных договоров необходимы для проведения специализированных тренировок со спортсменами, а также для работы со спортивными сборными командами, в соответствии со статьей 348.2 ТК РФ [2]. Тренер будучи работником может привлекаться к юридической ответственности как по общим основаниям, так и по специально возложенным на него законом или локальным НПА.

Как мы уже и рассмотрели труд тренера связан с тренировками своих подопечных. Тренер отвечает за безопасность спортсменов при тренировках в силу закона.

Подопечные всегда рискуют получить травмы при занятиях спортом в силу закона. Особенно велик риск при занятиях полноконтактными видами спорта. Из-за этого вытекают и профессиональные риски тренера. Помимо того, что травмированные ученики понижают рейтинг тренера, он может понести за их травмы юридическую ответственность. Также тренер может получить сам увечья и травмы, например, в ходе демонстрации упражнений или при страховке спортсмена в силу снижения физиологических показателей тренера из-за возраста или болезни. Тренера могут заниматься своей профессиональной деятельностью и в выходные или праздничные дни. Однако важнейшим на наш взгляд юридической проблемой в рамках регулирования данной сферы выступают случаи включения в трудовые соглашения с тренерами пунктов о третейском разбирательстве возможных разногласий.

Вышеперечисленным и обусловлена актуальность проблемы.

В соответствии с законодательством РФ о тренерской деятельности предоставляет тренерам несколько выборов трудоустройства. Можно работать на физических лиц или спортивные объединения и клубы, федерации, центры подготовки спортсменов, профессиональные образовательные спортивные учреждения — юридических лиц.

Кроме того, закон налагает на тренера обязанность следить за соблюдением антидопинговых правил спортсменами. Однако формально закон разрешает использования допинга в некоторых случаях [3]. Но если на спортивных мероприятиях не предусмотрен допинг-контроль, то это не является основанием для использования средств допинга.

Взамен за обязанности, законодатель дал тренерам дополнительные льготы, предусмотренные статьёй 54.1 ТК РФ. Льготы составляют: медицинские мероприятия, выплаты при изменении места работы, покрытие расходов на логику, медицинские льготы [2].

Любые дополнительные соглашения в рамках трудового договора не может уменьшать объём льгот тренера, а увеличивать может. Соглашения могут предусматривать как дополнительные обязанности, так и порядок урегулирования трудовых споров, в том числе и в третейском суде. Также тренер может передать в собственность работодателю авторские права на подпись, право на использование фамилии и имени или фотографии, взамен на равные материальные ценности [4].

Практика привлечения к ответственности тренера является особенной. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 52 от 24 ноября 2015 г. было указано на то, что разрешение споров с участием тренеров является компетенцией судов общей юрисдикции [4]. Хотя, в случае если отношения основаны на гражданско-правовых отношениях, то они могут разрешаться третейскими судами, а суды общей юрисдикции их не рассматривают при условии поступления от ответчика возражений относительно предмета судебного разбирательства. В случае заключения трудового договора данный спор регулируется статьёй 391 ТК РФ, в порядке индивидуального трудового спора.

Теоретически третейское судопроизводство обладает целым рядом достоинств по сравнению с государственным процессом разрешения споров. К числу основных принято относить рассмотрение дела в достаточно сжатые сроки, а также добровольное исполнение решения проигравшей стороной. Такое положение дел стало следствием того, что арбитром в подобном споре выступает третья нейтральная компетентная сторона, пользующаяся доверием других участников, хотя как правило она расположена в сторону работодателя. Немало важно и то, что спорящие стороны могут достигнуть взаимопонимания на любой стадии процесса, что в дальнейшем поможет сохранить правоотношения между ними. Из-за того, что у третейского суда нет способов принудить к исполнению возложенных обязанностей проигравшую сторону, она вынуждена обращаться в суд общей юрисдикции в порядке гражданского законодательства. Ввиду чего первоначальное, казалось бы, преимущество в виде скорости судебного разбирательства исходит на нет.

Причиной этого стала существующая позиция Верховного Суда России, что рассмотрение индивидуальных трудовых споров не подведомственно третейским судам. А факт обращения за защитой по данному поводу в третейскую инстанцию является уважительной причиной пропуска сроков [4].

Содержащиеся в актах высшей судебной инстанции примеры наглядно демонстрируют сложившуюся ситуацию. Так, рассматривая требования спортивного работника, уволенного с поста главного тренера одного из баскетбольных клубов, суд первой инстанции посчитал, что истец по уважительным причинам пропустил срок обращения в суд общей юрисдикции. Поскольку изначально он обратился в Спортивный Арбитражный Суд при Автономной некоммерческой организации «Спортивная Арбитражная Палата», руководствуясь положениями трудового договора, которые в числе прочего содержали пункт о третейском разрешении всех разногласий между сторонами. Восстановив пропущенные сроки, суд рассмотрел дело по существу [5].

Ввиду вышеизложенного складывается негативная практика затягивания судебных разбирательств, из-за которых страдают работники, так как у них нет достаточных юридических знаний и средств на защитника в отличие от работодателя.

Как возможный способ выхода из проблемы можно предложить внесение соответствующих поправок в действующее нормативное правовое регулирование, которые закрепят возможность разрешения индивидуальных трудовых споров в третейских судах. Причем такое положение вещей будет соответствовать способам рассмотрения трудовых споров в развитых странах с современным трудовым законодательством [6].

Исходя из совокупности всего вышеизложенного можно сделать вывод о слабой защищенности тренерских работников. Несмотря на дополнительные обязанности, возложенные на тренера законом, порядок разрешения

трудовых споров в силу сложившей судебной практики, предоставляет возможность недобросовестным работодателям злоупотреблением своим правом на рассмо-

трения дела в суде. В данной работе предложен путь решения проблемы — отказаться от условной подсудности в пользу альтернативной.

Литература:

1. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: федеральный закон от 04 дек. 2007 г. № 329-ФЗ (ред. от 01.07.2024) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — URL: <https://goo.su/jYqo> (дата обращения: 21.11.2024).
2. Трудовой кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 05.08.2024) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — URL: <https://goo.su/Сykk6> (дата обращения: 21.11.2024).
3. По делу о проверке конституционности положения статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О. Е. Недашковского и С. П. Яковлева: постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2015 г. № 22-П // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — URL: <https://goo.su/3VorOr> (дата обращения: 21.11.2024).
4. О применении судами законодательства, регулирующего труд спортсменов и тренеров: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 нояб. 2015 г. № 52 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — URL: <https://goo.su/kbfR5La> (дата обращения: 21.11.2024).
5. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, возникающим из трудовых правоотношений спортсменов и тренеров: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 нояб. 2019 г. // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — URL: <https://goo.su/TJVUNBs> (дата обращения: 21.11.2024).
6. Старшинов, А. Н. Об отдельных особенностях судебной защиты социально-трудовых прав тренеров в России / А. Н. Старшинов // Вопросы экономики и права. — 2018. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-otdelnyh-osobennostyah-sudebnoy-zaschity-sotsialno-trudovyh-prav-trenerov-v-rossii> (дата обращения: 18.11.2024).

Общая характеристика процедуры банкротства физического лица в Российской Федерации

Хохлов Валерий Викторович, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Статья представляет собой общую характеристику процедуры банкротства физического лица в Российской Федерации. Дано понятие процедуры банкротства физического лица, его цель, основные последствия и итоги. Также определены условия возможности осуществления процедуры банкротства физического лица. Охарактеризованы основные правовые акты, регулирующие процедуру банкротства.

Ключевые слова: банкротство, несостоятельность, физическое лицо, цель, правовое регулирование, производство.

General characterization of bankruptcy proceedings of an individual in the Russian Federation

Khokhlov Valery Viktorovich, master's student
Moscow University «Synergy»

The article presents a general description of the bankruptcy procedure of an individual in the Russian Federation. The concept of the bankruptcy procedure of an individual, its purpose, main consequences and results are given. The conditions for the possibility of bankruptcy proceedings for an individual have also been defined. The main legal acts regulating the bankruptcy procedure are described.

Keywords: bankruptcy, insolvency, individual, purpose, legal regulation, production.

На сегодняшний день в российской практике понятие несостоятельности (банкротства) физического лица приобретает все более высокий уровень популярности, что обусловлено усложнением социально-экономической

обстановки в обществе, повышением уровня кредитной загруженности населения и другими факторами.

Несостоятельность (банкротство) — это термин, характеризующий неспособность со стороны должника

перед другой стороной выполнить свои обязательства (как в денежном, так и в имущественном плане). Банкротство может быть применено как к юридическим, так и к физическим лицам.

Банкротство физического лица — очень сложная процедура, которая нуждается в официальном подтверждении не только со стороны арбитражного суда (как это осуществляется в случае инициирования банкротства юридического лица), но и со стороны МФЦ.

Основными итогами процедуры банкротства являются следующие:

- освобождение от долговых обязательств любого характера;
- введение реструктуризации задолженности;
- заключение мирового соглашения, сторонами которого являются кредитор и должник [6].

Важно понимать, что подход к банкротству как к процессу списания долгов является неверным. С правовой точки зрения это комплекс процедур, которые осуществляются в отношении доходов и имущества должника с учетом его обязательств. Освобождение от задолженности в данном случае — только один из возможных вариантов завершения процедуры. На рисунке 1 представлены основные итоги банкротства, которые закреплены в нормативных актах Российской Федерации.

Основной целью процедуры банкротства физического лица выступает подтверждение его несостоятельности, то есть неспособности платить по имеющимся обязательствам. Для этого должен быть проведен полный анализ имущественного и финансового положения банкрота, а также состава и размера задолженностей, которые сформировались к моменту инициирования процесса.

Физическое лицо может претендовать на проведение процедуры банкротства в случае соответствия ряда обязательных условий. Перечислим их:

— наличие общей суммы задолженности более 500 тысяч рублей;

— просрочка по долговым обязательствам, длительность которой составляет более 3 месяцев [3].

Осуществление процедуры банкротства через Многофункциональный центр возможно при наличии задолженности в пределах 25 тысяч — 1 миллион рублей. Однако, еще одним требованием является наличие подтверждения, что со стороны ФССП окончено производство по причине отсутствия имущества у должника.

Безусловно, такая сложная и значимая процедура, как банкротство физического лица, должна быть строго отрегулирована с точки зрения российского законодательства. Для этого на постоянной основе применяются нормативные акты, касающиеся различных аспектов процесса. В случае, если те или иные моменты несостоятельности не в полной мере отрегулированы нормативно, то на помощь приходит судебная практика. Все стороны процесса (должник; кредиторы, имеющиеся сформированные реестровые требования или текущие обязательства; арбитражный суд, управляющий, участники и организаторы торгов, а также должностные лица МФЦ) должны в полной мере применять и соблюдать законодательства и положения судебной практики [7].

Совершенствование правового регулирования ведется постоянно. Так, очень значимым можно считать признание в 2023 году новшеств в процедуре внесудебного банкротства. На рисунке 2 представлены основные категории населения, которые могут признать себя в упрощенном порядке банкротом.

Прежде всего, система регулирования несостоятельности включает нормативные акты федерального уровня. В них содержатся основы процедуры банкротства, термины и определения, правила отдельных этапов дела, порядок принятия решений. Региональные и муници-

Рис. 1. Варианты завершения банкротного дела физического лица [4]

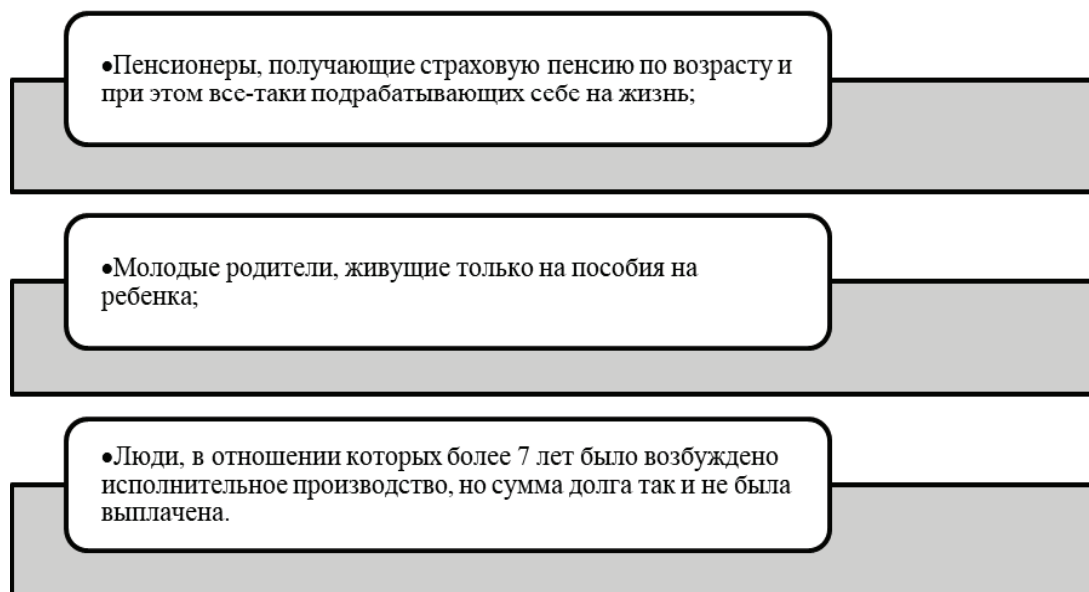

Рис. 2. Основные категории населения, которые могут признать себя в упрощенном порядке банкротом в РФ

пальные власти не могут принимать нормативные акты в сфере несостоятельности (банкротства).

Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) осуществляется в Российской Федерации по федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N 127-ФЗ [12].

Изначально в нем содержались только нормы о несостоятельности юридических лиц. Но с 2015 года процедура стала доступна и для физических лиц, в связи с чем в закон был внесен специальный раздел. В 2020 году закон был дополнен еще несколькими статьями, по которым идет регулирование процесса во внесудебном порядке.

Литература:

1. Амелин А. В. Реабилитационная составляющая банкротства граждан через призму процедуры реструктуризации // Предпринимательское право. 2022. № 3. С. 86–89.
2. Анисимов В. А., Чумаков Г. В. Банкротство физических лиц // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 5–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bankrotstvo-fizicheskikh-lits-6> (дата обращения: 18.10.2025).
3. Анисимов В. А., Чумаков Г. В. Положительные и отрицательные стороны банкротства физических лиц // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 5–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polozhitelnye-i-otritsatelnye-storony-bankrotstva-fizicheskikh-lits> (дата обращения: 18.10.2025).
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. СТ.3301.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Консультант Плюс: справочно — правовая система.
6. Григорьев А. Ю. Банкротство физических лиц в Российской Федерации // Вестник магистратуры. 2022. № 12–6 (135). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bankrotstvo-fizicheskikh-lits-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 18.10.2025).
7. Калинина В. Р., Талянина И. А. О внесудебном банкротстве физических лиц // Аграрное и земельное право. 2024. № 12 (240). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vnesudebnom-bankrotstve-fizicheskikh-lits> (дата обращения: 18.10.2025).
8. Кирина К. С. Актуальные проблемы банкротства физических лиц // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 10–3 (85). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-bankrotstva-fizicheskikh-lits-2> (дата обращения: 18.10.2025).
9. Киселёв В. В. Нормативное регулирование банкротства физических лиц // Академическая наука. 2025. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/normativnoe-regulirovanie-bankrotstva-fizicheskikh-lits> (дата обращения: 18.10.2025).
10. Киселева Ю. Г. Правовые признаки банкротства физических лиц в России // Академическая публицистика. 2021. № 10–2. С. 3–5.

11. Михневич Т. Н. Развитие правового регулирования процедур несостоятельности (банкротства) физических лиц (граждан) в России и за рубежом (сравнительно-правовой анализ): Автореф. дис.... канд. юрид. наук. М.: 2020. 25 с.
12. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Консультант Плюс: справочно — правовая система.
13. Шарафутдинова Э. И. Институт совместного банкротства физических лиц // Вестник магистратуры. 2022. № 7 (130). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-sovmestnogo-bankrotstva-fizicheskikh-lits> (дата обращения: 18.10.2025).
14. Швайцер А. А. Проблемы банкротства физических лиц: реструктуризация долга в процедуре банкротства физических лиц как инструмент финансового оздоровления // Universum: экономика и юриспруденция. 2025. № 9 (131). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problems-bankrotstva-fizicheskikh-lits-restrukturizatsiya-dolga-v-protsedure-bankrotstva-fizicheskikh-lits-kak-instrument-finansovogo> (дата обращения: 18.10.2025).

Квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки разбоя

Хохлюк Игорь Сергеевич, студент магистратуры
Владивостокский государственный университет

В настоящей статье автор рассматривает квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки разбоя, предусмотренные уголовным законодательством Российской Федерации, анализирует их юридическую природу, соотношение с общими признаками состава преступления, а также практические аспекты применения данных норм судами. Особое внимание уделяется проблемам квалификации разбоя при наличии нескольких отягчающих обстоятельств.

Ключевые слова: разбой, квалифицирующие признаки, особо квалифицирующие признаки, насилие, оружие, групповое преступление, судебная практика.

Qualifying and especially qualifying signs of robbery

Khokhlyuk Igor Sergeevich, master's student
Vladivostok State University

In this article, the author examines the qualifying and especially qualifying elements of robbery provided for by the criminal legislation of the Russian Federation, analyzes their legal nature, their relationship to the general elements of the crime, and the practical aspects of the application of these provisions by the courts. Particular attention is paid to the challenges of qualifying robbery in the presence of multiple aggravating circumstances.

Keywords: robbery, qualifying features, especially qualifying features, violence, weapons, group crime, judicial practice.

Разбой представляет собой один из наиболее опасных видов преступлений против собственности, отличающийся сочетанием корыстного мотива и насилия, угрожающего жизни или здоровью человека. Согласно статье 162 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), разбой определяется как нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. В зависимости от степени общественной опасности законодатель предусматривает квалифицированные и особо квалифицированные составы данного преступления, что позволяет более точно индивидуализировать уголовную ответственность.

Общей характеристикой разбоя как преступления являются его квалифицирующие признаки, а именно объективная и субъективная сторона.

Объективная сторона разбоя выражается в нападении, то есть активных действиях, направленных на завладение имуществом, сопровождающихся применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угрозой такого насилия.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом и корыстной целью. Субъектом преступления может быть признано вменяемое лицо, достигшее 14 лет.

Квалифицирующие признаки разбоя предусмотрены частью 2 статьи 162 УК РФ. К ним относятся:

– Совершение разбоя группой лиц по предварительному сговору. Данный признак указывает на повышенную общественную опасность, связанную с согласованностью действий нескольких лиц и увеличением вероятности причинения тяжкого вреда потерпевшему.

– Применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Имеется в виду не только ог-

нестрельное и холодное оружие, но и любые предметы, объективно пригодные для нанесения телесных повреждений. Судебная практика такова: угроза применения оружия приравнивается к его фактическому использованию.

– Совершение разбоя с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище. Этот признак является отягчающим обстоятельством в связи с нарушением конституционного права граждан на неприкосновенность жилища.

Особо квалифицирующие признаки предусмотрены частями 3 и 4 статьи 162 УК РФ. Они отражают наиболее опасные формы разбоя:

– Совершение разбоя организованной группой. Организованная группа характеризуется устойчивостью, распределением ролей и заранее разработанным планом. Такой вид преступлений представляет системную угрозу общественной безопасности.

– Причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего. Если в результате нападения потерпевшему причинен тяжкий вред, действия виновного квалифицируются в соответствии с ч. 3 ст. 162 УК РФ независимо от того, достиг ли он своей цели по хищению имущества.

– Совершение разбоя в крупном или особо крупном размере. Законодатель связывает эти признаки с высокой степенью имущественного ущерба, что усиливает общественную опасность содеянного.

– Совершение разбоя с причинением смерти потерпевшему. В этом случае деяние квалифицируется по совокупности преступлений — разбой (ст. 162 УК РФ) и убийство (ст. 105 УК РФ), если доказано, что смерть наступила в ходе реализации умысла, направленного на хищение.

На практике нередко возникают сложности при разграничении разбоя и грабежа, а также при оценке степени опасности примененного насилия. Судебная практика показывает, что при отсутствии фактического насилия, опасного для жизни, но наличии угрозы его применения деяние все равно квалифицируется как разбой. Кроме того, вызывает споры вопрос **о разграничении таких форм, как совершение разбоя группой лиц по предварительному сговору и совершение разбоя организованной группой**, поскольку они обе связаны с участием, но имеют различную степень устойчивости и подготовки групп.

Предметы, используемые в качестве оружия, могут быть применены не только для нанесения телесных повреждений, но и для психологического насилия. Например, топор может быть использован как орудие для причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшего или служить лишь средством устрашения.

В рамках этого же квалифицирующего признака с учетом обстоятельств конкретного дела могут быть рассмотрены случаи нападения с целью хищения чужого имущества с использованием собак или других животных, представляющих опасность для жизни или здоровья человека, либо с угрозой применения такого насилия.

Особое значение в практике имеет вопрос об отнесении к числу предметов, используемых в качестве оружия, различного рода изделий, имеющих лишь внешнее сходство с огнестрельным или холодным оружием, таких как: детский игрушечный пистолет, зажигалка в форме пистолета и т. п. Если виновный лишь демонстрировал оружие, а также угрожал заведомо негодным, незаряженным оружием либо предметом, который его имитирует, не намереваясь использовать его для причинения телесных повреждений, опасных для жизни или здоровья, эти действия при отсутствии иных отягчающих обстоятельств следует квалифицировать в соответствии с ч. 1 ст. 162 УК РФ (однако содеянное также может быть квалифицировано как грабеж, если потерпевший понимал, что ему угрожают негодным, незаряженным оружием либо его имитацией).

Существует и иная позиция по данному вопросу: использование виновным макета пистолета, зажигалки в форме пистолета или других предметов, которые воспринимаются как оружие только потерпевшим, а в действительности реальной опасности для его жизни или здоровья не представляют, не может рассматриваться как квалифицированный разбой, иначе обвинение будет строиться на принципе объективного вменения, что недопустимо.

В юридической литературе высказывается мнение, что при разграничении простого и квалифицированного разбоя по признаку применения оружия или других предметов необходимо установить, было ли это оружие или иные предметы, заменившие его, изготовлено преступником заранее, до совершения разбоя, или он воспользовался тем оружием или предметами, которые оказались на месте преступления. При этом утверждается, что вооруженным разбой может считаться лишь тогда, когда использованные виновным предметы были изготовлены до совершения преступления.

Судебная практика идет по пути признания квалифицированным разбоем всех случаев применения при нападении оружия или иных предметов, могущих причинить тяжкий вред потерпевшему, независимо от того, были ли эти предметы изготовлены преступником заранее или оказались у него под рукой в момент совершения преступления. Эта точка зрения представляется нам верной: не имеет значения, был ли предмет приготовлен заранее или нет.

Квалифицированным разбой будет лишь тогда, когда виновный не просто обладал оружием или иными предметами, которые можно использовать в этом качестве, но применил их во время нападения. Под применением оружия прежде всего понимается попытка нанесения с его помощью повреждений потерпевшему, а также демонстрация лицам, подвергшимся нападению, или третьим лицам, свидетельствующая о готовности в любой момент пустить оружие в ход.

Утверждение о применении оружия там, где потерпевшему лишь показалось, что на него совершается вооруженное нападение, было бы неверным по сути — также основанным на принципе объективного вменения. К при-

меру, если нападающий на словах угрожает убийством, при этом держа руку в кармане и создавая видимость, что там находится пистолет или нож, такое нападение не может быть признано вооруженным, если в действительности оружие у виновного отсутствовало и он рассчитывал лишь на испуг потерпевшего.

Заключение

Квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки разбоя выполняют важную функцию дифферен-

циации уголовной ответственности и позволяют учитывать степень общественной опасности содеянного. Совершенствование правоприменительной практики требует единообразного толкования понятий «насилие, опасное для жизни и здоровья», «оружие» и «организованная группа».

Системный анализ судебной практики подтверждает, что правильное определение квалифицирующих признаков способствует справедливому назначению наказания и реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 (в ред. от 04.10.2022) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. Морозов, М. И. Разбой: уголовно-правовая характеристика, проблемы квалификации / М. И. Морозов // Молодой ученый. — 2023. — № 5 (452). — С. 119–124. — URL: <https://moluch.ru/archive/452/99764/> (дата обращения: 31.03.2024).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
4. Загорский, Г. И. Актуальные проблемы судебного разбирательства по уголовным делам / Г. И. Загорский. — М.: Проспект, 2018. — 413 с.
5. Егорова, О. А. Нравственность правосудия: прошлое и настоящее / О. А. Егорова // Нравственные начала российского правосудия. Материалы Седьмой Межрегиональной научно-практической конференции. — М.: Проспект, 2016. — С. 6–7.
6. Шаззо, С. К. Возникновение и развитие российского законодательства по вопросу об ответственности за разбой / С. К. Шаззо // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». — 2007. — № 1. — С. 363–370.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 8.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/
8. Филиппов, А. Г. Криминалистика. Полный курс: учебник для бакалавров / А. Г. Филиппов. — М.: Юрайт, 2016. — 855 с.

Понятие и виды оснований применения условно-досрочного освобождения

Цоктеева Марина Леонидовна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Условно-досрочное освобождение (УДО) — это форма досрочного прекращения исполнения уголовного наказания, обусловленная достижением целей наказания до истечения назначенного срока.

Решение об УДО принимается судом на основании оценки степени исправления осужденного и при условии, что дальнейшее отбывание наказания не требуется для его ресоциализации. Освобожденный по УДО находится на испытательном сроке, в течение которого должен подтвердить свое исправление. УДО может быть полным (освобождение от всех видов наказания) или неполным (освобождение только от основного наказания).

Применение УДО возможно только при соблюдении двух условий: достижение установленной законом сте-

пени исправления и фактическое отбытие определенной части назначенного срока.

В соответствии с ч.3 ст.79 УК РФ условно-досрочное освобождение может быть применено только после фактического отбытия осужденным:

- 1) не менее одной трети срока наказания, назначенного за преступление небольшой или средней тяжести;
- 2) не менее половины срока наказания, назначенного за тяжкое преступление;
- 3) не менее двух третей срока наказания, назначенного за особо тяжкое преступление, а также двух третей срока наказания, назначенного лицу, ранее условно-досрочно освобождавшемуся, если условно-досрочное освобождение было отменено по основаниям, предусмотренным частью седьмой настоящей статьи;

4) не менее трех четвертей срока наказания, назначенного за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, а равно за тяжкие и особо тяжкие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также за преступления, предусмотренные статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 210 и 361 УК РФ;

5) не менее четырех пятых срока наказания, назначенного за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста [1].

В юридической литературе существует множество различных точек зрения относительно того, что именно следует понимать под основаниями для применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. К примеру, известный юрист Ю. В. Грачева высказывает мнение, что основным основанием для такого освобождения является убежденность суда в том, что осужденный в действительности не нуждается в полном отбывании назначенного ему наказания [2, с.120]. Это мнение подчеркивает важность индивидуального подхода к каждому делу и необходимость оценки реальной ситуации, в которой находится осужденный.

В рамках доктрины уголовного права принято выделять два основных типа оснований для условно-досрочного освобождения: материальные и формальные. Материальные основания связаны с тем, что суд приходит к выводу о том, что осужденный не нуждается в полном отбывании назначенного наказания для своего исправления. Это может быть связано с различными факторами, такими как поведение осужденного в ходе отбывания наказания, его участие или другие обстоятельства, которые могут указывать на его готовность к возвращению в общество [3, с. 143].

С другой стороны, формальные основания касаются конкретной части срока наказания, которую осужденный должен отбыть, чтобы иметь возможность претендовать на условно-досрочное освобождение [4, с. 57]. Это означает, что суд, принимая решение, должен учитывать, сколько времени осужденный уже провел в местах лишения свободы, и какие условия должны быть соблюдены для того, чтобы он мог быть освобожден досрочно.

Важно отметить, что условно-досрочное освобождение может быть применено только после того, как будет обеспечено определенное предупредительное воздействие на осужденного. Это подразумевает, что необходимо не только соблюдение формальных критериев, но и наличие активных усилий со стороны самого осужденного, а также взаимодействие с государственными органами и обществом. Осужденный должен продемонстрировать, что после освобождения он будет вести законопослушный образ жизни и не будет представлять угрозу для общества.

Таким образом, институт условно-досрочного освобождения представляет собой сложный механизм, который требует внимательного анализа и учета множества

факторов. Он не исправляет судебные ошибки, но предоставляет возможность для исправления и реабилитации осужденных, что является важным аспектом уголовного правосудия. Каждый случай требует индивидуального подхода, и решение о условно-досрочном освобождении должно основываться на всестороннем анализе поведения осужденного и его готовности к возвращению в общество.

Как показывает судебная практика довольно редко удовлетворяют ходатайства об условно-досрочном освобождении, особенно если речь идет о минимальных сроках фактически отбытого наказания. В соответствии с действующим законодательством, для того чтобы рассмотреть вопрос о возможности условно-досрочного освобождения, срок лишения свободы, который осужденный фактически отбывал, не может быть менее шести месяцев. Это связано с тем, что за такой короткий период времени крайне сложно провести полноценный анализ личности осужденного и сделать объективный вывод о целесообразности его досрочного освобождения.

Существует множество нюансов, которые усложняют процесс определения формальных оснований для условно-досрочного освобождения. Например, возникают вопросы при исчислении необходимого срока, который должен быть отбытым для того, чтобы осужденный мог рассчитывать на условно-досрочное освобождение, особенно в тех случаях, когда неотбытая часть наказания заменяется более мягким видом наказания.

В соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2022 года, номер 200-ФЗ, была введена часть 3.2, которая гласит, что для осужденного, у которого неотбытая часть наказания заменена на более мягкий вид, срок отбывания наказания, после фактического отбытия которого может быть применено условно-досрочное освобождение, исчисляется с момента начала отбывания наказания по приговору.

Также важно отметить, что в судебной практике случаются ошибки при определении фактически отбытого срока наказания. Например, если осужденный был признан виновным по совокупности преступлений или приговоров, касающихся преступлений различной степени тяжести, это может повлиять на расчет сроков. Кроме того, в случае смягчения наказания в результате амнистии или помилования также могут возникнуть сложности в определении фактического срока отбывания наказания.

Еще один затрудняющий момент заключается в том, следует ли учитывать поведение осужденного в период его содержания под стражей, который был засчитан в срок наказания, а также время содержания под стражей до направления в исправительное учреждение.

В пункте 3.1.2 Обзора судебной практики условно-досрочного освобождения, который был утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 апреля 2014 года, указано, что суды правомерно принимают во внимание данные, характеризующие поведение осужденного в период его содержания под стражей до того, как приговор вступил в законную силу. Тем не менее,

в одном из случаев, когда суд рассматривал ходатайство осужденного З., он пришел к выводу, что взыскания, полученные в следственном изоляторе, не должны учитываться при принятии решения о условно-досрочном освобождении. Это постановление было отменено в апелляционном порядке, и было принято решение об отказе в удовлетворении ходатайства.

Некоторые исследователи, такие как Л. В. Иногамова-Хегай, Л. В. Кузнецова и Ю. М. Ткачевский, высказывают мнение, что отбытие части срока наказания должно рассматриваться как основание для применения условно-досрочного освобождения наряду с фактом исправления осужденного. Таким образом, на практике вопрос о том, какие именно факторы следует учитывать при принятии решения о условно-досрочном освобождении, остается открытым и требует дальнейшего изучения и анализа.

Сложность ситуации усугубляется тем, что каждый случай индивидуален, и суды должны принимать во внимание множество обстоятельств, включая личные характеристики осужденного, его поведение в местах лишения свободы и другие факторы, которые могут свидетельствовать о его желании исправиться и вести законопослушный образ жизни после освобождения.

Таким образом, процесс принятия решения о условно-досрочном освобождении представляет собой сложный и многогранный процесс, требующий тщательного анализа и учета множества факторов. Суды должны действовать в рамках закона, но при этом они также должны проявлять гибкость и понимать, что каждый случай уни-

кален. Это требует от судей не только юридической грамотности, но и способности к эмпатии и пониманию человеческой природы.

В законодательстве нет указаний о том, что суды должны выяснять, есть ли место жительства у осужденного, на какие средства он будет жить и т. п. Иногда суды в решении ссылаются на слова психолога о сформированности у лица установок к правопослушному поведению.

Между тем формальное основание для применения условно-досрочного освобождения, представляющее из себя дифференцированный подход к определению необходимой части отбытого наказания, необходимо сохранить.

При удовлетворении ходатайства об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания суды также учитывают возмещение вреда потерпевшему и другие сведения, свидетельствующие о положительных социальных установках осужденного.

Материальным основанием применения условно-досрочного освобождения предлагаем считать совокупность фактических обстоятельств, свидетельствующих о степени вероятности возврата к законопослушному поведению осужденного после освобождения. Такой прогноз необходимо строить с учетом наличия совокупности следующих условий: положительное поведение в период отбывания наказания, предполагаемые условия места жительства и работы, уровень дохода, который позволит возмещать причиненный преступлением вред и другие сведения, свидетельствующие о наличии положительных социальных установок осужденного и жизненных планов.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп.) // СПС КонсультантПлюс
2. Есаков Г. А., Барышева К. А., Грачева Ю. В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. постановительный. 9-е издание, перераб. и доп. // Москва. Издательство «Проспект». 2021. С.816
3. Червоткин А. С. Проблемы судебной практики рассмотрения ходатайств об условно-досрочном освобождении лиц, отбывающих лишение свободы // Уголовное право. 2015. № 3.
4. Ашин А. А., Симагина Н. А. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания по российскому и зарубежному законодательству: сравнительно-правовой анализ: учебное пособие. Владимир: Изд-во Гос. ун-та им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2014. С. 57.

Применение искусственного интеллекта в организации работы судов в РФ

Чернова Алина Сергеевна, студент

Новосибирский государственный университет экономики и управления

В статье исследуются возможности и ограничения применения искусственного интеллекта в организации работы судов РФ. Анализируются подходы к определению понятия ИИ, обосновывается необходимость его правовой регламентации. Рассматривается потенциал интеллектуальных систем в автоматизации судебной деятельности и аналитической поддержке судей. Выявляются технологические, правовые и этические ограничения применения ИИ в судопроизводстве. Обосновывается необходимость сбалансированного подхода к цифровизации судебной системы.

Ключевые слова: искусственный интеллект, организация работы судов, Цифровизация, компетенции, автоматизация, регулирование, угрозы.

The use of artificial intelligence in the organization of court work in the Russian Federation

The article examines opportunities and limitations of applying artificial intelligence in organizing courts' work in the Russian Federation. Approaches to defining AI are analyzed, and the necessity of its legal regulation is substantiated. The potential of intelligent systems in automating judicial activities and providing analytical support to judges is considered. Technological, legal and ethical limitations of AI application in proceedings are identified. The need for balanced digitalization approach is substantiated.

Keywords: artificial intelligence, court management, digitalization, competencies, automation, regulation, threats.

Современная действительность характеризуется стремительным проникновением цифровых технологий во все сферы общественной жизни, включая организацию деятельности органов судебной власти. Искусственный интеллект, представляя собой, безусловно, одно из наиболее перспективных направлений технологического развития, открывает перед судебной системой беспрецедентные возможности для повышения эффективности правосудия, сокращения временных затрат на рассмотрение дел и оптимизации документооборота. Вместе с тем внедрение интеллектуальных систем в судопроизводство порождает комплекс правовых, этических и организационных вопросов, требующих детального научного осмысления.

Обращаясь к проблематике цифровизации правосудия, необходимо подчеркнуть, что трансформация судебной системы происходит в контексте глобальных процессов информатизации государственного управления. Судебные органы, выполняя конституционную функцию защиты прав и свобод граждан, сталкиваются с возрастающей нагрузкой, обусловленной увеличением количества обращений и усложнением рассматриваемых споров. В этих условиях внедрение технологий искусственного интеллекта представляется не просто желательным новшеством, а объективной необходимостью, позволяющей обеспечить доступность и своевременность правосудия.

Как справедливо отмечает А. В. Ермаков, цифровизация судебной деятельности становится важнейшим фактором модернизации всей правовой системы, способствуя повышению качества судебных актов и прозрачности судопроизводства [8, с. 27].

Определяя сущность искусственного интеллекта применительно к судебной сфере, следует обратиться к различным научным подходам к данному феномену. Н. В. Архиереев, исследуя понятийный аппарат в этой области, характеризует искусственный интеллект как комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека, включая поиск решений без заранее заданного алгоритма, и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их [6, с. 8].

Данный подход подчеркивает функциональную направленность искусственного интеллекта, акцентируя внимание на его способности к самообучению и адаптации.

Альтернативную трактовку предлагает А. С. Киселев, рассматривая искусственный интеллект через призму его применения в правовой аналитике и определяя его как систему алгоритмов машинного обучения, способную обрабатывать большие массивы правовой информации, выявлять закономерности в судебной практике и формировать прогностические модели правоприменения [10, с. 130].

Такое понимание акцентирует прикладной характер технологии, ориентированный на решение специфических задач юридической деятельности. В свою очередь, В. А. Зоз и А. Р. Шроль, анализируя использование интеллектуальных технологий в правоохранительных органах, определяют искусственный интеллект как совокупность программно-технических средств, обеспечивающих автоматизированный анализ информации, распознавание образов и поддержку принятия решений на основе обработки структурированных и неструктурированных данных [9, с. 201].

Сопоставляя приведенные дефиниции, можно констатировать, что искусственный интеллект представляет собой многоаспектное явление, охватывающее как технологические средства, так и функциональные возможности по обработке информации и генерированию решений. Для целей организации работы судов наиболее релевантным представляется понимание искусственного интеллекта как инструмента, способного оптимизировать рутинные процедуры судопроизводства, не подменяя при этом судью в осуществлении правосудия.

Обращаясь к вопросу о необходимости правовой регламентации применения искусственного интеллекта в судебной системе, следует исходить из принципа законности судопроизводства, закрепленного в процессуальном законодательстве. Внедрение любых технологических новаций в деятельность судов должно осуществляться на основании четких нормативных предписаний, обеспечивающих предсказуемость и прозрачность судебных процедур. Отсутствие надлежащей правовой базы создает риски нарушения процессуальных прав участников судопроизводства, подрывает доверие к судебной системе и порождает правовую неопределенность относительно допустимости использования результатов работы интеллектуальных систем. Как верно подчеркивает Е. А. Вавкина, безопасность применения искусственного интеллекта в юридической практике напрямую зависит от наличия четких правовых рамок, определяющих границы

его использования, механизмы контроля и ответственность за возможные сбои в работе системы [7, с. 331].

Регламентация применения искусственного интеллекта в судах должна охватывать несколько ключевых аспектов, включая определение допустимых сфер использования интеллектуальных систем, установление требований к качеству и безопасности программного обеспечения, закрепление процедур контроля за работой алгоритмов. Необходимо также нормативно урегулировать вопросы защиты персональных данных, обрабатываемых системами искусственного интеллекта, и обеспечить право участников процесса на получение информации о применении таких технологий при рассмотрении их дел. Кроме того, законодательное регулирование должно предусматривать механизмы обжалования решений, принятых с использованием искусственного интеллекта, гарантируя тем самым соблюдение конституционного права на судебную защиту.

Вместе с тем чрезмерная зарегулированность способна затормозить инновационное развитие судебной системы, лишив ее возможности оперативно внедрять передовые технологические решения. Необходим сбалансированный подход, сочетающий установление базовых правовых принципов использования искусственного интеллекта с сохранением гибкости в выборе конкретных технических решений. Такой подход, основанный на принципах риск-ориентированного регулирования, позволит обеспечить правовую определенность без создания излишних барьеров для цифровой трансформации судебной деятельности [10, с. 135].

Потенциал искусственного интеллекта в организации работы судов раскрывается в нескольких направлениях, существенно различающихся по степени влияния на судопроизводство. На начальном уровне внедрения интеллектуальные системы могут обеспечивать автоматизацию документооборота, включая регистрацию входящих обращений, формирование судебных дел в электронном виде, направление процессуальных документов участникам процесса. Подобные функции, не затрагивая существа правосудия, позволяют значительно сократить временные затраты аппарата суда на выполнение технических операций, повысить оперативность судопроизводства и минимизировать вероятность утраты документов. Также сотрудники судов могут использовать искусственный интеллект для оформления документов.

На более продвинутом уровне системы искусственного интеллекта способны осуществлять аналитическую поддержку судей, предоставляя структурированную информацию о релевантной судебной практике, выявляя противоречия в правоприменении, формируя обзоры по определенным категориям дел. Используя технологии обработки естественного языка, интеллектуальные системы могут анализировать тексты судебных актов, выделять ключевые правовые позиции, сопоставлять аргументацию различных судебных инстанций. Такой анализ, осуществляемый в автоматизированном режиме, обеспе-

чивает судью всесторонней информацией для принятия взвешенного решения, способствуя формированию единой судебной практики [8, с. 28].

Особый интерес представляет возможность использования искусственного интеллекта для прогнозирования исходов судебных дел на основе анализа массивов ранее рассмотренных споров со схожими фактическими обстоятельствами. Подобные прогностические системы, обучаемые на больших данных судебной практики, могут выявлять факторы, статистически значимые для принятия того или иного решения, и предоставлять вероятностную оценку различных вариантов разрешения спора. Однако применение таких технологий требует особой осторожности, поскольку правосудие не может основываться исключительно на статистических закономерностях, игнорируя уникальность каждого конкретного дела и необходимость индивидуального подхода к его рассмотрению.

Рассматривая организационные аспекты деятельности судов, следует отметить перспективность применения искусственного интеллекта для оптимизации распределения дел между судьями с учетом их специализации, текущей загруженности и статистики рассмотрения дел. Интеллектуальные системы планирования способны формировать оптимальное расписание судебных заседаний, минимизируя простои и обеспечивая равномерную загрузку судей. Кроме того, анализ данных о длительности рассмотрения различных категорий дел позволяет выявлять узкие места в судопроизводстве и разрабатывать меры по повышению его эффективности [11, с. 142].

Вместе с тем внедрение искусственного интеллекта в судебную деятельность сталкивается с существенными ограничениями, обусловленными как технологическими, так и правовыми факторами. Принципиальным ограничителем выступает невозможность делегирования системам искусственного интеллекта функции отправления правосудия, являющейся исключительной прерогативой судьи как носителя судебной власти. Конституционные принципы независимости судей и осуществления правосудия только судом исключают подмену судебного усмотрения автоматизированными решениями, даже если последние основаны на сложных алгоритмах обработки правовой информации.

Технологические ограничения связаны с несовершенством существующих систем искусственного интеллекта, которые, несмотря на впечатляющие достижения в обработке данных, не способны к полноценному пониманию правового контекста, учету морально-этических аспектов и оценке достоверности доказательств с учетом всей совокупности обстоятельств дела. Алгоритмы машинного обучения, обучаемые на исторических данных судебной практики, могут воспроизводить содержащиеся в них предвзятости и ошибки, что создает риск системной несправедливости при механическом следовании рекомендациям интеллектуальной системы. Как обоснованно указывает А. С. Киселев, применение искусственного ин-

теллекта в правовой сфере требует критического осмысления его возможностей и признания невозможности полной замены человеческого суждения алгоритмическим процессом [10, с. 138].

Организационные ограничения обусловлены необходимостью подготовки кадров, способных эффективно взаимодействовать с системами искусственного интеллекта, понимать принципы их работы и критически оценивать предоставляемую ими информацию. Судьи и работники аппарата суда должны обладать цифровой грамотностью, достаточной для использования интеллектуальных инструментов, что требует существенных инвестиций в обучение и переподготовку персонала. Кроме того, внедрение сложных технологических систем предполагает создание соответствующей инфраструктуры, обеспечение информационной безопасности и организацию технической поддержки, что влечет значительные финансовые затраты [13, с. 245].

Правовые ограничения связаны с необходимостью соблюдения процессуальных гарантий справедливого судебного разбирательства, включая принципы гласности, состязательности и непосредственности исследования доказательств. Использование искусственного интеллекта не должно ограничивать право сторон на представление доказательств, заявление ходатайств и ознакомление с материалами дела. Применение интеллектуальных систем для оценки доказательств или формирования выводов по фактическим обстоятельствам дела представляется недопустимым, поскольку противоречит принципу свободы оценки доказательств судом на основе внутреннего убеждения.

Важным ограничением является также проблема прозрачности алгоритмов искусственного интеллекта, многие из которых функционируют как «черные ящики», не позволяющие проследить логику принятия решения. В контексте судопроизводства, где обоснованность и мотивированность судебных актов составляют фундамен-

тальное требование, непрозрачность алгоритмов создает серьезное препятствие для их использования. Участники процесса должны иметь возможность понимать, каким образом та или иная информация была получена или обработана системой искусственного интеллекта, что требует обеспечения объяснимости работы алгоритмов [7, с. 332].

Этические ограничения связаны с рисками дегуманизации правосудия при чрезмерном увлечении автоматизацией. Судопроизводство представляет собой не только юридико-технический процесс применения норм права, но и сферу человеческих отношений, требующую эмпатии, понимания индивидуальных обстоятельств и учета социального контекста. Замена человеческого участия алгоритмами может привести к формализации правосудия, утрате его гуманистического измерения и снижению легитимности судебных решений в глазах общества.

Таким образом, применение искусственного интеллекта в организации работы судов Российской Федерации открывает значительные перспективы для повышения эффективности судопроизводства, оптимизации документооборота и аналитической поддержки судей, однако требует взвешенного подхода, учитывающего как технологические возможности, так и фундаментальные принципы правосудия.

Внедрение интеллектуальных систем должно осуществляться на основе четкой правовой регламентации, определяющей границы допустимого использования таких технологий и гарантирующей соблюдение процессуальных прав участников судопроизводства. Искусственный интеллект призван выступать инструментом, расширяющим возможности судьи и аппарата суда, но ни в коей мере не заменяющим человека в осуществлении правосудия, которое по своей природе остается актом применения права, требующим учета всей совокупности обстоятельств дела, морально-этических аспектов и индивидуального подхода к разрешению спора.

Литература:

1. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ О судебной системе Российской Федерации (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 1. — Ст. 1.
2. Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ О судах общей юрисдикции в Российской Федерации (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 7. — Ст. 898.
3. Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ Об арбитражных судах в Российской Федерации (ред. от 31.07.2023) // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 18. — Ст. 1589.
4. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 О статусе судей в Российской Федерации (ред. от 10.07.2023, с изм. от 27.11.2023) // Ведомости СНД и ВС РФ. — 1992. — № 30. — Ст. 1792.
5. Федеральный закон от 17.12.1998 № 188-ФЗ О мировых судьях в Российской Федерации (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 51. — Ст. 6270.
6. Архиереев Н. В. Искусственный интеллект: понятие, характеристики // Правовое государство: теория и практика. — 2025. — № 3 (81). — С. 5–20.
7. Вавкина Е. А. Правовые рамки безопасности искусственного интеллекта в России: угрозы, взломы и наказания // Аграрное и земельное право. — 2025. — № 4. — С. 330–333.
8. Ермаков А. В. Цифровизация правосудия и искусственный интеллект // Закон и право. — 2024. — № 4. — С. 26–30.

9. Зоз В. А., Шроль А. Р. Использование технологий искусственного интеллекта в правоохранительных органах // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2021. — Т. 7, № 2. — С. 200–203.
10. Киселев А. С. Перспективы и риски использования искусственного интеллекта в сфере правовой аналитики и правотворческой деятельности // Lex Russica. — 2025. — Т. 78, № 6 (223). — С. 127–143.
11. Мамыкин, А. С. Организационно-техническое обеспечение деятельности судов: Учебное пособие / Мамыкин А. С., Латышева Н. А. — Москва: РГУП, 2017. — 236 с.
12. Организационно-правовые основы судебной системы, институтов прокуратуры, адвокатуры и нотариата: учебное пособие / сост. е. А. Железнякова; ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИН России. — Иваново: Издательско-полиграфический комплекс «ПресСто», 2023. — 80 с.
13. Организация судебной деятельности: учебное пособие / О. Н. Коршунова, И. И. Головкин, Г. В. Дытченко [и др.]; под общ. ред. О. Н. Коршуновой, И. Ю. Мурашкина. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2022. — 308 с. —
14. Шалумов М. С. О понятии организации работы суда // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 1 (74). — С. 222–229.

Управленческие компетенции и их роль в организации работы судов в Российской Федерации

Чернова Алина Сергеевна, студент

Новосибирский государственный университет экономики и управления

В статье исследуется значение управленческих компетенций для организации деятельности судов Российской Федерации. Раскрывается содержание управления в судебной сфере, характеризуются управленческие компетенции руководителей судов. Выявляются приоритетные компетенции: кадровое администрирование, планирование, организационное развитие, стимулирование труда. Аргументируется целесообразность закрепления управленческих компетенций в квалификационных требованиях к председателям судов. Формулируются предложения по модернизации нормативного регулирования.

Ключевые слова: управление, компетенции, суд, председатель, персонал, эффективность, правосудие.

Managerial competences and their role in organizing the work of courts in Russian Federation

The article investigates the significance of managerial competencies for organizing activities of courts in the Russian Federation. The content of management in judicial sphere is revealed, managerial competencies of court leaders are characterized. Priority competencies are identified: personnel administration, planning, organizational development, labor stimulation. The expediency of establishing managerial competencies in qualification requirements for court chairmen is argued. Proposals for modernizing normative regulation are formulated.

Keywords: management, competencies, court, chairman, personnel, efficiency, justice.

Актуальность выбранной проблематики заключается в том, что современная система государственного управления, функционирующая в условиях постоянных социально-экономических трансформаций и усложнения общественных отношений, требует качественно нового подхода к организации деятельности всех органов государственной власти. Безусловно, система правосудия не является исключением, поскольку эффективность судебной системы напрямую влияет на степень защищенности прав и свобод граждан, стабильность правопорядка и доверие населения к институтам государственной власти. В современных условиях реформирования су-

дебной системы, оптимизации нагрузки на нее, вопросы управления судами и судебным аппаратом приобретают первостепенное значение в контексте реализации конституционного права граждан на судебную защиту.

Для начала целесообразно охарактеризовать сущность управления как такового. Рассматривая управление как самостоятельную область научного знания и практической деятельности, необходимо определить его сущностные характеристики применительно к судебной системе. Управление, представляя собой целенаправленное воздействие субъекта управления на объект управления для достижения определенных целей, включает в себя

планирование, организацию, координацию, мотивацию и контроль деятельности управляемой системы [6, с. 25].

Специфика управленческой деятельности в судебной сфере обусловлена необходимостью соблюдения принципа независимости судей, закрепленного в Федеральном конституционном законе о судебной системе Российской Федерации, что создает особую модель управления, отличающуюся от классических административных структур. Следует подчеркнуть, что управление в судах направлено не на осуществление правосудия как таковое, а на создание оптимальных организационных, материально-технических и кадровых условий для эффективной реализации судьями своих полномочий [10].

Сегодня уже не оспаривается тот факт, что управление — это самостоятельная сфера деятельности, требующая от лиц, ее осуществляющих, определенных индивидуально-личностных особенностей, специальных навыков и знаний. При этом не секрет, что существует заблуждение относительно отсутствия потребности в специальном обучении для осуществления управленческой деятельности, якобы опыт и личные данные с успехом заменяют специальные знания и навыки, однако, на наш взгляд, вопрос формирования управленческих компетенций крайне важен для реализации управления в любой сфере деятельности.

Обращаясь к понятию управленческих компетенций, исследователи определяют их как совокупность знаний, умений, навыков и личностных качеств руководителя, позволяющих эффективно организовывать деятельность подчиненных и достигать поставленных целей. В контексте судебной системы управленческие компетенции председателей судов и их заместителей приобретают особое значение, поскольку от качества управления судебным аппаратом зависит своевременность рассмотрения дел, качество отправления правосудия и удовлетворенность граждан работой судебной системы.

Как отмечается в современной научной литературе, управленческие компетенции включают способность к стратегическому планированию, управлению персоналом, эффективному распределению ресурсов, формированию организационной культуры и созданию мотивирующей рабочей среды [11, с. 45].

Анализируя специфику управления судебным аппаратом, необходимо выделить наиболее значимые компетенции, которыми должен обладать председатель суда. Компетенция управления персоналом предполагает умение осуществлять подбор квалифицированных кадров, оценивать их профессиональную деятельность, организовывать систему повышения квалификации работников аппарата суда и создавать условия для их профессионального развития.

Владея навыками тайм-менеджмента, председатель суда способен рационально распределять судебную нагрузку между судьями, оптимизировать график судебных заседаний, минимизировать непроизводительные затраты рабочего времени и обеспечивать соблюдение процессуальных сроков рассмотрения дел.

Формирование организационной культуры суда, основанной на принципах профессионализма, этичности, уважительного отношения к участникам процесса и коллегам, представляет собой важнейшую управленческую задачу. Создавая атмосферу взаимного уважения и профессионального взаимодействия, председатель суда способствует повышению качества работы всего судебного коллектива и формированию позитивного имиджа суда в глазах общественности.

Исходя из того, что организационная культура влияет на мотивацию сотрудников, их удовлетворенность трудом и лояльность организации, данная компетенция приобретает стратегическое значение для эффективного функционирования суда. Организация труда в суде требует от руководителя понимания специфики судебной деятельности, знания процессуального законодательства и умения создавать оптимальные условия для работы судей и аппарата суда [9, с. 167].

Мотивация персонала, включающая систему материального и нематериального стимулирования сотрудников аппарата суда, способствует повышению производительности труда и качества выполняемых задач. Применяя различные методы мотивации, председатель суда может влиять на уровень вовлеченности сотрудников в рабочий процесс, их инициативность и стремление к профессиональному совершенствованию. Можно отметить, что эффективная система мотивации учитывает индивидуальные особенности сотрудников, их профессиональные амбиции и личные цели, позволяя согласовывать интересы работников с целями организации.

Рассматривая современное состояние правового регулирования статуса председателей судов, закрепленного в федеральном законодательстве, а также требования к судьям и председателям судов, следует констатировать недостаточную конкретизацию требований к управленческим компетенциям. Действующее законодательство преимущественно фокусируется на требованиях к судейскому стажу, безупречной репутации и профессиональной квалификации в области юриспруденции, оставляя без должного внимания управленческие способности кандидатов на должности председателей судов. Между тем практика показывает, что высокая юридическая квалификация судьи не всегда коррелирует с наличием у него управленческих компетенций, необходимых для эффективного руководства судебным коллективом [8, с. 25].

Анализируя проблемы организации работы судов, исследователи отмечают, что недостаточное внимание к управленческим аспектам деятельности председателей судов негативно сказывается на эффективности использования судебных ресурсов, приводит к неравномерному распределению судебной нагрузки и снижению общей результативности работы судебной системы [11].

Учитывая возрастающую нагрузку на суды, усложнение категорий рассматриваемых дел и повышение требований граждан к качеству правосудия, внедрение системы управленческих компетенций становится объ-

ективной необходимостью. Важно подчеркнуть, что эффективное управление судом позволяет оптимизировать использование имеющихся ресурсов, повысить производительность труда судей и работников аппарата, сократить сроки рассмотрения дел и улучшить качество судебных актов [7, с. 134].

Обосновывая необходимость внесения управленческих компетенций в квалификационные требования к кандидатам на должности председателей судов и их заместителей, следует исходить из комплексного характера их деятельности. Председатель суда, осуществляя организационное руководство судом, распределяя дела между судьями, организуя работу аппарата суда и взаимодействуя с органами судейского сообщества, фактически выполняет функции руководителя сложной организационной структуры. Отсутствие необходимых управленческих компетенций у лица, занимающего должность председателя суда, может привести к неэффективному использованию кадрового потенциала, конфликтам внутри судебного коллектива, снижению мотивации сотрудников и ухудшению показателей работы суда в целом.

Представляется целесообразным дополнить соответствующие федеральные конституционные законы положениями, устанавливающими требования к управленческим компетенциям кандидатов на должности председателей судов и их заместителей. Формулируя данные требования, необходимо предусмотреть наличие знаний в области теории управления, навыков стратеги-

ческого планирования, опыта руководства коллективом, умения принимать управленческие решения в условиях ограниченных ресурсов и способности создавать эффективную организационную структуру.

Реализация данного предложения потребует разработки системы оценки управленческих компетенций при отборе кандидатов на должности председателей судов, включая проведение специализированного тестирования, оценку управленческого опыта и анализ результатов предыдущей руководящей деятельности.

Таким образом, управленческие компетенции представляют собой критически важный элемент эффективной организации работы судов в Российской Федерации, непосредственно влияющий на качество отправления правосудия и реализацию конституционного права граждан на судебную защиту.

Внедрение системы управленческих компетенций в практику деятельности председателей судов и их заместителей позволит повысить эффективность использования судебных ресурсов, оптимизировать организацию работы судебных аппаратов и создать условия для качественного выполнения судами своих конституционных функций. Совершенствование правового регулирования путем включения требований к управленческим компетенциям в квалификационные требования к кандидатам на руководящие должности в судах является необходимым шагом на пути модернизации отечественной судебной системы и повышения доверия граждан к институтам правосудия.

Литература:

1. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ О судебной системе Российской Федерации (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 1. — Ст. 1.
2. Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ О судах общей юрисдикции в Российской Федерации (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 7. — Ст. 898.
3. Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ Об арбитражных судах в Российской Федерации (ред. от 31.07.2023) // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 18. — Ст. 1589.
4. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 О статусе судей в Российской Федерации (ред. от 10.07.2023, с изм. от 27.11.2023) // Ведомости СНД и ВС РФ. — 1992. — № 30. — Ст. 1792.
5. Федеральный закон от 17.12.1998 № 188-ФЗ О мировых судьях в Российской Федерации (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 51. — Ст. 6270.
6. Астахова, Н. И. Теория управления: учебник для вузов / Н. И. Астахова, Г. И. Москвитин; под общей редакцией Н. И. Астаховой, Г. И. Москвитина. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 306 с.
7. Бурдина Е. В., Петухов Н. А. Эффективность использования судебных ресурсов и проблемы организации судов // Экономическая политика. 2018. № 2. С. 126–147.
8. Жолобов Я. Б. Правовой статус председателя суда общей юрисдикции в России: историко-правовой аспект / Я. Б. Жолобов // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. — 2020. — № 2. — С. 20–29.
9. Кудряшова А. В. Об управленческих полномочиях председателя районного суда и необходимости совершенствования их правового регулирования / А. В. Кудряшова // Вестник Костромского государственного университета. — 2019. — № 4. — С. 166–169.
10. Организация судебной деятельности: учебное пособие / О. Н. Коршунова, И. И. Головкин, Г. В. Дытченко [и др.]; под общ. ред. О. Н. Коршуновой, И. Ю. Мурашкина. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2022. — 308 с. —
11. Пестерева Н. М., Цветлюк Л. С., Надеина О. С. Формирование профессиональных компетенций государственных служащих: монография — М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2014. — 139 с.

Роль репродуктивного образования в профилактике насилия и девиаций у подростков

Шабанова Мария Вячеславовна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Данная статья посвящена изучению роли образовательных программ, направленных на формирование знаний о репродуктивном здоровье, в профилактике сексуального насилия над детьми и снижении риска девиантного поведения у подростков. В работе представлен анализ мнений общественных деятелей, политиков, исследователей в данной области относительно необходимости внедрения программ полового воспитания. На основе чего формулируются рекомендации по внедрению полового воспитания в образовательную систему.

Ключевые слова: образование, репродуктивное здоровье, половое воспитание, несовершеннолетний, профилактика.

Половое воспитание, направленное на формирование знаний о репродуктивном здоровье, способствует развитию у детей и подростков ответственного отношения к своему здоровью и предотвращению сексуального насилия и домогательств в отношении несовершеннолетних.

В Российской Федерации вопрос о введении полового воспитания в образовательную систему уже долгое время находится в центре внимания. Хотя введение данного курса признаётся необходимым, этот процесс требует особой осторожности ввиду сложности и деликатности темы. Неудачно составленная образовательная программа может не только не удовлетворить существующую потребность в этом предмете, но и привести к возникновению дополнительных трудностей. В связи с этим российское общество в лице государства, общественных деятелей, учёных и других достойных уважения лиц стремится более тщательно изучить эту проблему, прежде чем приступить к её реализации.

В своей работе авторы М. Ф. Ипполитова, Д. Д. Скопобогатова рассматривают позиции разных деятелей. Например, Анатолий Вассерман, член комитета Госдумы по просвещению, считает, что уроки полового воспитания в школах помогут детям ответственно относиться к вопросам пола, отношений и репродуктивного здоровья, а также снизят уровень сексуального насилия. Он настаивает на предварительных исследованиях, чтобы определить, с какого возраста начинать, что включать в программу и какие цели ставить [5, с. 17]. Подобного мнения придерживается и Е. К. Захарова, которая предлагает внедрять программы для подростков в 5–9 классах. Однако мы считаем, что начинать нужно раньше, уже в детских садах, ведь представления о границах и сексуальных ориентирах формируются в раннем возрасте [4, с. 299].

Подтверждение этой позиции можно найти в работах известного психиатра Зигмунда Фрейда, а конкретно в его работе «Три эссе по теории сексуальности». Фрейд отрицал, что сексуальное влечение возникает только в подростковом возрасте. Согласно его мнению, основы сексуальных предпочтений и привычек поведения закладываются ещё в раннем детстве. Однако из-за инфантильной амнезии мы обычно не вспоминаем ничего до 7–8 лет, кроме ка-

ких-то ярких вспышек, но эти моменты всё равно оставляют след [13, с. 37]. Такого же мнения придерживается Сабрина Шпильрейн, первая российская женщина-психолог-аналитик. В своей диссертации «О психологическом содержании случая шизофрении» она тоже подчёркивает роль детства в формировании психики [14, с. 57].

Суть полового воспитания заключается в том, чтобы сформировать у ребенка понимание собственных действий, а также действий других людей, связанных с телом, личными границами и межличностными отношениями. Благодаря такому образованию ребенок получает возможность осознать, какие действия по отношению к нему являются допустимыми, а какие нет, а также научиться распознавать потенциально опасные ситуации и реагировать на них. Это особенно важно для предотвращения случаев сексуального насилия, поскольку дети, не обладающие необходимыми знаниями, часто не могут понять, что их права нарушаются, и не знают, как сообщить о произошедшем.

В своей работе В. А. Дыбкова показывает, что примером, иллюстрирующим важность раннего полового воспитания, является случай, произошедший в Канаде. В детском саду девочка пожаловалась воспитательнице, что «папа ест её печеньку». Та, приняв слова буквально, просто посоветовала делиться. Позже психолог выяснил, что «печенька» — это вульва девочки, а отец совершал над ней сексуальное насилие [3, с. 203].

Данный случай показывает необходимость внедрения полового воспитания уже с детского сада. Важно, чтобы дети с самого раннего возраста получали базовые знания о своем теле, учились различать допустимые и недопустимые действия, а также знали, как обратиться за помощью в случае нарушения их личных границ [1, с. 163].

По мнению И. В. Дубровиной, половое воспитание следует начинать с детства, акцентируя внимание на социальных ролях, тем самым формируя модели мужской и женской мотивации. В её концепции репродуктивное образование рассматривается через призму половой социализации, без которой невозможно полноценное нравственное развитие ребенка. Нарушение половой идентичности, как она отмечает, ведёт к искажению гендерных ролей и «нравственной глухоте» [2, с. 51].

Опыт внедрения раннего полового воспитания подерживается рядом стран, включая Китайскую Народную Республику. В Китае вопрос защиты несовершеннолетних от сексуального насилия и формирования у них осознанного отношения к своему телу регулируется на законодательном уровне [6, с. 119]. Так, в Законе КНР «О защите несовершеннолетних», принятом в 1991 году, статья 40 предусматривает введение уроков сексуального воспитания уже в детских садах [5].

Считаем важным упомянуть, что образование в области репродуктивного здоровья может способствовать снижению числа ВИЧ-инфицированных. С этим мнением согласен кандидат медицинских наук М. Ф. Ипполитова и автор Скоробогатова Д. Д., которые указывают на ежегодный рост числа ВИЧ-инфицированных и в качестве путей решения этой проблемы называют необходимость сексуального просвещения для сокращения этого показателя. Подобной позиции придерживался и Владимир Жириновский, который выступал за введение уроков полового воспитания, пусть даже в минимальном объеме. По его мнению, такие уроки должны быть посвящены устройству человеческого организма, профилактике венерических заболеваний и предотвращению ранней беременности. Похожую позицию занимает депутат Жанна Рябцева, акцентируя внимание на обсуждении аборт, не для их продвижения, а для сокращения числа случаев [5, с. 18].

Исследователь М. С. Кочкин отмечает, что дети, столкнувшиеся с насилием, часто не понимают происходящего, что ведёт к серьёзным психологическим травмам и делинквентному поведению. Общество требует большей безопасности детей, и уроки полового воспитания могут помочь снизить уровень насилия [8, с. 107]. Психологические травмы, полученные от сексуального насилия в детстве, часто остаются скрытыми до пубертатного возраста [7, с. 119]. Подросток может начать вести себя агрессивно или даже воспроизводить сексуальное насилие, не осознавая, как прошлый ужасный опыт искажает его понимание границ и норм допустимого [12, с. 369].

Необходимо отметить недавнюю успешную образовательную инициативу, а именно введение внеурочного курса «Семьеведение», разработанного для учащихся 5–9 классов с целью формирования семейных ценностей [10, с. 9]. Программа курса «семьеведение» направлен на формирование у школьников уважения к старшим, укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей и формирование приемлемых моделей поведения в семье.

В своей исследовательской работе А. В. Лапин отмечает, что перед введением курса «Семьеведение» развернулась активная дискуссия о его содержании. В частности, Елена Шешко, директор департамента медицинской помощи детям и службы родовспоможения Минздрава, выступила за добавление блока о половом просвещении в рамках этого предмета. Она подчеркнула, что знание детьми своего репродуктивного здоровья способствует его сохранению. Мы поддерживаем данную позицию, со стороны необходимости репродуктивного образования, считая, что забота о здоровье может положительно повлиять на демографию нашей страны, а также позволит воспитать в детях ответственность, которая станет основой для будущего родительства. Тем не менее, мы согласны с критикой этой инициативы, считая, что воспитание семейных ценностей и устоев следует отделять от репродуктивного просвещения [9, с. 151].

На основании всего вышеизложенного мы считаем необходимым и обязательным внедрение уроков полового воспитания, начиная с детских садов и заканчивая основным общим образованием. Перед внедрением таких программ необходимо провести комплексные исследования. Помимо обязательных программ, следует разработать интерактивные игры, медиаконтент и мобильные приложения, которые сделают обучение более доступным и для детей и подростков. Данную инициативу поддерживают такие исследователи, как Манерова О. А., Нестерова Е. И. [11, с. 73]. Такой комплексный подход позволит сформировать у подрастающего поколения осознанное отношение к вопросам репродуктивного здоровья, снизить риски девиантного поведения и создать более безопасную среду для детей и подростков.

Литература:

1. Вершицкая Г. В., Полякова Ю. А. Особенности предупреждения насильственных преступлений в отношении несовершеннолетних // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2022. № 1 (65). С. 162–166.
2. Дубровина И. В. Феномен «самоопределение» в контексте развития психологической готовности к семейной жизни // Гуманизация образования. 2024. № 4. С. 40–52.
3. Дыбкова В. А. Особенности расследования насильственных действий сексуального характера в отношении лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 4–2. С. 201–203.
4. Захарова Е. К. Репрезентация институциональных установок в отношении подросткового сексуального образования в российских СМИ // Журнал исследований социальной политики. 2023. Т. 21. № 2. С. 293–310.
5. Ипполитова М. Ф., Скоробогатова Д. Д. Организация школ охраны репродуктивного здоровья подростков: актуальность и предложения // Репродуктивное здоровье детей и подростков. 2025. Т. 21, № 2 (107). С. 13–22.
6. Карпова Р. С., Чернова Е. В., Минеев-Ли В. Е., Ефремова-Шершукова Н. А. К вопросу о половом воспитании в современном мире // Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности настоящего, стратегии будущего. 2021. № 2. С. 116–126.

7. Колбасин В. В. Использование криминологической типологии личности преступника-педофила в деятельности по предупреждению сексуального насилия в отношении малолетних и несовершеннолетних // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1 (93). С. 111–120.
8. Кочкина М. С. Нравственно-половое воспитание несовершеннолетних как форма профилактики преступлений в сфере сексуализированного насилия // Вестник казанского юридического института МВД России. 2025. Т.16, № 2 (60), 106–112.
9. Лапин А. В. Посягательства несовершеннолетних на половую неприкосновенность несовершеннолетних // Образование. Наука. Научные кадры. 2025. № 3. С. 146–156.
10. Лобанов И. А. Программа «моя семья» как методический инструмент реализации семейного образования на уровне основного общего образования // Отечественная и зарубежная педагогика. 2025. № 1 (2). С. 8–15.
11. Манерова О. А., Нестерова Е. И. Интернет-технологии в процессе информирования подростков по вопросам профилактики инфекций, передаваемых половым путем // Российский медико-биологический вестник имени академика И. П. Павлова. 2025. Т. 33, № 1. С. 71–78.
12. Радченко А. М., Садовникова Н. О. Психологическая травма: ретроспективный анализ проблемы // Концепт. 2024. № 6. С. 364–373.
13. Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности / Зигмунд Фрейд; Пер. М. В. Вульфа; С предисл. И. Д. Ермакова. — Москва: МЦ «Система» при МК ВЛКСМ, 1989. 83 с.
14. Шпильрейн С. О психологическом содержании одного из случаев шизофрении (dementia praecox) (1911a) // Шпильрейн С. Психоаналитические труды. — Ижевск: ЭРГОб 2008. С. 3–86.
15. Закон КНР «О защите несовершеннолетних» 1991 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт «chinalawtranslate» UPL: Law of the P. R. C. on the Protection of Minors (2020 Edition) (дата обращения: 15.01.2024).

Влияние результатов государственного межевания на государственную регистрацию прав и оборот недвижимости

Шаблинская Виктория Юрьевна, студент;

Лукиных Любовь Вадимовна, студент

Научный руководитель: Тищенко Алена Владимировна, старший преподаватель

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В представленной статье рассматривается влияние результатов государственного межевания на процесс государственной регистрации прав на недвижимое имущество и на правовой режим его оборота. Автор подробно анализирует взаимосвязь кадастрового и регистрационного учета, выявляет противоречия между нормативными положениями, регулирующими межевание и регистрацию, а также обращает внимание на существующие пробелы в правоприменительной практике, препятствующие обеспечению достоверности сведений Единого государственного реестра недвижимости. Особое внимание уделяется проблеме разграничения полномочий органов кадастрового учета и органов регистрации прав, а также вопросам правовой определенности границ земельных участков и связанных с этим рисков для участников гражданского оборота. По результатам анализа автор предлагает направления совершенствования законодательства, направленные на повышение точности и прозрачности процедур межевания, укрепление гарантий прав собственников и обеспечение стабильности оборота недвижимости.

Ключевые слова: межевание, государственная регистрация земельных участков, государственная регистрация прав и оборот недвижимости, государственное межевание.

Impact of state survey results on state registration of rights and real estate turnover

Shablinskaya Viktoriya Yuryevna, student;

Lukinykh Lyubov Vadimovna, student

Scientific advisor: Tishchenko Alena Vladimirovna, senior lecturer

Ural Branch of the Russian State University of Justice after V. M. Lebedev (Chelyabinsk)

This article examines the impact of state land surveying on the process of state registration of rights to real estate and the legal regime for its circulation. The author analyzes in detail the relationship between cadastral and registration records, identifies contradictions

between the regulations governing land surveying and registration, and draws attention to existing gaps in law enforcement practices that hinder the accuracy of information in the Unified State Register of Real Estate. Particular attention is paid to the delineation of powers between cadastral registration authorities and rights registration authorities, as well as the legal certainty of land plot boundaries and the associated risks for participants in civil transactions. Based on the analysis, the author proposes areas for legislative improvement aimed at increasing the accuracy and transparency of land surveying procedures, strengthening guarantees of property rights, and ensuring the stability of real estate transactions.

Keywords: *land surveying, state registration of land plots, state registration of rights and real estate circulation, state land surveying.*

Актуальность исследования темы, связанной с влиянием результатов государственного межевания на государственную регистрацию прав и оборот недвижимости, обусловлена ключевой ролью института межевания в обеспечении стабильности гражданского оборота и реализации конституционного права собственности. Современные процессы цифровизации кадастровой и регистрационной деятельности, сопровождающиеся переходом к единому информационному пространству недвижимости, требуют глубокого научного осмысления юридической природы межевания и его правовых последствий. Государственное межевание представляет собой не просто технический этап уточнения местоположения границ земельных участков, но и правовую процедуру, результаты которой имеют определяющее значение для возникновения, изменения и прекращения прав на недвижимость. Ошибки, допущенные при проведении межевых работ, либо недостоверность сведений, внесенных в Единый государственный реестр недвижимости, способны вызвать серьезные правовые конфликты, затрагивающие интересы собственников, органов власти и третьих лиц.

Именно межевание обеспечивает юридическую определенность объекта права, а следовательно, возможность его законного участия в гражданском обороте, включая сделки, ипотеку, аренду и иные формы распоряжения недвижимостью. Отсутствие точных координат границ, несоответствие кадастровых данных фактическому положению земельного участка либо наличие пересечений с соседними территориями создают риски признания сделок недействительными и нарушения прав добросовестных приобретателей. Кроме того, в современных условиях особую значимость приобретает вопрос унификации правоприменительной практики, связанной с исправлением ошибок межевания и пересмотром ранее установленных границ. Таким образом, исследование влияния результатов государственного межевания на государственную регистрацию прав и оборот недвижимости имеет не только теоретическую, но и практическую значимость, поскольку позволяет выявить причины правовой неопределенности в сфере земельных отношений, предложить пути совершенствования нормативного регулирования и обеспечить формирование устойчивой системы правовых гарантий участников оборота недвижимости [1].

Проблематика влияния результатов государственного межевания на государственную регистрацию прав и оборот недвижимости в современной России приобретает особую значимость в контексте формирования устойчивой системы земельных отношений и совершенствования кадастрового регулирования. Межевание, представляющее собой совокупность юридических и геодезических действий, направленных на установление, восстановление и уточнение границ земельных участков, выступает неотъемлемым элементом правового режима недвижимости, поскольку именно оно обеспечивает определенность объекта права и служит основанием для его последующей государственной регистрации. Без точного и достоверного установления границ земельных участков невозможно говорить о легитимности правовых сделок с недвижимостью, о стабильности имущественного оборота и о защите прав участников земельных отношений, что делает исследование правовых последствий межевания чрезвычайно актуальным [2].

Результаты государственного межевания формируют юридическую основу для внесения сведений в Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН), и именно на их основе происходит идентификация земельных участков как индивидуализированных объектов гражданских прав. Кадастровые координаты, установленные в процессе межевания, становятся не просто элементом технического описания, а частью правового статуса участка, без чего невозможна ни регистрация права собственности, ни переход прав в рамках сделок, ни судебная защита интересов собственника. Следовательно, правовая природа межевания выходит далеко за пределы технического процесса измерения и оформления границ, превращаясь в сложный институт, связывающий нормы гражданского, земельного и административного права в единую систему [3].

Особое внимание следует уделить тому, что качество и точность межевых работ напрямую влияют на достоверность сведений, содержащихся в ЕГРН, и, следовательно, на юридическую определенность правового режима недвижимости. Нередки случаи, когда в результате проведения межевания с нарушениями методик, без согласования с соседними землепользователями или при использовании устаревших данных, возникают кадастровые ошибки, приводящие к спорам о границах, наложению участков и признанию ранее зарегистрированных

прав недействительными. Судебная практика свидетельствует, что подобные нарушения не только создают препятствия в обороте недвижимости, но и подрывают доверие к институту государственной регистрации, ставя под сомнение стабильность прав собственности, что противоречит основополагающим принципам гражданского оборота.

Согласно положениям Федерального закона от 13.07.2015 N 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [4], государственный кадастровый учет и государственная регистрация прав объединены в единую процедуру, а сведения о границах земельных участков, полученные в результате межевания, приобретают правовое значение после их внесения в ЕГРН. Тем самым государство признает межевание ключевым этапом в процессе формирования юридического статуса недвижимости. Однако отсутствие единообразного подхода к проведению межевых работ, неодинаковая квалификация кадастровых инженеров, а также недостаточный контроль со стороны органов Росреестра приводят к неоднозначной практике применения норм о кадастровом учете, что усиливает необходимость правового анализа данного института.

Важным направлением в исследовании влияния результатов межевания на регистрацию прав является рассмотрение специфики межевания земельных участков, входящих в состав садоводческих некоммерческих товариществ (СНТ). Территории СНТ, исторически сформировавшиеся в условиях отсутствия единого государственного кадастрового учета, до сих пор характеризуются высокой степенью правовой неопределенности. Нередко границы таких участков не совпадают с фактическим использованием, что объясняется как несовершенством старых планировочных документов, так и отсутствием должным образом оформленных правоустанавливающих документов. Проведение межевания в СНТ является не только технической процедурой уточнения границ, но и правовым инструментом легализации земельных отношений, обеспечивающим возможность государственной регистрации прав граждан на индивидуальные и общие участки товариществ.

В этой связи особое значение имеет соотношение результатов межевания и положений Федерального закона от 29.07.2017 N 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5], который закрепил новые механизмы управления и распоряжения земельными участками в пределах СНТ. Согласно данному закону, границы земель общего пользования должны быть определены в соответствии с данными государственного кадастра недвижимости, а каждый член товарищества обязан обеспечить межевание своего участка в целях исключения наложений и споров. Однако на практике процесс межевания в СНТ осложняется тем, что значительная часть земельных массивов имеет не-

оформленные документы советского периода, границы которых определялись условно и не соответствуют современным координатным системам. В результате возникают массовые случаи отказов в государственной регистрации прав либо необходимость в судебном порядке устанавливать границы, что свидетельствует о необходимости совершенствования правового регулирования межевых процедур.

Следует подчеркнуть, что результаты межевания в СНТ имеют не только индивидуальное, но и коллективное значение. От корректности установления границ земель общего пользования — дорог, проездов, инженерных зон, площадей под объектами инфраструктуры — зависит возможность их использования всеми членами товарищества, а также правомерность владения и распоряжения ими органами управления СНТ. Ошибки в межевании таких территорий способны породить конфликты между отдельными собственниками и товариществом, привести к нарушению прав третьих лиц и вызвать судебные споры о правомерности установленных границ. Таким образом, государственное межевание территорий СНТ должно рассматриваться как элемент публично-правового регулирования, обеспечивающий баланс между частными и коллективными интересами.

Юридические последствия межевания проявляются и в сфере государственной регистрации прав. Результаты межевых работ, будучи утвержденными и внесенными в ЕГРН, приобретают юридическую силу и становятся основанием для регистрации перехода прав собственности, ипотеки, аренды и иных вещных прав. В этом контексте можно говорить о прямой зависимости между качеством межевых работ и устойчивостью зарегистрированных прав. Если границы участка определены некорректно, регистрация права фактически не создает правовой гарантии, так как в любой момент возможно оспаривание местоположения объекта и пересмотр кадастровых сведений. Таким образом, достоверность результатов межевания является предпосылкой стабильности оборота недвижимости, а ее нарушение — фактором правовой неопределенности [6].

Кроме того, анализ правовых последствий межевания показывает, что именно на этом этапе закладываются предпосылки для обеспечения принципа публичной достоверности ЕГРН. Государственная регистрация прав, согласно статье 8.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [7], предполагает, что данные реестра обладают презумпцией достоверности, и третьи лица вправе полагаться на сведения, содержащиеся в нем. Однако если результаты межевания оказались ошибочными, а сведения о границах внесены без надлежащей проверки, презумпция достоверности теряет свое правовое значение, что разрушает доверие к институту регистрации и ставит под угрозу оборотоспособность недвижимости как экономического актива.

В связи с этим в юридической доктрине все чаще поднимается вопрос о необходимости усиления правового контроля за проведением межевых работ, введения ответственности кадастровых инженеров за допущенные ошибки и создания механизма досудебного урегулирования кадастровых споров. Представляется, что формирование эффективной модели государственного межевания возможно только при сочетании принципов точности, публичности и правовой определенности. Необходимо установить нормативные требования к единообразию координатных систем, обязательности согласования границ с заинтересованными лицами и проведению проверок достоверности данных до их внесения в реестр. Только при таком подходе результаты межевания смогут выполнять свою правовую функцию и обеспечивать стабильность регистрации прав.

Таким образом, влияние результатов государственного межевания на государственную регистрацию прав и оборот недвижимости проявляется во множестве взаимосвязанных аспектов — от установления пра-

вовой индивидуализации земельного участка до обеспечения публичной достоверности реестровых сведений. Межевание выступает не просто техническим процессом, но фундаментальным элементом правового механизма, без которого невозможна реализация принципов законности, определенности и безопасности имущественного оборота. Особенности межевания территорий садоводческих некоммерческих товариществ лишь усиливают значимость данного института, поскольку именно в таких пространствах происходит массовая трансформация земельных отношений, требующая комплексного учета публичных и частных интересов. Следовательно, совершенствование правового регулирования государственного межевания, повышение его прозрачности и достоверности, а также формирование единых стандартов проведения межевых работ являются необходимыми условиями укрепления системы государственной регистрации прав и обеспечения устойчивого развития рынка недвижимости в Российской Федерации.

Литература:

1. Калюжин, В. А. Сопряжение ранее учтенных смежных границ земельных участков в кадастре // Интерэкспо Гео-Сибирь. — 2023. — Т. 3, № 1. — С. 217–225.
2. Каленская, Е. Д. Сопряжения смежных ранее учтенных границ земельных участков // Интеллектуальный потенциал Сибири: 31-я Региональная научная студенческая конференция: материалы конференции. В 7-ми частях, Новосибирск, 22–26 мая 2023 года. — Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2023. — С. 274–280.
3. Симакова, Т. В. особенности предоставления земельных участков в рамках государственной программы «Гектар в Арктике» // International Agricultural Journal. — 2023. — Т. 66, № 2. — С. 110.
4. О государственной регистрации недвижимости: Федеральный закон от 13.07.2015 N 218-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2015. — № 29 (часть I). — Ст. 4344.
5. О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29.07.2017 N 217-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2017. — № 31 (Часть I). — Ст. 4766.
6. Зазолина Е. В. Правовое регулирование межевания земель в Российской империи: историко-правовой аспект // Вестник Поволжского института управления. — 2021. — Т. 21, № 2. — С. 80.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

Общая характеристика обеспечения системы национальной безопасности РФ

Шевченко Максим Алексеевич, студент

Оренбургский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье представлено определение системы национальной безопасности Российской Федерации. Выявлено, что данная система находится в постоянном изменении под воздействием внешних и внутренних условий. Определено, что для качественного функционирования системы национальной безопасности РФ необходима деятельность, объединяющая в себе все структуры общества.

Ключевые слова: национальная безопасность, система, условия, совершенствование, Российская Федерация.

General characterization of the national security system of the Russian Federation

Shevchenko Maksim Alekseevich, student

Orenburg Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The article presents the definition of the national security system of the Russian Federation. It is revealed that this system is in constant change under the influence of external and internal conditions. It is determined that for the high-quality functioning of the national security system of the Russian Federation, an activity is necessary that unites all structures of society.

Keywords: national security, system, conditions, improvement, Russian Federation.

На сегодняшний день Российская Федерация на мировом пространстве активно защищает свой суверенитет и национальные интересы, что является основой государственности страны. Это обусловлено существованием внешней угрозы национальной безопасности России.

Национальная безопасность — это отражение взаимосвязи безопасности и общества. Общество представляет собой социально-экономическую и духовную общность людей, которая получила свое формирование

в процессе объединения государственного суверенитета. Данная взаимосвязь реализуется в ситуации противостояния с внешними и внутренними угрозами при функционировании различных геополитических процессов. Цель такого взаимодействия состоит в возможности устойчивого развития.

Также можно представить следующее определение национальной безопасности: «защищенность государства, включающая политические, социальные, экономические,

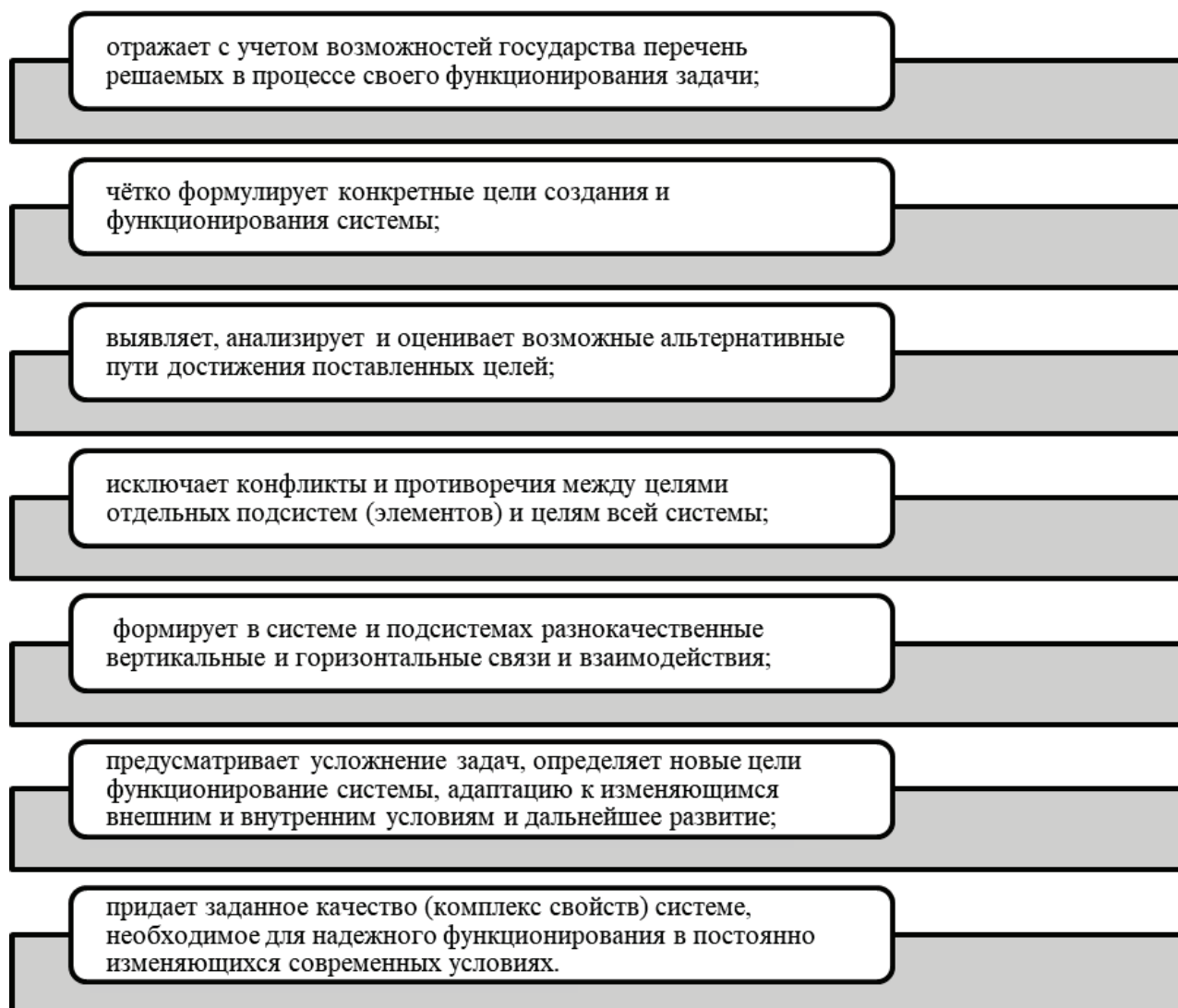

Рис. 1. Основные требования, которые предъявляются к системе национальной безопасности Российской Федерации на современном этапе

военные, экологические и информационные аспекты, и риски осуществления ВЭД, распространения оружия массового поражения, предотвращение неблагоприятного воздействия на культурные и духовные ценности страны» [4].

Для любого государства обеспечение национальной безопасности является одним из направлений деятельности. Построение качественной системы национальной безопасности — это деятельность всех институтов общества (в том числе и граждан), которая своей целью имеет выявление и предупреждение угроз безопасности личности, общества и государства и защите национальных интересов. Российская Федерация на сегодняшний день разработала действующий механизм, который направлен на реализацию стратегии в области национальной безопасности. Она ориентирована на скоординированность деятельности не только государственных органов, но и общественных объединений и граждан. При этом важно учитывать, что реализация системы национальной безопасности России четко соблюдает положения законодательства на всех уровнях [7].

Система национальной безопасности России — это комплексная многоуровневая система, которая носит закрытый характер. Элементами данной системы являются безопасности, объединенные в единое функциональное целое. При этом деятельность осуществляется на различном уровне. Объединение осуществляется на осно-

вании взаимосвязей, построенных как в прямом, так и обратном направлении [6].

На рисунке 1 представлены основные требования, которые предъявляются к системе национальной безопасности Российской Федерации на современном этапе.

Система национальной безопасности Российской Федерации на современном этапе в основном ориентирована на внешнюю среду. Особого внимания заслуживают такие сегменты, как международная и планетарная безопасность [4].

Мировым сообществом признается высокий уровень работоспособности системы национальной безопасности России. Он продемонстрирован в ситуации, когда на государство воздействует не только внешняя среда, но и идут активные изменения во внутренних условиях. Но сложность деятельности привела к тому, что система национальной безопасности активно развивается не только на уровне государства, но и на уровне отдельных регионов и субъектов. Также система национальной безопасности Российской Федерации учитывается интересы отдельных граждан любой национальности, так как страна многонациональна.

Таким образом, можно признать, что обеспечение системы национальной безопасности Российской Федерации находится в стадии динамического развития. Она нуждается в постоянном совершенствовании, которое обусловлено адаптациями к условиям, которые складываются не только под внешним воздействием, но и внутри государства.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Российская газета. 2020 г. 4 июля.
2. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, N 27 (ч. II), 05.07.2021, ст. 5351
3. Елин В. М. Теоретические аспекты формирования понятия национальной безопасности // Инновации и инвестиции. 2022. № 9. С. 242–248.
4. Журавлёв Д. Р. Совершенствование системы национальной безопасности РФ // Теория и практика современной науки. 2016. № 10 (16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-sistemy-natsionalnoy-bezopasnosti-rf> (дата обращения: 13.04.2025).
5. Иванов С. В. Государственная политика обеспечения национальной безопасности: учебное пособие. СПб.: Политех-Пресс, 2021. 320 с.
6. Косьмин А. Д., Косьмина Е. А., Дубенская Е. С. О фундаментальной причине замедления социально-экономического развития России (или о внешнем управлении) // Экономические отношения. 2020. № 1. С. 96–101.
7. Липатов О. А. Внутривнутриполитические аспекты эволюции концепции национальной безопасности Российской Федерации (1991–2019 гг.): дис.... канд. истор. наук: 5.6.1. Нижний Новгород, 2022. 146 с.

Особенности рассмотрения дел об административных правонарушениях, посягающих на права граждан

Эфендиев Азамат Алексеевич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В данной статье рассматриваются особенности рассмотрения дел об административных правонарушениях, посягающих на права граждан. Особенности рассмотрения дел об административных правонарушениях, посягающих на

права граждан, включают: юрисдикцию, соблюдение сроков (рассмотрение дела осуществляется в установленные сроки) и подсудность. При рассмотрении правонарушений, посягающих на права граждан, важно учитывать особенности квалификации рассматриваемых правонарушений.

Ключевые слова: административные правонарушения, ответственность, особенности рассмотрения дел, посягающие на права граждан.

Peculiarities of considering cases of administrative offenses that infringe on the rights of citizens

This article examines the specifics of administrative cases involving violations of citizens' rights. These include jurisdiction, compliance with deadlines (cases are considered within the established timeframes), and venue. When considering offenses that infringe on citizens' rights, it is important to consider the specific classification of the offenses in question.

Keywords: administrative offenses, liability, specific considerations of cases that infringe on citizens' rights.

Российская Федерация, являясь правовым государством с демократическим режимом правления, приняла обязательство гарантировать права и свободы человека и гражданина, в том числе конституционное право избирать и быть избранным (ст. 2 и ч. 2 ст. 32 Конституции РФ) [1].

Одним из основных обстоятельств и показателем степени развития демократии современного российского государства принято считать положение и состояние избирательной системы, свидетельствующей о реальном участии гражданина в избирательном процессе как в целом, так и на каждом его этапе в отдельности. Между тем в рамках избирательных прав граждан существует пласт правонарушений. Административная ответственность за правонарушения, посягающие на права граждан, в том числе на избирательные права, предусмотрена главой 5 КоАП РФ [2]. Протокол об административном правонарушении может быть составлен в отношении различных лиц, включая граждан, кандидатов, избранных депутатов, должностных лиц и юридических лиц, независимо от их статуса.

Избиратели, кандидаты, избирательные объединения и блоки, иные общественные объединения, наблюдатели, избирательные комиссии могут обратиться с жалобой на любые замеченные противоправные действия или бездействия, в результате которого были нарушены избирательные права. Центральная избирательная комиссия РФ может обратиться в Верховный Суд РФ, если жалоба касается интересов большого количества граждан или имеет особое социальное значение.

Жалобы, поступившие во время избирательной кампании, должны быть рассмотрены в течение 5 дней до дня голосования, а решения по жалобам на результаты голосования должны быть приняты быстро, не позже чем через 10 дней. Суд в свою очередь должен вынести решение по жалобе на решение избирательной комиссии в течение 2 месяцев.

После выявления административного правонарушения проводится административное расследование, которое назначает член избирательной комиссии с правом решающего голоса. В определении указывается информация о лице, составившем определение, дата и место его составления, а также данные, указывающие на наличие

состава административного правонарушения и статье Кодекса, предусматривающей ответственность.

Административное расследование должно быть завершено в течение месяца с момента его начала. По итогам расследования составляется протокол об административном правонарушении или принимается решение о прекращении дела.

При рассмотрении правонарушений важно учитывать особенности квалификации рассматриваемых правонарушений. Если это касается нарушений трудовых прав граждан, в этом случае индивидуальные предприниматели сами несут ответственность за совершенные правонарушения. Согласно статье 5.27 КоАП устанавливаются нарушения в области трудового законодательства и охраны труда без упоминания должностного лица.

Рассмотрение дела об административном правонарушении в рамках ст.ст. 5.35–5.37 КоАП РФ происходит в 15-дневный срок после получения протокола. Дело рассматривается коллегиально на заседании комиссии согласно плану работы, который контролирует председатель. Заседания проводятся не реже двух раз в месяц под председательством председателя комиссии или его заместителя.

В состав членов комиссии входят:

— представители различных организаций, занимающихся профилактикой безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних, включая государственные и муниципальные органы, общественные объединения и религиозные конфессии.

— люди, заботящиеся о правах детей и имеющие опыт работы с ними, а также другие заинтересованные лица, включая депутатов.

Члены комиссии имеют равные права при осуществлении своих обязанностей при рассмотрении дел об административных правонарушениях и при вынесении решений. Заседание считается несостоявшимся, если присутствует менее половины членов. Члены комиссии обязаны лично присутствовать на заседании и должны быть ознакомлены тщательным образом с материалами дела об административном правонарушении перед его рассмотрением.

Рассмотрение дела включает в себя прослушивание сторон и их представителей, а также участие заинтересованных лиц, свидетелей, экспертов и переводчиков. Стороны и участники дела имеют право принимать участие в исследовании доказательств и задавать вопросы другим участникам, включая экспертов и специалистов.

Закон обязывает прокурора участвовать в производстве, если дело касается несовершеннолетних, что является следствием обеспечения защиты их прав и свобод. Практика прокурорского надзора показывает, что нарушения в сфере защиты прав несовершеннолетних носит распространенный характер. Комиссии должны контролировать исполнение законодательства о защите прав и законных интересов несовершеннолетних. Но иногда, при подготовке к рассмотрению, или же во время рассмотрения дела об административном правонарушении, комиссия может принять решение и отложить рассмотрение дела по объективным обстоятельствам. Определение об отложении дела принимается большинством голосов и записывается в протоколе заседания с указанием оснований (ст. 29.4 КоАП РФ). Срок рассмотрения дела может быть продлен на 1 месяц при наличии оснований (ст. 29.8 КоАП РФ).

Результаты рассмотрения дела к слушанию зависят от качества и уровня подготовки материалов. Следует отметить,

что на родителя или же на законного представителя несовершеннолетнего, в отношении которого ведется административное дело об административном правонарушении, посягающем на права и законные интересы несовершеннолетнего, презумпция невиновности применяется в полной мере (ст. 1.5 КоАП РФ), т. е. родитель или законный представитель не должен доказывать свою невиновность. В случае неустранимых сомнений в виновности, возникшие на заседании комиссии, трактуются в пользу родителя или законного представителя несовершеннолетнего.

Таким образом, особенность доказательств в делах об административных правонарушениях, посягающих на права граждан, заключается в их своевременном и законном сборе уполномоченными органами, а также в правильной оценке на основе всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств дела. Это означает, что доказательства должны быть получены в соответствии с законом и в установленные сроки, а затем проанализированы без предвзятости с учетом всех фактов и их взаимосвязи. Принудительные меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренные в статье 27.1 КоАП РФ, направлены на гарантированное обеспечение процесса расследования с установлением всех обстоятельств каждого конкретного дела.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 25.12.1993. № 237.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 1.

Наследование накопительной части пенсии в России: проблема бессрочных выплат и предложение изменений

Яскунова Юлия Мартемьяновна, студент магистратуры

Научный руководитель: Кирсанов Константин Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Вологда)

Статья посвящена комплексному исследованию вопросов наследования накопительной части пенсии в Российской Федерации. Актуальность темы обусловлена необходимостью совершенствования системы наследования накопительной части пенсии. В работе исследуется проблема бессрочных выплат и предлагаются изменения в законодательство, направленные на решение выявленных проблем. Анализ проводится на основе изучения актуальной научной литературы.

Ключевые слова: гражданское право, институт наследования, наследование накопительной пенсии, пенсионная система, имущественные права.

Система пенсионного обеспечения в России включает в себя страховую и накопительную части. Пенсионная система Российской Федерации претерпела ряд существенных изменений за последние десятилетия, в том числе, введение накопительного компонента.

В российской пенсионной системе накопительная часть пенсии формируется за счет отчислений работодателя, добровольных взносов и инвестиционного дохода, она призвана обеспечить дополнительный источник дохода в старости, стоит отметить, что накопительный эле-

мент в РФ был запущен с 2002 года для работников моложе 1967 года рождения. На его формирование направлялось в 2002–2004 годах 3 %, в 2005–2007 годах — 4 %, в 2008–2009 годах — 6 %, с 2012 года — 6 %. Однако уже в 2014 году произошла «заморозка» накопительного компонента, длящаяся до сих пор. [1, с. 55].

Существующее правовое регулирование наследования накопительной пенсии содержит пробелы, которые вызывают вопросы с точки зрения справедливости и защиты имущественных прав граждан.

Все накопительные пенсионные программы содержат положения о гарантиях минимальных выплат [2, с. 158]. В настоящее время накопительная часть пенсии может быть выплачена единовременно, срочно или бессрочно (пожизненно). Действующее законодательство предусматривает наследование только той части накопительной пенсии, которая не была назначена к выплате. Если пенсионер выбрал бессрочную выплату, то после его смерти остаток невыплаченных средств не включается в наследственную массу и переходит государству.

Выплата средств пенсионных накоплений правопреемникам умершего застрахованного лица осуществляется при условии обращения за указанной выплатой к страховщику, у которого сформировались средства пенсионных накоплений на дату смерти застрахованного лица, в течение 6 месяцев со дня смерти застрахованного лица [3, с. 226].

В соответствии с п. 12 ст. 9 Закона N 173-ФЗ, если смерть застрахованного лица наступила до назначения ему накопительной части трудовой пенсии по старости или до перерасчета размера этой части указанной пенсии с учетом дополнительных пенсионных накоплений, средства, учтенные в специальной части его индивидуального лицевого счета, выплачиваются в установленном порядке лицам, указанным в п. 12 ст. 16 данного Закона: в первую очередь детям, в том числе усыновленным, супругу и родителям (усыновителям), во вторую очередь — братьям, сестрам, дедушкам и внукам. В частности, законодательство предусматривает возможность наследования только тех средств накопительной пенсии, которые не были назначены пенсионеру при жизни. В случае, если пенсионер уже получает накопительную пенсию бессрочно, остаток средств на его счете на момент смерти не подлежит наследованию и переходит в распоряжение государства. Страховые взносы застрахованного лица, образующие его пенсионные накопления, являются в силу ст. 16 Федерального закона от 15.12.2001 N 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» и ст. 5 Федерального закона от 24.07.2002 N 111-ФЗ «Об инвестировании средств для финансирования накопительной части трудовой пенсии в Российской Федерации» федеральной собственностью, а не собственностью умершего [4].

Данная ситуация представляется безосновательной, поскольку, фактически, речь идет об имуществе, сформированном за счет личных средств гражданина, которое, по логике вещей, должно переходить к его наследникам. Основа

устойчивости любой накопительной пенсионной системы состоит в доверии к ней со стороны населения [5, с. 184].

Проблемы правового регулирования наследования накопительной пенсии: действующее пенсионное законодательство четко регулирует порядок выплаты средств пенсионных накоплений правопреемникам в случае смерти застрахованного лица до назначения ему накопительной пенсии или до корректировки ее размера с учетом дополнительных взносов. Однако, вопрос о наследовании средств, оставшихся на счете пенсионера после назначения ему бессрочной накопительной пенсии, остается нерешенным.

По проблеме бессрочных выплат и предложениям изменений в законодательстве выступил 3 июня 2025 года депутат Госдумы Сергей Гаврилов [6], председатель комитета по вопросам собственности, земельным и имущественным отношениям, в его докладе, говорилось о необходимости расширения прав наследования накопительной части пенсии в России. Он подчеркнул, что в текущем законодательстве наследование накопительной пенсии возможно только если человек умер до назначения пенсии или получал её в виде срочной выплаты, но не при выборе бессрочной выплаты. Он предложил расширить возможность наследования, в том числе разрешить передачу накоплений по завещанию и расширить формы получения средств для наследников. По его мнению, это сделало бы систему более привлекательной и стимулировало бы участие граждан в накопительной пенсионной системе. Таким образом, его позиция состоит в расширении прав наследования накопительной пенсии, включая наследуемость средств при бессрочных выплатах, и упрощении доступа к пенсионным накоплениям.

Во многих странах пенсионные накопления, не израсходованные к моменту смерти, могут быть частично или полностью переданы наследникам, особенно если речь идет о добровольных пенсионных программах или индивидуальных пенсионных счетах. Это повышает доверие граждан к пенсионной системе и стимулирует долгосрочные накопления [7]. В Германии наследование имущества, включая пенсионные права, регулируется принципом универсального правопреемства (Universal succession), согласно которому все активы и обязательства умершего переходят к правопреемникам. Этот принцип закреплен в Гражданском кодексе Германии (Bürgerliches Gesetzbuch, BGB), книга 5, разделы 1922–2385. Пенсия как часть имущества может передаваться наследникам, но при этом накопительная часть трудовой пенсии регулируется специальным пенсионным законодательством, а не наследственным правом. Таким образом, наследование пенсии включено в наследуемое имущество на общих основаниях, регулируемых положениями Гражданского кодекса Германии [8]. Во Франции наследование пенсии также определено законом, но размер наследуемой пенсии не является фиксированным и зависит от множества факторов. При наследовании пенсии во Франции также действуют налоговые обязательства.

В российском законодательстве накопительная часть пенсии может наследоваться только в отдельных случаях. Если пенсионер выбирает бессрочную выплату накопительной пенсии, то после его смерти остаток невыплаченных средств не считается наследственной массой и переходит государству. Наследникам полагаются выплаты только по остаткам срочной пенсии или если пенсионер умер до назначения пенсии. Для изменения этой практики и обеспечения наследования остатка накопительной пенсии после смерти пенсионера при бессрочной выплате можно предложить законодательную инициативу:

1. Внести изменения в закон № 111-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» и соответствующие нормативные акты, чтобы: остаток невыплаченной части накопительной пенсии, при выборе пенсионером бессрочной выплаты, не переходил государству, а передавался в наследственную массу; установить порядок расчета суммы, подлежащей наследованию (например, путем вычета из общей суммы пенсионных накоплений фактически выплаченных пенсионеру средств); право на получение остатка суммы предоставлялось наследникам пенсионера при условии его смерти, вне зависимости от вида выплаты (срочная или бессрочная).

2. Включить остаток средств на счете накопительной пенсии в состав наследственной массы, указав, что данные средства наследуются в соответствии с правилами, установленными пенсионным законодательством. Дополнить статью 1183 ГК РФ пунктом, предусматривающим включение в состав наследства остатка невыплаченных средств по бессрочной накопительной части пенсии.

3. Установить порядок заявления наследниками права на получение остатка накопительной пенсии: наследники должны обратиться в ПФР или НПФ в течение шести месяцев со дня смерти пенсионера с соответствующим заявлением и документами, подтверждающими право на наследство.

4. Предусмотреть возможность для пенсионера при назначении бессрочной выплаты указать наследников (аналогично завещанию), которым перейдет остаток средств по его смерти.

5. Обеспечить прозрачность учета и выплаты остатка накопительной пенсии наследникам, включая обязательное уведомление наследников и контроль со стороны ПФР или НПФ.

Такая инициатива позволит наследникам получить остаток накоплений, а не терять эту сумму для государства, что повысит справедливость и мотивацию к своевременному оформлению прав на пенсию. Таким образом, предложение изменит правило о том, что остаток по бессрочной выплате не наследуется, сделав его наследуемым имуществом в рамках пенсионного законодательства РФ. Законодательное закрепление права наследования накопительной части пенсии является необходимым шагом для обеспечения социальной справедливости и повышения эффективности пенсионной системы. Предлагаемая концепция внесения изменений в пенсионное законодательство и Гражданский кодекс РФ направлена на решение данной проблемы и создание более справедливой и прозрачной системы наследования пенсионных накоплений.

Литература:

1. Спиваков А., Доровская Н. Долгосрочные финансовые и пенсионные инструменты развитых стран мира и их государственное стимулирование / Андрей Спиваков, Наталья Доровская. — М.: Проект Livres, 2024. — 976 с.
2. Роик, В. Д. Пенсионный возраст и модернизация пенсионных систем: отечественный и зарубежный опыт: монография / В. Д. Роик. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 336 с.
3. Афтахова, А. В. Пенсионное обеспечение: учебник для среднего профессионального образования / А. В. Афтахова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 302 с.
4. Некрасов А. Наследование накопительной части пенсии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.justicemaker.ru/viewarticle.php?id=20&art=2757> (дата обращения: 18.10.2025).
5. Ермаков Д. Н. Современное пенсионное обеспечение в Российской Федерации: Учебное пособие для магистров / Д. Н. Ермаков, С. А. Хмелевская. — 2-е изд., стер. — Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2019. — 396 с.
6. ТАСС. Возможности наследования накопительной пенсии предложили расширить / ТАСС, 3 июня 2025. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/24119065> (дата обращения: 18.10.2025).
7. Швандар К. В., Анисимова А. А. Мировой опыт предоставления пенсионных гарантий в добровольных пенсионных планах. Финансовый журнал. 2019. №5. С.64–73.
8. Гражданское уложение Германии. Вводный закон к Гражданскому уложению = Deutsches Burgerliches Gesetzbuch mit Einfuhrungsgesetz. Кн. 1; пер. с нем.; предисл. В. Бергманн. 2-е изд., доп. Гамбург: Журналист, 2005. 728 с.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 43 (594) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 05.11.2025. Дата выхода в свет: 12.11.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.